И 106/403

ЮГЪ

И 106/403

Священникъ І. Арсеньевъ.
Отъ автора,
22. I. 1910.

Ф 1-75/12000

НА ЮГѢ.

ПУТЕВОЙ ДНЕВНИКЪ

ВОСПИТАННИКОВЪ САМАРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ

подъ редакціей

преподавателя К. Казанскаго.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р. Ф.30-3824

САМАРА.
Типографія Самарской Духовной Консисторіи (Н. А. Жданова).
1900.

Отдѣльный оттискъ изъ Сам. Епарх. Вѣд. за 1900 г.

2007111393

НА ЮГѢ.

Дневникъ воспитанниковъ Самарской Духовной Семинаріи за время лѣтней экскурсіи 1900 года.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Удачный опытъ путешествія на сѣверъ, предпринятаго нами годъ тому назадъ, подъ руководствомъ ректора, вниманіе и сочувствіе, котораго мы удостоены были во всѣхъ попутныхъ семинаріяхъ, авторитетное поощреніе нашей иниціативы со стороны ректоровъ Академій Московской и Казанской и наконецъ—широкое распространеніе идеи паломничества среди воспитанниковъ другихъ семинарій, особенно поволжскихъ, явилось для насъ достаточнымъ побужденіемъ нынѣ вторично предпринять поѣздку, также какъ и въ минувшемъ году, съ религіозными и общеобразовательными цѣлями.

Мы собрались въ количествѣ пятнадцати человѣкъ, при участіи тѣхъ же руководителей, что и въ минувшемъ году и при тѣхъ же, что и въ минувшее лѣто, условіяхъ экономическихъ и интеллектуальныхъ, также подъ руководствомъ ректора, одного изъ преподавателей и духовника, который не только велъ наше хозяйство, но и слѣдилъ за дисциплиной (за что и получилъ названіе „благочиннаго“); также съ своей библіотекой, походными медикаментами, „придворнымъ фотографомъ“ и альбомами для дневниковъ и сниманія видовъ. Наканунѣ отъѣзда получили благословеніе Владыки, въ день отправки отслужили молебенъ въ семинарской церкви и условились 13 іюня къ часу дня быть на Самолетскомъ пароходѣ съ намѣреніемъ ѣхать чрезъ Саратовъ въ Кіевъ, Черниговъ, Екатеринославъ, Севастополь, Ялту и обратно чрезъ Новороссійскъ и Царицынъ до Самары.

ОТЪ САМАРЫ ДО КІЕВА.

13 іюня. Скучный полуденный часъ. На берегу Волги и на пароходскихъ конторкахъ такая мертвая тишина, что, по пословицѣ, „слышно было бы какъ мухи летаютъ", если бы со всѣхъ сторонъ не разсѣевалъ звукъ широкій, необъятный просторъ. Тишина по временамъ нарушается лаемъ голодной собаки, да выкрикиваніемъ, быть можетъ, не менѣе голоднаго газетчика, торгующаго „Будильникомъ", „Стрекозой" и „Развлеченіемъ" или зазываніемъ букиниста, продающаго „газеты Московскія, Петербургскія, Самарскія". До отхода парохода *Владиміръ Ратьковъ-Рожновъ* осталось полтора часа, и мы обречены этотъ довольно продолжительный срокъ „продавать слоны" на пароходской пристани. Нѣтъ, кажется, ни одной мелочи въ пристанской жизни, которую бы мы не замѣтили и не запомнили въ подробностяхъ за это время: мѣшки съ мукою, загромоздившіе всю конторку, скучающихъ матросовъ, квартальныхъ, которымъ приказано „ѣсть мимопроходящее начальство глазами", писарей, зѣвающихъ въ окна рѣшетки, кассировъ, выдающихъ билеты, барынь, разсчитывающихся съ носильщиками...

Черезъ полчаса послѣ нашего пріѣзда на пристань обстановка измѣняется. Одинъ за другимъ начинаютъ приходить провожающіе насъ наши знакомые: сначала „мелкіе люди", которые не сразу найдутъ себѣ мѣсто на обширной конторкѣ; это—товарищи учениковъ или участвовавшіе въ прошлогодней поѣздкѣ; затѣмъ—педагоги, протоіереи, іереи, діаконы и половина семинарской „корпораціи". Собралось народу въ заключеніе столько, что по выраженію одного нашего добраго знакомаго „въ полчаса всѣхъ не перецѣлуешь" при прощаньи. Разговоръ оживился; каждый спѣшитъ высказать свои впечатлѣнія относительно Юга, не слушаютъ одинъ другаго, торопятся со своими вещами, спѣшатъ купить на дорогу всякой дряни, наказываютъ поклоны, благожеланія, посылаютъ привѣтствія. Жужжанье какъ въ ульѣ... За полчаса до отъѣзда прибылъ на пароходъ ректоръ. Теперь мы всѣ въ сборѣ,—не только нынѣшніе путники, но и прошлогодніе, такъ что получается впечатлѣніе, будто и не проходило го-

да съ той поры, какъ мы возвратились изъ Соловковъ. Только лучше одѣты наши бывшіе спутники, да въ рѣчахъ и манерахъ ихъ стало больше самоувѣренности.

Одинъ за другимъ раздались три свистка. Сонный нашъ пароходъ не спѣша отошелъ отъ конторки, напутствуемый толпою нашихъ благожелателей, которыхъ матросы то и дѣло приглашали „отойти отъ борта". Компанія собралась большая и веселая: до Балакова насъ провожали окончившіе курсъ семинаристы, до Сызрани — семинарскій фельдшеръ, до Саратова всѣми любимый нашъ А. Е—чъ, добродушнѣйшій преподаватель. Разговорамъ нѣтъ конца. Всѣ чувствуютъ, что выѣхали наконецъ на широкій водный просторъ и надолго покончили счеты съ надоѣвшими за время экзаменовъ учебниками. Большинство одѣты по праздничному, хотя и не безъ нѣкоторыхъ дефектовъ: на одномъ роскошный, новенькій костюмъ, бѣлый галстукъ, и... ни одной запонки, на другомъ аристократическая пара и... русская „фантазія", третій — въ очкахъ и русской „косоворотк‡". Дѣло дорожное, да и матушка Волга, снисходительная ко всякимъ костюмамъ, ровно ничего не имѣетъ противъ, если и „не выдержанъ стиль" въ вашей одеждѣ.

День немного сумрачный. Пароходъ едва движется, мѣрно покачиваясь на своихъ волнахъ и направляясь къ „нефтянкѣ". Съ противоположной стороны открывается роскошный видъ на Самару: масса строеній, церкви, громадные хлѣбные амбары. Вдосталь успѣете вы насмотрѣться на прекрасную панораму города, пока нефть переливается по тонкому жолобу изъ громадной барки въ пароходную машину. Наконецъ отцѣпляемся и ѣдемъ дальше. Проѣхали старый городъ и устье Самарки съ безконечными цистернами. Дальше — ни одного селенія, одни только прибрежные кусты и деревья, да на далекое пространство водная даль, изрѣдка пересѣкаемая зелеными островами.

Наше помѣщеніе — въ передней части парохода, отдѣленной отъ „носа" дверью съ надписью: „входъ пассажирамъ запрещается". Не обращая вниманія на предостереженіе, пишущій эти строки прошелъ запретную дверь, сѣлъ на связку канатовъ и при-

готовился записывать свои впечатлѣнія, но сразу же остановленъ былъ грознымъ окрикомъ матроса: „Баринъ! а баринъ! Здѣсь пассажирамъ находиться не положено“. „Баринъ“ оказался не изъ послушныхъ: вмѣсто того, чтобы по первому же приглашенію уйти, онъ началъ пространно доказывать, что всѣхъ распоряженій на пароходѣ не переслушаешь... Но когда и этотъ основательный аргументъ не произвелъ надлежащаго воздѣйствія, началъ съ дрогого конца, пустился съ матросомъ въ область генеалогіи, при чемъ оказалось, что споривше были земляки и одинъ къ другому пришелъ не иначе, какъ въ „гости“... Черезъ четверть часа исполнительный пароходскій слуга и случайный путешественникъ сошлись другъ съ другомъ совершенно попріятельски и вели интересную бесѣду о домашнихъ дѣлахъ, а еще черезъ полчаса— оба углубились въ литературную работу. Путникъ взялся за свои мемуары, а матросъ досталъ изъ глубокаго кармана засаленныхъ шароваръ бѣлый грошовый карандашъ, размѣромъ не болѣе пуговицы, очинилъ его громаднымъ хлѣбнымъ ножемъ и началъ выводить въ своей книжкѣ какія-то цифры Нужно сознаться, что швабра въ рукахъ „писателя“ держалась гораздо свободнѣе, чѣмъ карандашъ. Не малыхъ трудовъ ему стоило заносить свои записи на бурлацкую бумагу, и долго бы навѣрно промучился онъ, бѣдный, если бы не вывелъ его изъ затрудненія своимъ свисткомъ капитанъ, приглашая къ наметкѣ. Совершенно безсознательно „сотрудникъ“ бросилъ карандашъ и во все горло закричалъ: „Есть“!... Затѣмъ взялъ шестъ и началъ мѣрять, а я въ это время продолжалъ свои замѣтки. Скажу по совѣсти, рѣдко встрѣтишь обстановку болѣе благопріятствующую писательству: громадный якорь со всѣми приспособленіями вмѣсто письменнаго стола, связка канатовъ—взамѣнъ этажерки, обрубокъ дерева вмѣсто стула, въ лирическомъ безпорядкѣ разбросанныя вещи матросовъ, большая жестянка съ нефтью, ведро, которымъ черпаютъ воду прямо изъ Волги... чѣмъ не аристократическій кабинетъ?

Окончивъ письмо, идемъ кверху и пытаемся завести знакомство съ первоклассными пассажирами. Пароходское начальство къ намъ внимательно и съ верхней палубы не гоняетъ. Отъ одного изъ

знакомыхъ здѣсь получаемъ извѣстіе, что десять студентовъ Московской Академіи, подъ руководствомъ ректора, двухъ профессоровъ и одного приватъ—доцента университета предприняли путешествіе въ Константинополь, на Аѳонъ, въ Іерусалимъ, Каиръ и Бейрутъ и что на обратномъ пути, черезъ Грецію, паломники раздѣлятся на двѣ части: одна отправится въ Римъ, а другая черезъ Одессу въ Москву. Проэктируемъ далѣе и мы измѣнить свой маршрутъ, включивъ въ нашу поѣздку путь по Дону, отъ Царицына черезъ Калачъ и Ростовъ на Дону въ Азовское море. Проэктъ предложенъ былъ „о. благочиннымъ“ и первоначально принятъ съ восхищеніемъ, но былъ также скоро и оставленъ, какъ придуманъ: не сообразили, что въ Калачѣ придется ждать Донского парохода четверы сутки. Дальше время пошло скучнѣе. Берега ровные, однообразные, смотрѣть не на что. Нѣсколько, правда, развлекла вниманіе тринадцати—престольная церковь, на правой сторонѣ рѣки, построенная во оно время барскаго величія какимъ-то меценатомъ. Но проѣхали и это диво самородной архитектуры, и... „больше не на чемъ намъ взоръ остановить“. Погода хмурая, совсѣмъ осенняя. Небо покрыто почти сплошь синими тучами, легкій вѣтерокъ и ни капли дождя. Однообразіе внѣшнихъ впечатлѣній увеличивается еще болѣе монотоннымъ стукомъ машины, а протяжный, похожій на волчій вой, звукъ какого то механизма въ кормѣ парохода еще болѣе усиливаетъ тоску и уныніе. Пассажиры бродятъ по палубѣ точно сонныя мухи и въ этотъ день чаще, чѣмъ прежде подходятъ къ буфету и „грѣются“. Одни только матросы не дремлютъ и не унываютъ: ясный—ли день, сумракъ, непогодь, и даже буря,—имъ все равно: родная стихія имъ эта рѣка. Вотъ и сейчасъ: всѣ скучаютъ отъ погоды и бездѣлья, а они со всѣми удобствами пристроились за чайнымъ столомъ: затворили дверь отъ вѣтра, постлали скатерть на столъ, поставили большущій самоваръ, блюдо съ клубникой, чайники и стаканы и пьютъ—наслаждаются—„въ прикуску“, разбавляя чай праздным разговоромъ и веселыми анекдотами. Удивительный народъ эти матросы—никакое горе, кажется, не въ состояніи взволновать ихъ до глубины сердца: постоянно веселы.

Избѣгая тоски и унынія, и мы слоняемся изъ угла въ уголъ по пароходу, останавливаясь у каждаго объявленія и внимательно читая и перечитывая безконечный кодексъ предписаній, которыми пароходское начальство снабжаетъ отправляющихся въ путь пассажировъ. Это своего рода талмудъ: все точно прописано: какъ встать, какъ сѣсть, какъ вести себя, какъ „не нарушать приличія“, и что можетъ сдѣлать капитанъ парохода „за нарушеніе правилъ“. Прежде чѣмъ садиться на пароходъ, нужно съ полчаса учить эти правила, чтобы уже вступить въ плаваніе во всеоружіи, и пожалуй хорошо бы,—если все это дѣйствительно пишется серьезно,—каждаго пассажира, прежде чѣмъ выдать ему билетъ, препровождать въ особую аудиторію, гдѣ ему (или вмѣстѣ всѣмъ ѣдущимъ съ извѣстнымъ рейсомъ) особо назначеннымъ для сей цѣли пеономомъ преподавалась лекція о „благоповеденіи„ на пароходѣ.

Приближается время обѣда. Обѣдаемъ нынѣ по-дворянски—вечеромъ. За столомъ оживленно спорим о значеніи и преимуществахъ постовъ великаго и успенскаго, къ великому удовольствію сѣдого, какъ лунь, старика, который пристроился на сосѣдней лавочкѣ, облокотился на свою старческую руку и съ удовольствіемъ и умиленіемъ слушаетъ разговоръ, почти проповѣдь, „о божественномъ“...

Обѣдъ и оживленныя рѣчи прерваны были на самой срединѣ извѣстіемъ: „мостъ!“... Всѣ побросали свои ложки и побѣжали смотрѣть. Издали, дѣйствительно, грандіознѣйшее сооруженіе: будто гигантская, искусно сотканная паутина раскинулась поперекъ великой рѣки на громадномъ пространствѣ. Кажется, что все сооруженіе виситъ въ воздухѣ, такъ легко оно издали; будто нѣсколько только шестовъ придерживаютъ основаніе верхней части моста. Но подъѣзжаете ближе, и невольно поражаетесь подавляющей массивностью желѣзныхъ пролетовъ и чрезвычайной устойчивостью дюжины громадныхъ каменныхъ быковъ, которые поддерживаютъ надъ водою рѣшетки. Мостъ низко виситъ надъ рѣкою; на самомъ близкомъ разстояніи кажется, что пароходская мачта непремѣнно задѣнетъ за основаніе желѣзной кладки... Не-

вольно безпокоитесь вы за судьбу парохода, но подъѣзжаете близко, и пароходъ совершенно спокойно проходитъ дальше, не только не задѣвая моста мачтой, но и оставляя еще большое пространство до рельсовъ. Оригинально и очень интересно стучитъ пароходская машина, когда ѣдешь подъ мостомъ: будто присмиряетъ, ударяетъ тише, ровнѣе, а камни и желѣзные переплеты, какъ сурдинка, скрадываютъ и этотъ мѣрный звукъ. За нѣсколько мгновеній до моста, послышался на лѣвой сторонѣ Волги рѣзкій свистъ локомотива и вошелъ за рѣшетку громадный поѣздъ, оставляя за собою бѣлые клубы дыма. Жутко немного ѣхать, чувствуя надъ собою десятки тысячъ пудовъ, которые могутъ сразу же раздавить васъ, не оставивъ даже костей. Чувство легкости невольно рождается въ душѣ, лишь только вы освободитесь отъ гнетущей тяжести этого гиганта... Непосредственно за мостомъ привлекательная картина приволжскихъ видовъ: особенно красиво село, расположенное на правой сторонѣ Волги, по береговому откосу, параллельно съ пролегающей здѣсь желѣзной дорогой; налѣво, видна, синева берега, пригорокъ; на рѣкѣ плыветъ бѣляна, полицейскій пароходъ, маленькія лодочки. Всѣ столпились у борта, спорятъ, стараются перекричать другъ друга, настойчиво отстаивая свои сужденія относительно твердости сооруженій, зеленыхъ сигналовъ и телеграфныхъ столбовъ.

Проводивъ глазами мостъ, возвращаемся къ оставленному обѣду, все еще продолжая спорить. Юношество обступаетъ со всѣхъ сторонъ А. Е-ча и что-то старается ему доказать; тотъ съ удивительнымъ терпѣніемъ выслушиваетъ каждаго, будто боясь быть невнимательнымъ къ кому нибудь и не имѣя возможности высказать самъ свои сужденія одновременно съ перебивающимъ одинъ другого десяткомъ голосовъ. Симпатіи глубокія и рѣдкостное пониманіе учениками своего наставника, вдвое старшаго каждаго изъ нихъ... Разговоръ кончился. Преподаватель, не торопясь, пошелъ разыскивать „своихъ“—пить чай въ залѣ второго класса, а юношество разбрелось по разнымъ угламъ.

Приближаемся къ Сызрани, уѣзд. городу Симбирской губерніи. На пароходскихъ конторкахъ, которыя только день тому

назадъ переведены съ Волжки въ Волгу, встрѣчаемъ двоихъ товарищей, бывшихъ въ минувшемъ году участниками Соловецкаго путешествія. Стремительно бросаемся здѣсь другъ другу въ объятія и долго и обстоятельно бесѣдуемъ о предстоящемъ пути. Жалѣютъ наши товарищи, что не пришлось имъ участвовать въ нынѣшнемъ путешествіи... Увлекаемся въ бесѣдѣ настолько, что едва слышимъ третій свистокъ, властно приглашающій насъ ѣхать дальше. Собираемся опять на трапѣ парохода и долго смотримъ на Волгу. Вечеръ наступаетъ. Будто немножко яснѣе стало. Подъ темнымъ береговымъ обрывомъ прошла „Боярыня,“ самый быстроходный пароходъ Волжскаго Общества. Разговоръ началъ принимать шутливое настроеніе. Какой-то комикъ съ неподражаемымъ юморомъ разсказываетъ, какъ Самарцы ѣздятъ на маленькихъ пароходикахъ на свои дачи. Путь пѣшкомъ до самой дальней дачи не больше двухъ часовъ, а на финляндскомъ пароходикѣ пять и больше. Ѣдутъ обыкновенно такъ. Отъѣхали отъ пристани благополучно, и саженъ сто сдѣлали къ срединѣ Волги. Вдругъ кричатъ изъ машины: „Гайка развинтилась!“ Послали въ городъ за слесаремъ, завинтили гайку, ѣдутъ... Еще проѣхали съ версту. Снизу опять кричатъ: „Нефти нѣтъ.“ Опять станція: нефть нагружаютъ... Объ исправности рейсовъ ужъ и говорить не остается: чиновникъ попадаетъ на дачу приблизительно черезъ сутки. Былъ даже случай, когда одинъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ, возвратившись на такомъ пароходикѣ среди глубокой ночи до пяти часовъ утра не могъ разыскать своей дачи... Очень жаль, что не доставили его своевременно домой на счетъ выручки „финляндскаго общества.“

Стемнѣло. Зажгли электричество. Путники наши собрались за чайнымъ столомъ въ каютѣ третьяго класса и устроили литературно-вокальный вечеръ. Сначала фигурировали „страницы поэта,“ чтеніе по очереди авторовъ, взятыхъ съ собой въ походную библіотеку, потомъ перешли къ картинѣ Яна Стыки «Голгоа». Сильное, неизгладимое впечатлѣніе производитъ эта картина, даже въ копіи, на зрителя. Не передать словами страждущій, но вмѣстѣ съ тѣмъ восторженный, вдохновенный ликъ Христа, понесшаго на

Себѣ грѣхи всего міра и глубоко скорбящаго о людскихъ беззаконіяхъ. Не хватитъ умѣнья даже лучшаго художника, для того чтобы кистью выразить въ лицѣ Страдальца слова: *Прискорбна есть душа моя до смерти.* нарисовать свѣтъ небесный, разсѣвающійся отъ лика, изобразить взоръ устремленный горѣ Нѣтъ, далѣе, словъ для того, чтобы передать настроеніе этой бездушной толпы безчувственныхъ въ надменномъ величіи фарисеевъ, римскихъ когортъ, исполнителей власти, чтобы высказать печаль близкихъ ко Христу и приверженныхъ къ Нему учениковъ и послѣдователей, глубоко-скорбящихъ о любимомъ учителѣ... Не вѣдаютъ они, что пройдутъ вѣка, и дѣти и внуки будутъ проливать кровь за Того, Кого отцы и дѣды предали на позорныя страданія и что правнуки и праправнуки ихъ положатъ здѣсь камни въ основаніе храмовъ христіанскихъ...

Позднимъ вечеромъ собрались всѣ на кормѣ парохода и затянули тягучую, заунывную пѣсню. Всѣ, кто только ѣхалъ съ нами, не смотря на хмурившуюся погоду, вышли насъ слушать и внимали звукамъ пѣсенъ въ нѣмомъ молчаніи. Одинъ только древній старикъ, который три часа тому назадъ сочувственно слушалъ наши разсужденія о постахъ, остался въ своей каютѣ и, облокотившись на правую руку, глубоко задумался. Кто знаетъ, что проносилось въ это время въ его сѣдой головѣ: воспоминанія ли юности, зрѣлые-ли счастливые годы или безпріютная, бездомная старость... А пѣсня все стройнѣе льется надъ матушкой Волгой. Юныя души переливаются въ эти звуки: „сила юности, мужество, страсть“...

Въ углу каюты идетъ интересный разговоръ. Кто-то спрашиваетъ одного изъ спутниковъ о мѣстѣ постояннаго жительства и о родѣ занятій удалыхъ пѣвцовъ. Тотъ пускается въ подробныя объясненія: „...Ученые, видишь, люди ѣдутъ подышать воздухомъ... Наука—вещь усидчивая... вотъ значитъ они и ѣдутъ“... Далѣе, за звуками пѣнія, разговора не слышно. Стройный, какъ волна, баритонъ, съ увлеченіемъ выводитъ рулады:

„Бѣдный людъ сладко спитъ“...

Съ шумомъ отворяется дверь въ каюту и вбѣгаетъ поспѣш-

по матросъ съ неизвѣстно къ кому обращеннымъ замѣчаніемъ: „Въ бурлаки бы вотъ одного запрятать, выучили бы пѣнію нашего брата—матроса". Оратору никто не отвѣчаетъ, всѣ желаютъ слушать и неподдержанный разговоръ не возобновляется больше... Стройный хоръ вторитъ солисту съ одушевленіемъ, съ оттѣнкомъ грусти: „Сладко спитъ бѣдный людъ". Какой-то пьяный грамотѣй, очевидно изъ деревенскихъ регентовъ, нахально подходитъ къ поющимъ и замѣчаетъ съ авторитетомъ: „въ ef dur пойте, а то ничего не выйдетъ". Его также не слушаютъ, но онъ и не обидчивъ: оставляетъ пѣвцовъ и возвращается къ корзинкѣ съ закусками: здѣсь онъ, несомнѣнно, болѣе спеціаленъ, чѣмъ въ пѣніи.

Волга широкая, полноводная. Бѣлый туманъ разстилается надъ рѣкою. Вдали ветлы на самомъ берегу почти утонули въ водѣ. Берегъ низкій; въ туманѣ вода сливается съ далью. Въ ночной темнотѣ ярко свѣтитъ электричество. Еще тише, еще стройнѣе раздается пѣніе молодыхъ голосовъ...

„Ноченька темная·
Скоро-ль пройдетъ она"?...

Полночь. Сейчасъ Хвалынскъ. Видать уже огни на пристаняхъ. Пора кончить пѣніе, а послѣ пристани и спать. Ночь темная, зги не видно. Въ каютѣ тишина: изрѣдка развѣ въ углу прозвучитъ гитара, да какъ кузнечики трещатъ пассажирки своими сѣмечками. На сонъ грядущій занимаемся философіей, совѣтуемся другъ съ другомъ:

— „Не успуть-ли"?..

Въ разговоръ вмѣшивается старикъ и говоритъ, что „смотря по тому, далеко-ли ѣхать: если далеко, то — слѣдуетъ, а если нѣтъ —не стоитъ".

— Тысячъ, молъ, пять верстъ будетъ.

— Безпремѣнно надо уснуть, потому не спавши не доѣдешь...

Слѣдуемъ мудрому совѣту, ложимся рядами на лавочкахъ и черезъ 10 минутъ послѣ Хвалынска „вкушаемъ мирный сонъ". Только три кончившіе курсъ шестоклассника не могутъ найти себѣ мѣста: то подойдутъ къ машинѣ, то — къ борту — посмотрѣть въ глаза темной ночи. Имъ ѣхать до Балакова, не скоро еще доѣдешь, да

и сердце не на мѣстѣ... Кто знаетъ, что волнуетъ ихъ: темная-ли эта ночь, или „высшая наука“ или „за далью непогоды“ ожидающая красавица...

14 іюня. Проснулись съ ощущеніемъ свѣжести, бодрости и силы. День ясный. Легкій вѣтерокъ, больше отъ движенія парохода, чѣмъ воздуха, проникаетъ въ каюту и заставляетъ крѣпче закутаться въ одѣяло. Вставать не хочется: лежишь себѣ и придумываешь основанія, по которымъ можно было бы еще проспать часикъ—другой. Между тѣмъ, болѣе безпокойные юноши поднялись еще на зарѣ, и уже успѣли „развести очагъ“: принесли большой дорожный чайникъ и съ великимъ удовольствіемъ пьютъ чай на утреннемъ холодкѣ. Настроеніе оживленное. Безпорядочный споръ, когда одинъ не слушаетъ что говоритъ другой и когда всѣ стараются высказать свою мысль скорѣе,—въ полуснѣ напоминаетъ собою не то щебетанье птицъ, не то трескъ какой нибудь машины. Разговаривающіе за чайнымъ столомъ „мыслью мѣряютъ далекое пространство“: ѣздятъ по Россіи изъ конца въ конецъ и, кажется, совершенно живо переживаютъ не только впечатлѣнія пути, но и удовольствія остановки. На залитомъ водою столѣ лежитъ географическая карта; никто не замѣчаетъ, что она вымокла и что ее сушить придется. Послѣ долгихъ разговоровъ, сопровождаемыхъ легкой перебранкой, чай наконецъ конченъ. Дѣлать нечего. Придумываемъ новыя занятія. Одни разбрелись по палубѣ, другіе принялись усовѣщевать спавшихъ. Юноша С. сѣлъ рядомъ съ койкой „дяди В.“ и началъ читать ему длинную нотацію о томъ, что долго спать и негигіенично, и недобросовѣстно. Большой слушатель сначала не придаетъ значенія этимъ правоученіямъ бойкаго юнца, даже перевернулся было къ стѣнѣ и хотѣлъ опять заснуть, но моралистъ такъ былъ настойчивъ и неистощимъ въ своихъ резонахъ, что пришлось „отвязаться“ и встать. Больше спавшихъ не осталось. Идемъ на балконъ и наслаждаемся «поэзіей». Воздухъ свѣжій, чистый, легко дышется. Окрестные виды—безподобны по своей красотѣ. Вдали, направо, какъ-бы выростаютъ изъ воды, окаймленные горами десятки бѣлыхъ церквей и домовъ, красиво расположенные по по-

горью. Это—Саратовъ. Какое то новое, совершенно неизвѣданное и непередаваемое словами чувство наполняетъ душу, нѣчто подобное тому давнему ощущенію таинственности, которое припоминается отъ времени ранняго дѣтства, когда бывало впервые приходилось слыхать приволжскую пѣсню:

Не сказалъ бы я, да вотъ моя бѣда:
Уѣзжаю жить въ низовы города.
Волга матушка бурлива, говорятъ,
Подъ Саратовомъ разбойнички шалятъ.

Но некогда уже теперь разбираться въ психологіи, невольно отдаешься весь во власть окружающаго рѣчного простора и «предаешься созерцанію». Какъ хорошо кругомъ, сколько силъ появляется—незатраченныхъ или вернувшихся снова... Мало по малу приближается городъ. Одна за другою яснѣе вырисовываются церкви, становятся видными пароходскія пристани. Красиво выдѣляется среди другихъ голубой пароходъ Волжскаго общества; громадный въ дѣйствительности, за водной далью онъ кажется совсѣмъ маленькимъ. Двѣ три лодки плывутъ нагруженныя тесомъ; нѣсколько маяковъ стоятъ на косѣ; недалеко отъ парохода маленькая синяя лодочка съ бѣлымъ парусомъ качается въ волнахъ; два пловца внимательно смотрятъ съ нее на нашъ пароходъ. Лѣвѣе—громадное село Покровская слобода Новоузенскаго уѣзда. Волга здѣсь „низовая,“ отъ одного берега до другого верстъ пять будетъ.

Насмотрѣвшись вдосталь, возвращаемся въ каюту собирать вещи. Здѣсь цѣлая канцелярія. Директоръ департамента, нашъ о. духовникъ, диктуетъ двумъ «секретарямъ» цифры, цифры и цифры .. Всѣ такъ внимательны къ своей работѣ и такъ точны въ своихъ «экономическихъ» счетахъ и соображеніяхъ, что и разсуждать съ ними невозможно. На наши восторженныя слова о всей прелести окружающей природы батюшка только рукой махнулъ, „отвяжитесь-де,“ затѣмъ согналъ муху съ своихъ очковъ и опять принялся за прерванные разговорами счеты.

На нѣсколько минутъ остановились у нефтянки, потомъ подъѣхали къ пристани. Обычная картина пристанской жизни здѣсь

нѣсколько видоизмѣняется тѣмъ, что вблизи конторокъ—поистинѣ „земля богата, а порядка вовсе нѣтъ“. Тутъ и бревна, тутъ и строенія лѣпятся одно на другомъ, старыя, потемнѣвшія отъ времени; и тутъ же какіе то допотопные навѣсы, предназначенные для мелочной торговли. На пристани крикъ и сутолока: извозчики и носильщики мѣшаютъ вамъ идти, предлагая свои услуги и загораживая путь; торговки продаютъ зеленыя ягоды, усиленно и безтолково нахваливая свой дурной товаръ. Рядомъ—цѣлая вереница трактировъ и питейныхъ заведеній съ надписями такими громадными буквами, что слѣпаго можно было бы выучить читать. Невдалекѣ цѣлые десятки пивныхъ. Очевидно и здѣсь „Русь веселіе пить“.

Поднявшись въ гору по мосткамъ и миновавъ извозчиковъ, останавливаемся въ ожиданіи, пока всѣ соберутся. Видъ на Волгу и Заволжье отсюда открывается прекрасный. Прямо передъ нами стоятъ на отдыхѣ наши любимцы: Волжскій «Боярынь», Меркурьевскій скорый „Цесаревна Марія“, Самолетскій „Графъ Левъ Толстой“. Одинъ синій какъ небо, другой бѣлоснѣжный, третій розовый. Какъ хороши они на Волжскихъ водахъ, точно дворцы рѣчные! У пристаней пріютились катеры, полицейскіе пароходы, маленькія лодочки. Прямо за Волгой—большое село на такомъ разстояніи, что и въ десять пріемовъ не переплыть самому отчаянному пловцу. Сборы наши были медленные. Сначала ждали товарищей, почему-то затерявшихся съ багажемъ на пристани, потомъ А. Е-чъ ушелъ на Волжскую конторку за справками: его пришлось ждать... За нимъ трехъ гонцовъ посылали. Послѣдній изъ нихъ возвратился съ трофеемъ изъ своей экскурсіи, принесъ „путеводитель по Волгѣ“, изданный въ нынѣшнемъ году „Обществомъ“. По рангу онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права на полученіе этой книжки, такъ какъ она выдается людямъ „съ вѣсомъ“, которые ѣздятъ въ первомъ классѣ; но судьба храбрымъ, говорятъ, покровительствуетъ... Кассиръ былъ занятъ какимъ то дѣловымъ разговоромъ съ важной персоной и некогда ему было „встрѣчать по одежѣ“ того, кто спрашивалъ путеводитель: не смотря, протянулъ руку, досталъ книжку и отдалъ, и только уже

когда отдалъ, сообразилъ, что такой пассажиръ можетъ ѣхать и безъ путеводителя.

Кое какъ наконецъ всѣ собрались. Нѣкоторые, впрочемъ, ушли, не дождавшись остальныхъ. Пришлось ихъ догонять.

Внутри Саратовъ ничѣмъ не отличается отъ большинства другихъ приволжскихъ городовъ, кромѣ развѣ скученности разбросанныхъ по холмамъ и оврагамъ построекъ, да цѣлыхъ аллей пирамидальныхъ тополей на улицахъ. Дома стоятъ рядомъ одинъ съ другимъ и при томъ удивительно несимметрично: какая нибудь лачуга съ выбитыми стеклами и тутъ же, вмѣстѣ съ нею, „палаты каменныя." Улицы идутъ по горамъ, безъ плана и порядка, такъ что вдоль и поперекъ знающій городъ нашъ проводникъ (впослѣдствіи прославившійся своимъ намѣреніемъ купить на оставшіяся деньги или сѣдло, или оперу Демонъ), и тотъ въ одномъ мѣстѣ сбился, провелъ насъ не туда, куда слѣдовало... Тишина всюду, изрѣдка развѣ попадется на встрѣчу скучающій обыватель или проѣдетъ извозчикъ съ лошадью, одѣтою въ платье(чтобы не кусали ее мухи).

По обычаю, установившемуся еще съ поѣздки прошедшаго года, во всякомъ городѣ сначала отыскиваемъ соборъ. На наши вопросы, гдѣ православный соборный храмъ? попадавшіяся на встрѣчу мѣстныя салопницы отвѣчали указаніемъ на малешькую, какъ намъ показалось, зеленую церковку, усѣянную по крышѣ золотыми звѣздами. Предъ нею въ саду разбитъ роскошный цвѣтникъ и приготовлены возвышенія для вазъ съ вьющимися растеніями. Одно изъ нихъ совершенно напомнило намъ каоедру и подало соблазнительный поводъ войти и привѣтствовать собравшихся рѣчью. По счастью, не было вблизи посторонннихъ слушателей, а то неизвѣстно еще, понравилась-ли бы эта рѣчь г. городовому. Оратора убѣдительно попросили не продолжать. Пишущій эти строки смѣнилъ оратора на каоедрѣ и пристроился съ своею книжкой, къ немалому удивленію вдругъ выросшаго откуда то изъ земли садовника. Но и къ литературному примѣненію каоедры присутствовавшіе не отнеслись съ одобреніемъ. Преподаватель шедшій съ нами совершенно резонно замѣтилъ: „Вотъ уют-

ребленіе нашелъ человѣкъ: собственно говоря, полицейскаго нѣтъ"

— А что?..

— Прогналъ бы...

Подходимъ къ собору. Вблизи онъ производитъ впечатлѣніе болѣе величественное. Громадныя, грандіозныя колонны и массивныя двери совершенно ясно отличаютъ его отъ другихъ церквей. Входимъ внутрь самаго зданія, какъ разъ въ срединѣ литургіи, встаемъ въ сторонѣ отъ входа и молимся до конца службы Всюду здѣсь образцовая чистота и заботливый порядокъ: ни пылинки нигдѣ нѣтъ. Самое зданіе старинное, по типу древне-римской базилики. И утварь уже въ значительной степени не новая: потемнѣвшіе лики св. иконъ, древнія знамена, пестрые старинные орнаменты. Но всюду привѣтливо горятъ лампады, по мѣстамъ даже тройныя, какъ напр. предъ старинною, почернѣвшею отъ времени, иконою тайной вечери надъ царскими вратами. Солнышко привѣтливо льетъ свой свѣтъ черезъ верхнія окна. Тихое, умиротворяющее душу, впечатлѣніе дополняетъ стройный хоръ изъ четырехъ голосовъ, очевидно лучшихъ архіерейскихъ пѣвчихъ, по силѣ одушевленія и чувства способныхъ, кажется, замѣнить цѣлую капеллу... Въ самомъ возвышенномъ настроеніи мы вышли изъ собора. Утро этого счастливаго дня было дѣйствительно освящено молитвой.

Дальнѣйшій нашъ путь лежалъ на главную улицу —Московскую. Здѣсь все тоже, что у насъ въ Самарѣ: большіе магазины съ безконечными выставками, витрины, зеркальныя окна. Большое вниманіе обращаютъ на себя фотографіи, дѣйствительно образцовыя по исполненію.

Проходя по главной улицѣ, остановились около зданія католическаго костела и просили у ректора разрѣшенія зайти—осмотрѣть инославную святыню. Разрѣшеніе было дано, но ректоръ и еще два—три человѣка не пошли вмѣстѣ съ нами. Костелъ не выходитъ главнымъ фасадомъ на улицу, и потому, прежде чѣмъ вступить въ него, намъ пришлось войти во внутрь двора. Здѣсь два благочестивыхъ католика сидѣли и мирно разговаривали о знаменіяхъ и чудесахъ какихъ-то иконъ. Месса уже кончилась.

и намъ пришлось испрашивать нарочитое разрѣшеніе посѣтить храмъ. Католики направили насъ къ ксендзу, который занимаетъ помѣщеніе въ томъ же домѣ. По счастью, ксендзъ встрѣтилъ насъ на своемъ крыльцѣ, собираясь читать какую то большую газету и, узнавъ, что мы ученики семинаріи, сразу же сдѣлалъ распоряженіе, по-нѣмецки, чтобы намъ показали «церковь». Не успѣли мы подойти къ главному входу костела, какъ дверь предупредительно растворилась откуда то изнутри, и сопровождавшій насъ стражъ поспѣшилъ ранѣе насъ подойти къ алтарю и сдѣлать колѣнопреклоненную молитву. Костелъ внутри напоминаетъ скорѣе аудиторію, чѣмъ церковь; утвари и изображеній мало; главное мѣсто занимаютъ парты для молящихся; по мѣстамъ на нихъ—забытые молитвенники, подсвѣчники, лампы... Мы прошли къ главному алтарю и разсматривали утварь. Особенно хороши: свѣтовое изображеніе Спасителя въ нишѣ окна и металлическая, съ синимъ стаканомъ лампада, какъ бы висящая въ воздухѣ. Преобладающія изображенія: крестныхъ страданій Спасителя—Голгоа во всѣхъ ея видахъ. Украшеній мало, и незамѣтно, чтобы костелъ содержался въ чистотѣ и опрятности. При выходѣ останавливаемъ минутное вниманіе на вѣнкѣ и надписи въ память храмоздателя, благодаримъ сторожа, затѣмъ обмѣниваемся нѣсколькими фразами съ привратниками и идемъ дальше, въ Радищевскій музей... Очень интересное мѣсто занимаетъ площадь, гдѣ устроено зданіе музея и театра. Это, по картинкамъ, точь въ точь, древніе Аѳины: и горы также какъ тамъ, возвышаются надъ городомъ. По воспоминанію о посѣщеніи Архангельскаго музея въ минувшемъ году, входимъ «благословясь»: сначала спрашиваемъ, можно ли учащимся посѣтить зданіе безплатно въ этотъ часъ? Швейцаръ черезъ минуту приноситъ предупредительно—любезный отвѣтъ: „пожалуйте, батюшка.“ Пріобрѣтаемъ каталоги и идемъ кверху.

Музей представляетъ собою коллекцію картинъ знаменитыхъ художниковъ. Преобладаютъ морскіе виды и преимущественно Италія. Россіи здѣсь мы почти не видали, если не считать мелкихъ гравюръ и двухъ большихъ, помѣщенныхъ при входѣ, картинъ историческаго содержанія. Русскія картины пріо-

тились гдѣ нибудь въ углу и нужно быть любителемъ, чтобы разыскать ихъ. Очень мы обрадовались, когда среди всей этой нѣмечины нашли «сельскій клиросъ»—картину очень заинтересовавшую насъ по своей непосредственной художественной правдѣ. Изображены пѣвчіе: старикъ въ очкахъ, какой то мужичекъ, двое дѣтей, очевидно школьниковъ и дьячекъ въ стихарѣ. Лица у всѣхъ сосредоточенныя, задумчивыя, но видно, что мысль пѣвцовъ далеко отъ храма и что „устами только" одними они исповѣдуютъ Бога. Въ сторонѣ—иконостасъ, предъ иконой лампада съ горящей свѣчей,—огонь очень хорошо нарисованъ. Ближе къ пѣвцамъ аналой и на немъ богослужебныя книги. Въ той же комнатѣ видѣли громадную вазу татарскихъ временъ, найденную близъ Царева на мѣстѣ Золотоордынской столицы Сарая и затѣмъ старинную русскую утварь: шкатулки XVI вѣка, обитыя черной жестью, сосуды и т. д. Въ слѣдующихъ комнатахъ разсматривали автографы царствующихъ лицъ и старинныя монеты. Больше всего понравилась намъ въ музеѣ громадная статуя Императора Петра, въ натуральную величину и во всеоружіи. Статуя охраняетъ входъ и занимаетъ мѣсто на высокомъ пьедесталѣ, вверху лѣстницы.

По выходѣ изъ музея, раздѣляемся на двѣ партіи: ректоръ отправляется въ гости къ ректору здѣшней семинаріи, а мы идемъ разыскивать виды Саратова. Перебѣгаемъ съ этою цѣлью изъ магазина въ магазинъ, но ничего подходящаго не можемъ найти: подаютъ намъ одинъ только какія то жалкія литографіи, и то нѣмецкія, сдѣланныя въ Дрезденѣ, а не въ Россіи. На улицѣ наша толпа сразу же обращаетъ на себя вниманіе: на лицахъ встрѣчныхъ совершенно ясно можно прочитать: „сколько ихъ, куда ихъ гонятъ"?..

Дальше путь нашъ лежитъ въ семинарію, также по пустынымъ и безтолковымъ улицамъ. Хорошо только тѣмъ, что тротуары асфальтовые, ноги не сломаешь. Все время пути имѣли возможность наблюдать довольно однообразный видъ—черезъ крыши домовъ подъ горою—Волгу, разлившуюся на обширное пространство.

Семинарія занимаетъ собою мѣстность, совершенно изолированную отъ уличнаго шума: вблизи зданія на далекомъ пространствѣ не встрѣтишь ни одного пѣшехода: пустынное, безлюдное мѣсто. Постройки семинарскія громадныя, почти „палаты“ по снаружи слишкомъ ужъ казенныя. Боязливо вступили мы въ эти высокія стѣны и не рѣшились двинуться дальше швейцарской, прежде чѣмъ сойдутъ съ верху отправившіеся для осмотра о.о. ректоры—здѣшній и самарскій. Они впрочемъ, не заставили себя долго ждать, и мы, принявъ благословеніе саратовскаго ректора, въ сопровожденіи товарищей по училищу (въ это время успѣли уже разыскать знакомыхъ) всей толпой двинулись кверху. Классныя комнаты, залъ, корридоры и спальни остались въ томъ же видѣ, какъ были въ моментъ отъѣзда учениковъ, и по „останкамъ“ можно вполнѣ судить о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя школа производитъ на своихъ питомцевъ. Порядки здѣсь весьма строгіе.

По внутренней отдѣлкѣ и убранству семинарія здѣшняя совсѣмъ не похожа на тѣ грязненькія, бѣдныя семинаріи, которыя мы раньше видѣли. При входѣ, на площадкѣ первой же лѣстницы вы встрѣчаете громадное трюмо—роскошь, которая и не снилась нашимъ семинаристамъ: въ классахъ свѣтло и просторно, въ спальныхъ комнатахъ чистота рѣдкостная. На боковой стѣнѣ пристроился маленькій синій почникъ, ламночка изящной работы. Но мы застали семинарію въ расплохъ и потому не имѣли возможности наблюдать ее во всемъ блескѣ ея внѣшняго великолѣпія: въ моментъ нашего посѣщенія въ классахъ и корридорахъ столько же грязи и сору, какъ и во всякой другой школѣ въ это время: обрывки бумаги, куски булокъ, конспекты, старыя чернильницы, изломанныя ручки, стклянки изъ подъ лекарствъ. На окнахъ апокрифическія надписи, понятныя одному учащемуся здѣсь юношеству, какіе то „круги и бѣги небесные“. Особенно интересна найденная въ одной комнатѣ на окнѣ „искуственная энциклопедія“ семинарской науки, составленная изъ богословія Августина, латинской грамматики и діалога Платона: „Федонъ“ съ обложкой отъ учебника исторіи русской литературы Галахова.

Сопровождаемые бывшимъ товарищемъ, мы посѣтили церковные хоры. Видъ на церковь съ хоръ открывается прекрасный: церковь маленькая, уютная и поддерживается въ чрезвычайной чистотѣ. Только посрединѣ рѣшетка для ученическихъ мѣстъ да недостатокъ иконъ по стѣнамъ, замѣненныхъ громадными форточками, придаетъ храму нѣсколько казенный видъ. Изъ церкви прошли къ „карцеру", но это святилище было заперто, и мы могли видѣть мѣсто узъ только черезъ стекло. Отсюда спустились въ нижній этажъ, сначала въ садъ, потомъ въ столовую. Ни въ одной семинаріи, кромѣ Ярославской, намъ не приходилось видѣть такого уютнаго садика. Длинныя аллеи съ видами на Волгу, бесѣдки, цвѣтники, изящно отдѣланныя дорожки и тропинки. При входѣ въ садъ два щенка встрѣтили насъ сердитымъ лаемъ (очевидно любимцы семинаристовъ), но потомъ сразу же съ нами познакомились и всю дорогу насъ сопровождали: предполагалось одного изъ нихъ, наиболѣе способнаго, обучить математикѣ и древнимъ языкамъ. Изъ сада черезъ дворъ возвратились сначала въ пріемную, гдѣ стоитъ прекрасный рояль и валяются на полу копіи ученическихъ списковъ съ двойками, затѣмъ въ столовую, гдѣ поваръ угостилъ насъ роскошнѣйшимъ холоднымъ квасомъ. Столовая въ самомъ подвалѣ, и прежде чѣмъ дойти до нея, намъ пришлось пройти нѣсколько темныхъ переходовъ. Послѣ осмотра семинарской столовой возвратились къ главному входу, вновь приняли благословеніе о. ректора и отправились обѣдать въ „Столовую при кухонной школѣ Дамскаго Попечительства". Былъ въ нѣкоторыхъ увлекающихся головахъ проэктъ посѣтить актъ въ Римско-Католической семинаріи, но болѣе благоразумные отклонили эту затѣю. Обѣдъ въ Дамской столовой намъ былъ предложенъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ: 30 к. за два блюда, прекрасно сервированныхъ. Видно, что здѣсь содержатъ столъ изъ любви къ искусству, а не изъ барышническихъ цѣлей. Всюду чистота образцовая; на окнахъ занавѣски, масса свѣту, по стѣнамъ олеографіи. Публика одѣта аристократически, и мы съ своими будничными, затрапезными костюмами были нѣкоторымъ диссонансомъ среди этой роскоши. «Администрація» столовой,

впрочемъ, стоитъ выше этихъ мелочей и, не смотря на нашъ непривлекательный внѣшній видъ, была съ нами очень предупредительна и любезна. Въ столовой встрѣтили одного земляка студента, который между прочимъ, въ доказательство порядочности дамской кухмистерской, указалъ намъ на обѣдавшаго невдалекѣ отъ насъ преподавателя Саратовской семинаріи.

Послѣ обѣда до отхода поѣзда на Кіевъ оставался еще не одинъ часъ времени, и такъ какъ въ этотъ короткій промежутокъ мы не успѣли бы ничего осмотрѣть новаго, то наши руководители предоставили намъ идти въ разсыпную, назначивъ встрѣчу на вокзалѣ Рязанско-Уральской жел. дор. за часъ до отъѣзда. Нѣкоторые пошли прямо на вокзалъ, другіе отправились на конкѣ осматривать городъ. Одинъ изъ послѣднихъ сообщилъ намъ, между прочимъ, очень курьезный разговоръ, свидѣтельствующій о религіозномъ невѣжествѣ здѣшнихъ обывателей. Кондуктора спрашиваютъ: „Въ чье имя построенъ этотъ храмъ“? Тотъ отвѣчаетъ: „Во имя купца Мамина“.

— А какой тутъ престольный праздникъ?

— Не знаю....

Прибывшіе на вокзалъ ранѣе другихъ испытали нѣсколько минутъ самыхъ горькихъ разочарованій Дѣло происходило у желѣзнодорожной кассы для выдачи билетовъ. Только мы подошли къ барьеру, какъ предупредительный семинаристъ—католикъ, ростомъ въ сажень и вдвое здоровѣе жандарма, охранявшаго порядокъ, всталъ около кассы и началъ получать билеты своимъ товарищамъ: сначала одному, потомъ другому, потомъ третьему и т. д., пока не получилъ всѣмъ семидесяти двумъ семинаристамъ. Было бы гораздо разумнѣе ему отобрать деньги у ѣдущихъ еще въ семинаріи и получить билеты всѣмъ вмѣстѣ, потому что почти всѣ они ѣхали до одной станціи, но разсудительный католикъ такъ не сдѣлалъ: получивъ билетъ одному, онъ ждалъ, пока подойдетъ къ нему другой... Въ заключеніе выдачу билетовъ затянули настолько, что осталось до отхода поѣзда полъаса или даже меньше. Всѣ стали спѣшить и браниться. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, начальникъ станціи, совершенно повидимому

незнакомый съ психологіей толпы, подошелъ къ кассѣ и во всеуслышаніе заявилъ, что больше ста съ чѣмъ то билетовъ нельзя выдавать... Сутолока поднялась невозможная, жандарма чуть не задавили, начальнику станціи стали посылать одно за другимъ внушительныя благожеланія... Мы также были въ безвыходномъ положеніи: пришлось бы ждать одиннадцати часовъ ночи, если бы опоздали на этотъ поѣздъ. Но судьба насъ выручила и, не смотря на любезныя предложенія желѣзнодорожнаго начальства „устроить насъ въ слѣдующемъ поѣздѣ, въ спальныхъ вагонахъ“, мы имѣли въ своемъ распоряженіи еще за десять минуть до послѣдняго звонка всѣ проѣздные билеты и сидѣли въ вагонѣ уже со спокойнымъ сердцемъ. Предъ самымъ отходомъ поѣзда имѣли возможность наблюдать отношенія начальства и подчиненныхъ въ католической семинаріи. Передъ окномъ вагона, гдѣ ѣхали ученики, стоялъ какой то патеръ и давалъ прощальныя наставленія. Нужно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ ловилъ юнецъ каждое слово своего наставника. Глубокой, счастливой стариной вѣетъ отъ этой рѣдкостной преданности ученика учителю... Въ пять часовъ вечера, простившись съ А. Е-чемъ, мы оставили Саратовъ, сопровождаемые, во время пути по междугорью, звуками музыки въ какомъ то общественномъ саду или ресторанѣ.

Со скоростью сорока слишкомъ верстъ въ часъ по незамѣтнымъ кривизнамъ и уклоненіямъ поднимаемся въ гору. Саратовъ далеко позади остается, въ лощинѣ. За городомъ открывается спѣва водной дали, такъ неизмѣнно всюду отличающая близость Волги. Вскорѣ совсѣмъ скрылась изъ вида панорама города и видъ на заволжье, и мы остались одинъ на одинъ съ ровной и однообразной степью. Что дѣлать?.. Конечно, сейчасъ же принялись за чай; достали на одной изъ слѣдующихъ станцій воды, разложили возможно удобнѣе саратовскія покупки (а на этотъ разъ увезена была изъ Саратова половина кондитерской) и принялись за стаканы. Помѣщеніе тѣсное: въ двухъ отдѣленіяхъ вагона насъ помѣстили цѣлыхъ пятнадцать человѣкъ, и въ поѣздѣ на этотъ разъ народу было такъ много, что поневолѣ пришлось буквально исполнять напутственное наставленіе начальника станціи

„лишнихъ мѣстъ не занимать“. Но, „тѣснота сближаетъ“ и мы не жаловались на недостатокъ мѣста... Замелькали одинъ за другимъ ближайшіе дачные полустанки съ неизмѣнными въ этотъ часъ дня чиновниками, возвращающимися домой послѣ служебныхъ занятій. Обремененные службой, усталые послѣ шести часоваго сидѣнья въ саратовскихъ департаментахъ, они были нагружены свертками, корзинками и картонками. Бѣдные люди: совсѣмъ превращаются во вьючныхъ животныхъ... Намъ приходилось выходить на каждомъ полустанкѣ за водою, успѣвать, пока поѣздъ стоитъ „одну минуту“, налить воды и возвратиться въ вагонъ. Были ловкіе господа, которые съ самодовольствомъ исполняли эту свою миссію. Одинъ изъ нихъ, возвратившись въ вагонъ послѣ такого похожденія, оживленно разсказывалъ, какъ началъ бить третій звонокъ, а буфетчикъ успѣлъ налить только полчайника: „и денегъ, говоритъ, не взялъ, велѣлъ бѣжать скорѣе.“ Саратовскихъ запасовъ, не смотря на громадное ихъ количество, оказалось недостаточно, и потому вновь на каждой станціи скупали всякую дрянь, какую только туда привезли. Между прочимъ на ст. Маріинской купили пять тарелокъ болотныхъ раковъ, очень давней ловли и совсѣмъ недоброкачественныхъ. Эти „усопшіе раки“ были предметомъ остроумія почти цѣлый вечеръ. Когда, наконецъ, все было куплено и добрая половина съѣдена, въ вагонѣ получилась такая грязь, что самъ г. кондукторъ, проходившій мимо, недовольно скривилъ свою физіономію. Да и намъ самимъ было непріятно: придется спать въ повалку на этой кучѣ лимонныхъ огрызковъ, сѣмячекъ, рваной бумаги, остаткахъ рыбы и почившихъ раковъ... поутѣшительная перспектива! Подметать, однакожъ, не захотѣлось: „многіе стояли выше этихъ мелочей“. Окончивъ чай, занялись „литературой:“ у одного оказалась въ рукахъ „мѣстная газета“—„Саратовскій Дневникъ“, у другого какой-то романъ, у третьяго серьезная книга. Нѣкоторые изъ остальныхъ читаютъ объявленія и надписи на коробкахъ съ чайнымъ печеньемъ. Утомившись въ городѣ за цѣлый день безпрерывной ходьбы, вниманіе плохо воспринимаетъ литературныя сказанія: ни одинъ не можетъ внимательно сосредо-

точиться на читаемомъ, кромѣ развѣ того, который перечитываетъ надписи на чайныхъ коробкахъ. Время отъ времени читающіе обмѣниваются ничего незначущими фразами:

— Не затянуло еще?

— Нѣтъ, меня про—дуваетъ!..

Скоро Аткарскъ. Проѣхали р. Медвѣдицу, притокъ Дона и ѣдемъ степями. Равнина—куда ни посмотри. По ту и другую сторону желѣзнаго пути хлѣбныя поля: колосится рожь, зрѣетъ овесъ и гречиха. Солнце близится къ закату. Гдѣ то вдали слышится одушевленная пѣсня:

„Жизнь, зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня“...

Темнѣетъ. Пора ужинать. Не удалась литература, авось ужинъ удастся. Собираемъ все, что осталось отъ чая и ѣдимъ въ молчаніи и глубокомысліи. Послѣ ужина человѣка три помѣстились въ углу вагона и затянули стройную пѣсню: «Реве та стогне Дніпръ широкій»... Но до Днѣпра еще далеко, послѣ завтра будемъ, не раньше. Остальные сидятъ тѣснымъ кружкомъ около ректора и слушаютъ „внѣклассный урокъ“. Мѣста мало; съ любопытствомъ всѣ столпились такъ, что головы примыкаютъ одна къ другой; двое сидятъ другъ у друга на колѣняхъ, одинъ на лавочку влѣзъ. Мирно льется бесѣда, совершенно также, какъ гдѣ нибудь въ далекой степной деревнѣ, на крылечкѣ поповскаго домика, собрались мы здѣсь, въ этой чуждой обстановкѣ со своими прежними семинарскими разговорами. Чѣмъ насъ не семья? Какъ всѣ хороши, ласковы другъ съ другомъ, какъ предупредительны и внимательны одинъ съ другимъ. Бывало также, много уже лѣтъ тому назадъ, еще когда живъ былъ мой покойный отецъ, собирались мы всей семьей, послѣ ужина, лѣтнимъ вечеромъ подъ праздникъ. Уберутъ со стола, а мы, тогда еще маленькіе, долго сидимъ и слушаемъ отцовскій разсказъ.., меньшимъ давно спать пора, а и они сидятъ и таращатъ глаза. Лампада горитъ передъ образомъ, мѣсяцъ смотритъ въ окно; на колокольнѣ сторожъ бьетъ часы, гдѣ то трещитъ кузнечикъ... Это отдаленное, счастливое, никогда невозвра-

тимое прошлое напомнила мнѣ тѣсная внѣшкольная бесѣда въ вагонѣ.

Начинаетъ свѣжѣть. По сторонамъ дороги все еще тянется однообразное безконечное поле, изрѣдка прерываемое какими нибудь постройками: хуторомъ или цѣлымъ селеніемъ. Разъ мелькнулъ рѣчной ландшафтъ, гдѣ то въ сторонѣ показалось озеро, окаймленное ветлами. Время уже позднее, пора и ко сну... Въ углу неугомонная братія все еще не можетъ кончить своихъ спѣвокъ.

На одной изъ слѣдующихъ станцій происходитъ интересная ночная сцена: среди всеобщаго молчанія, въ дверяхъ вагона показывается солидная дама, пудовъ въ девять, если не больше, вѣсомъ и не можетъ пролѣзти. Кондукторъ проталкиваетъ ее, а она сердится и бранится. Входитъ наконецъ въ наше „купэ“ и съ негодованіемъ замѣчая, что у насъ нѣтъ ни одного свободнаго мѣста, проситъ спавшихъ подвинуться... а гдѣ-же помѣстишь такую тушу, да еще съ мѣшкомъ, тоже пудовъ на пять... да еще съ претензіями, что „сквозняки“, а на самой салопъ теплый, да нѣсколько платковъ... Кое какъ выпроваживаемъ непрошеную гостью. Обратно уже легче она пролѣзла въ двери и еще потомъ разъ пять прошла мимо нашего помѣщенія, ожесточенно огрызаясь... Сокровище!

Пора и спать. Другого такого инцидента не будетъ.

Просыпаюсь среди глубокой ночи. Поѣздъ мчится, мѣрно покачиваясь. Звѣздочка горитъ одиноко на горизонтѣ, освѣщая безконечное поле. Тихо блеститъ она и льетъ свѣтъ въ окно вагона. Закроешь глаза, а она все еще свѣтится...

15 іюня. Давно проѣхали Тамбовъ. Утро ясное, чистое. Солнце высоко уже на горизонтѣ. Часы показываютъ разное: у однихъ по-самарски, у другихъ по-петербургски, у третьихъ по-саратовски, у четвертыхъ... остановились. Встали, разгородили „клѣтки“ (откидныя лавочки) и всей гурьбой отправились умываться во второй классъ, подъ командой кондуктора, сдерживавшаго молодые порывы. Послѣ нашего ухода ректоръ всталъ лицомъ на востокъ, открылъ окно и долго молился.

До Козлова осталось полчаса, и нужно было успѣть за это время собрать свои вещи, чтобы не задерживаться въ пересадкѣ на Козлово-Воронежско-Ростовскую желѣзную дорогу. Подсчитали пройденное разстояніе: оказалось за ночь проѣхали 422 версты. Наша компанія увеличилась еще однимъ, случайнымъ, впрочемъ, спутникомъ. Отъ Тамбова къ намъ присоединился самарскій семинаристъ, сынъ городского протоіерея: держитъ путь вмѣстѣ съ мамашей, какъ и мы, до Чернигова.

Проѣхали двѣ рѣки съ названіемъ „Воронежъ.“ Сидѣвшій вмѣстѣ съ нами въ вагонѣ инвалидъ съ медалями объяснилъ, что это истоки одной и той же рѣки, которая береть начало недалеко отсюда, верстахъ въ шестидесяти и раздѣляется на два русла: одинъ рукавъ течетъ лѣсомъ, и называется Лѣсной Воронежъ, а другой—степью и называется Польной Воронежъ. Приняли къ свѣдѣнію...

Въ Козловѣ остановка около двухъ часовъ. Складываемъ около наружной стѣны вокзала свои чемоданы, приставляемъ къ нимъ „стража вѣрнаго“ и идемъ осматривать городъ. По обычаю, прежде всего идемъ въ соборъ. Здѣсь молимся въ концѣ литургіи и на акаѳистѣ Божіей Матери *), затѣмъ осматриваемъ Ильинскую церковь и Пятницкую, гдѣ въ первые годы своего священства служилъ Владыка Владиміръ, Митрополитъ Московскій. Послѣ осмотра церквей одинъ моментъ «занимаемся поэзіей»: любуемся видомъ на зарѣчье Воронежа: поля, луга, села и деревни, и потомъ спѣшимъ сдѣлать необходимый запасъ провизіи на дальнѣйшую дорогу: одинъ за другимъ разыскиваемъ нужные магазины и обременяемъ себя покупками.

Двухъ часовъ оказалось съ избыткомъ для осмотра города: строенія здѣсь всѣ въ одной кучѣ, и съ перваго взгляда и не подумаешь, что населенія въ этомъ городѣ до сорока тысячъ.

Приходимъ на вокзалъ значительно раньше назначеннаго времени и такъ какъ вошло уже въ обычай не уѣзжать ни отъ одной станціи безъ инцидента, то и на этотъ разъ дѣло не про-

*) Вопреки установившемуся у насъ обычаю, акаѳистъ здѣсь читаетъ діаконъ.

шло благополучно. Дѣйствующими лицами оказались кондукторъ и наши „депутаты.“ Послѣдніе просили, въ виду дальности пути, дать помѣщеніе по возможности въ отдѣльномъ вагонѣ. Подходимъ къ вагону и получаемъ «отставку». Кондукторъ гонитъ насъ прочь съ обычнымъ заявленіемъ: „Здѣсь учащіеся.“

Какіе учащіеся?

— Римско-католическая семинарія.

А для православныхъ семинаристовъ который вагонъ?

— Почемъ я знаю.

Дѣлать нечего: пришлось обратиться къ начальнику станціи. Тотъ оказался гораздо «православнѣе» кондуктора и предоставилъ намъ всѣ удобства. Размѣстились... а до отхода поѣзда все еще остается порядочно времени: должно быть задержка въ пути какая нибудь вышла, или наши часы ошиблись. Въ томительномъ ожиданіи, отъ нечего дѣлать, ходимъ изъ угла въ уголъ по платформѣ, отыскивая, нѣтъ-ли гдѣ чего нибудь смѣшного. Въ сосѣдномъ съ нами поѣздѣ, отправляющемся въ Камышинъ, въ отдѣльномъ купэ перваго класса сидитъ изящный молодой человѣкъ, непредставительной, впрочемъ, наружности и внимательно вематривается въ лица мимо проходящихъ. Надпись „для дамъ,“ висящая почти надъ головой, ясно свидѣтельствуетъ, что джентльменъ не туда забрался. За нѣсколько минутъ до отъѣзда въ наше отдѣленіе сѣлъ какой-то студентъ; мы его переселили къ сосѣдямъ и сами помогли перенести ему вещи. Тѣснота въ вагонахъ невозможная, а ужъ о воздухѣ и говорить нечего: масло, нефть и керосинъ въ смѣси съ пылью. Раздаются одинъ за другимъ послѣдніе звонки, и поѣздъ тихо отходитъ отъ станціи. На концѣ вокзала остается партія переселенцевъ: ѣдятъ, пьютъ чай, спятъ, растянувшись по платформѣ во весь ростъ. Лица утомленныя, озабоченныя, печальныя. Двое малыхъ дѣтей: маленькій, трехлѣтній мальчикъ и дѣвочка, отдѣлившись отъ толпы, сидятъ рядомъ и сосредоточенно, любовно улыбаясь другъ другу, играютъ черепками синей чайной чашки. Маленькія личики сіяютъ неземной дѣтской радостью, особенно трогательной при этихъ изорванныхъ грязныхъ рубашонкахъ. Невольно хватаетъ за серд-

це эта картина и живо проносится въ мысли цѣлая вереница самыхъ безотрадныхъ впечатлѣній. „Милыя дѣти! Какое горе выгнало васъ изъ родимой грязной хаты? И скоро-ли вы доѣдете на новую свою родину въ далекую Сибирь? Да и доѣдете-ли? Не похоронитъ ли васъ тифъ гдѣ нибудь въ придорожной пустынѣ или въ волнахъ широкой Сибирской рѣки, послѣ долгой болѣзни на переселенческой баркѣ? А доѣдете и выростете большіе, — забудете уже свою прежнюю родину и старую хату... Пошли вамъ Господь легкій путь, дорогіе, несчастные люди! За вами — вся будущность восточной окраины, на вашихъ костяхъ будетъ основано счастье дальнѣйшихъ поколѣній, вашей кровью и потомъ будетъ вспахана и воздѣлана суровая Сибирская тайга. Пусть богатыри изъ васъ выростутъ. А пока играйте, веселитесь... Малыя еще вы, не понимаете тяжелой кручины отцовъ“... Вокзалъ остался далеко позади. Скрылись изъ виду переселенцы. Хочется крикнуть имъ вслѣдъ: „Прощайте! Будьте живы!“

10 часовъ утра. Еще промелькнуло нѣсколько станцій. Поѣздъ идетъ нѣсколько тише, чѣмъ до Козлова, уже не „скорымъ“, а только „почтовымъ“. Юношество окончило свой завтракъ и чай и принялось за обычныя занятія „съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи“. Заняли всѣ лавочки въ вагонѣ: вверху, и внизу, и по бокамъ, подъ окнами и надъ окнами, и каждый вооружился книгой. Получилось нѣчто среднее между больничной палатой и классной комнатой. Прилежанія къ книгѣ, впрочемъ, не было замѣтно, — читали больше потому, что дѣла свои всѣ передѣлали. Въ окно — хоть и не заглядывай: на цѣлые десятки верстъ тянется мертвая равнина: ни жилья, ни церкви Божіей. Для избалованнаго видами Поволжья Самарца — самая непріятная перспектива. Обстановка вагона еще печальнѣе: стѣны окрашены въ какую-то тюремную краску, всюду грязь, пыль и копоть. На одной изъ дальнѣйшихъ станцій случилась цѣлая комедія на тему: „свои своихъ не узнали“. Какой-то энергичный батюшка выгналъ нашихъ семинаристовъ изъ отдѣльнаго купэ и самъ занялъ ихъ мѣсто. Отъ скуки и апатіи не возражали пастырю, а мирно забрали вещи свои и переселились по сосѣдству. Послѣ станціи Грязи

читающая публика утомилась; книги получили другое назначеніе: у однихъ замѣнили изголовье, у другихъ—вуаль, которой на ночь покрываютъ лицо отъ москитовъ. Вещь очень цѣлесообразная: и воздухъ не пропускаетъ, и грѣетъ основательно, можно до вечера проспать. Одинъ юноша сѣлъ въ уголъ, опрокинулъ голову навзничъ и спитъ, какъ въ войну двѣнадцатаго года; двое другихъ ухитрились растянуться поперекъ лавочекъ. Въ общемъ—картина кладбищенская; утѣшеніе могло быть развѣ въ томъ, что и плохіе сны, которые видѣли спавшіе, были все же лучше окружающей дѣйствительности... На улицѣ дождикъ. Въ такую погоду только и оставалось—или обѣдать, или чай пить. Но на наше горе и тутъ неудача: на станціи Графской дали воду такую, что въ ротъ не возьмешь: пришлось ждать до Воронежа... Поѣздъ пошелъ быстрѣе, дождикъ перемежается, потомъ и совсѣмъ перестаетъ. Путь идетъ лѣсомъ, черезъ сосновую рощу. Взоръ начинаетъ отдыхать послѣ однообразныхъ впечатлѣній голой степи. Верстъ пятнадцать не доѣзжая Воронежа, открывается роскошный видъ на городъ и его окрестности. Городъ расположенъ на правомъ берегу рѣки, по подгорью, и весь утопаетъ въ зелени. Издали очень красиво блестятъ на солнцѣ главы храмовъ и надъ всѣми постройками величественно возвышается высокая колокольня и шпиль монастыря святителя Митрофанія. Едва успѣвши протереть глаза послѣ сна, долго разсматриваемъ въ бинокль эту панораму, не будучи въ состояніи оторвать взоровъ отъ чуднаго зрѣлища. Ближе къ Воронежу и прилегающія къ желѣзному пути окрестности становятся лучше и живописнѣе. Послѣ станціи Раздѣльной—одинъ за другимъ идутъ два очень красивыхъ моста черезъ рѣку Воронежъ, съ пролетами, окрашенными въ свѣтлую краску. Направо—насыпь, налѣво, по береговому уступу, деревья, спускающіяся прямо къ рѣкѣ. Поѣздъ, растянувшись полукругомъ, красиво огибаетъ среди зелени какую-то гору. Даль необъятная открывается во всѣ стороны: подгородныя села и деревни, плетень вблизи самой желѣзной дороги, вдали—бѣлыя мазанки, синіе домики и заборы, коричневыя крыши и окрашенныя въ красную краску ставни домовъ; церковь подъ горою вся въ зелени почти надъ самой

рѣкой: рядомъ съ полотномъ дачка; масса цвѣтовъ по уклону горы. Поѣздъ встрѣчаетъ группа скучающихъ дачниковъ: барышня съ подвязанными зубами и два гимназиста. Лица у всѣхъ постныя, вытянутыя, тоже, должно быть, какъ и мы, со сна. Далѣе—стадо свиней, домашнія куры, рабочій народъ...

Воронежскій вокзалъ такъ непривлекателенъ, что чѣмъ скорѣе изъ него выбраться, тѣмъ лучше. Мы остались въ немъ не болѣе, чѣмъ на три минуты и спѣшно двинулись въ копку, допрашивая у каждаго встрѣчнаго, гдѣ Митрофаніевъ монастырь и могилы поэтовъ—Кольцова и Никитина. Монастырь, конечно, всякій знаетъ, а о поэтахъ всѣ позабыли. Большихъ трудовъ стоило намъ получить точную справку названія кладбища, гдѣ они похоронены. Копка пошла чрезъ пять минутъ, поджидали пока придетъ встрѣчный вагонъ и соберутся всѣ пассажиры. Не успѣли мы проѣхать вокзальный садикъ, какъ сразу же испытали самое трогательное разочарованіе. Городъ, красивый издали, въ этой части своей представляетъ сплошное болото, по которому одиноко ходятъ двѣ свиньи, отыскивая себѣ какія то цѣнности въ лужахъ грязи. Но первое непріятное впечатлѣніе сразу же измѣнилось, какъ только мы выѣхали на главную улицу. Это все равно, что съ Самарской Воскресенской площади въ осеннее время мы перенеслись бы чудомъ какимъ нибудь въ Петербургъ на Невскій. Незнаемъ, многимъ ли уступаетъ Воронежская главная улица столичнымъ: таже ширина асфальтовыхъ панелей, тотъ же всюду камень, тѣже роскошныя зданія—одно другого лучше, одно другого изысканнѣе по архитектурной отдѣлкѣ. При всемъ томъ—чисто степной просторъ, пирамидальныя тополи по сторонамъ, масса свѣта и вдѣво—чудные виды подъ гору, на зарѣчье, невольно заставляютъ васъ отдать предпочтеніе этому провинціальному проспекту, носящему скромное названіе Дворянской улицы. Здѣсь сосредоточены всѣ присутственныя мѣста и почти всѣ учебныя заведенія города: семинарія—громадное зданіе съ иконой при входѣ, гимназія, духовное училище, похожее больше на дворецъ, Окружный Судъ, театръ, напоминающій малый Московскій и масса магазиновъ. Далѣе—прямая какъ стрѣла улица

кончается и отъ главной линіи конки идутъ двѣ вѣтви: одна налѣво, къ Митрофаніеву монастырю, другая—направо, къ Митрофаніевскому кладбищу. Мы ѣдемъ сначала поклониться мощамъ святителя. Это, по конкѣ, какихъ нибудь пять минутъ. Монастырь по внѣшнему благоустройству—таже Лавра или, по крайней мѣрѣ Соловки. Громадныя стѣны, колонны, просторные входы, великолѣпные храмы и въ довершеніе всего—цѣлыя толпы богомольцевъ—бѣдныхъ, оборванныхъ за время дороги, съ утомленными, испитыми лицами, и неизмѣннымъ посохомъ въ рукахъ и котомкой за плечами. Молитвенно обнаживъ головы, въ благоговѣйномъ, торжественномъ настроеніи вступаемъ мы во врата этой первоклассной русской святыни, тихой поступью проходимъ ворота и помостъ и входимъ въ главный соборъ, гдѣ почиваютъ мощи святителя. Какая здѣсь простота, при всемъ великолѣпіи: ни лишняго рисунка, ни роскошнаго изображенія; свѣтлозеленая краска на стѣнахъ и колоннахъ и совершенно простой иконостасъ подъ громаднымъ, свѣтлымъ куполомъ. Мы не знаемъ, гдѣ почиваютъ мощи святителя, но по этой безпрерывно движущейся толпѣ, пришедшей издалека къ источнику благодати, инстинктивно угадываемъ мѣсто гробницы и, подойдя съ праваго входа, падаемъ ницъ. Долго молится ректоръ, внимательно, благоговѣйно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ наиболѣе религіозно настроенные юноши... Трудно, конечно, сказать за всѣхъ, что каждый чувствовалъ, но на лицахъ, утомленныхъ тяжестью пути, можно было замѣтить тоже свѣтлое, восторженное настроеніе, что и у этой громадной толпы народа, ежедневно сюда приходящаго. Фигуры монаховъ и схимниковъ, свѣтъ многочисленныхъ лампадъ и художественнаго письма иконы, поставленныя около гробницы, дополняютъ впечатлѣніе, договариваютъ то, что не могло быть высказано молчаливымъ, религіозно-восторженнымъ взоромъ при видѣ святыни. Сердце русскаго человѣка одинаковое—и у интеллигента и у простолюдина, и бываютъ въ жизни того и другого моменты, когда сливаются ихъ сердца въ унисонъ, чувствуютъ однимъ общимъ чувствомъ, мыслятъ одной общей мыслью, очищенной вѣрой отъ житейской скверны. У того и другого безко-

нечное множество заботъ, и въ неурожайномъ полѣ или въ департаментѣ находятъ себѣ примѣненіе эти заботы, — все равно здѣсь оба, и крестьянинъ пахатникъ и согбенный чиновникъ находятъ себѣ утѣшеніе, воскрешаютъ въ загрязненномъ сердцѣ то рѣдкостное, дашное только избраннымъ настроеніе, когда человѣкъ, какъ дитя въ періодъ перваго лепета, зажигаетъ въ Пасху въ первый разъ свѣчу отъ свѣчи сосѣда. Нѣчто подобное этому испытали и мы — по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ при видѣ чтимой русской святыни. Нельзя точно передать чувство, оно не поддается описанію, но можно сказать, что оно было и радостью, и вмѣстѣ отдыхомъ послѣ утомленія длинной вереницей учебныхъ впечатлѣній и послѣ дальней дороги, отдыхомъ у источника, куда пришли изъ пустыни люди, жаждущіе *воды жизни*. Чувствую, что не въ силахъ косный мой языкъ выразить это святое настроеніе; что не съумѣетъ умъ мой подобрать для сравненія какой нибудь образъ изъ впечатлѣній житейскихъ; да и какое можетъ быть сравненіе? Какое можетъ быть общеніе свѣту ко тьмѣ... Мы, юные, еще только готовящіеся вступить въ жизнь земно молимся тебѣ, великій святитель, укрѣпи духовныя и тѣлесныя силы наши; помоги намъ „украсить“ свѣтильники въ душахъ нашихъ, да не оскудѣетъ до конца дней нашихъ необходимый для горѣнія елей въ сосудахъ...

Что-то прерываетъ молитвенную мысль... Пора идти дальше, но... если бы дольше, дольше не уходить отсюда: хорошо намъ здѣсь быть.. Разстаемся съ этимъ храмомъ какъ съ роднымъ сокровищемъ.

Еще четверть часа, и четверо „художниковъ“ и „поэтовъ“ успѣли перелетѣть почти на другой конецъ города, къ могилѣ Кольцова. Но помѣшали грязь и слякоть разыскать дорогихъ покойниковъ. На тихомъ кладбищѣ, съ маленькой, кажется, круглой церковью, среди зелени, за алтаремъ похоронены два воронежскихъ поэта. Надпись у входа къ могиламъ, на которую указалъ намъ услужливый мальчикъ, гласила: „дорожка къ могилѣ Кольцова и Никитина“. Пятьдесятъ саженъ - и предъ нами два памятника — скромный черный, подъ которымъ лежитъ Кольцовъ и бѣлый мра-

морный, украшенный барельефами, гдѣ похороненъ Никитинъ. Хорошій это уголокъ, особенно для тѣхъ, кто любитъ русскую поэзію. Не первоклассные писатели похоронены здѣсь, а люди горя, выстрадавшіе свой стихъ, вычеканившіе его слезами на скрижаляхъ сердца гораздо раньше, чѣмъ передали его перу и тисненію. Это сама жизнь—горькая, суровая, неприглядная. Это сама нужда, постоянное, вѣчное гоненіе идейныхъ настроеній и идеальныхъ порывовъ, непризнающее въ свѣтѣ ничего, кромѣ рубля и кулака, о чемъ намъ такъ неподражаемо писалъ Никитинъ въ своей безсмертной поэмѣ. Это вѣчное стремленіе изъ тьмы къ свѣту, изъ мрака злости, озорства и провинціальныхъ сплетенъ къ чистому знанію, беззавѣтному простору мысли и чувства. Святая эта дорога, но и тернистая, и узкая и трудно-проходимая. „Какъ узникъ я рвался на волю“, пишетъ поэтъ, упрямо цѣпи разбивалъ, я свѣта, воздуха желалъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ если у насъ, въ духовной средѣ, гдѣ только и рѣчи, что про жизнь души да про божественное, поэта и писателя клеймятъ обиднымъ прозвищемъ мечтателя и безпочвеннаго идеалиста, если у насъ часто интересъ рубля и разсчета въ силу необходимости преобладаетъ предъ остальными, то что сказать объ искрѣ Божіей, тайно загорѣвшейся въ мысли какого нибудь сына стараго лавочника или безвѣстнаго прасола? Если у насъ чистое, художественное чутье и поэтическое чувство часто считаютъ лицемѣріемъ, у насъ, умѣющихъ отличить правую руку отъ лѣвой, то что сказалъ бы о стихахъ, о тоскѣ души, о болѣзни сердца, въ слезахъ вырывающійся—прасолъ, незнающій ни въ чемъ толку и ничего непризнающій, кромѣ гурта скота и выручки, или содержатель постоялаго двора, незнающій ничего, кромѣ возки и умѣнья обмѣривать и обвѣшивать. Это своего рода общечеловѣческая драма, растеніе въ чужой почвѣ, нѣчто подобное тому, что нарисовалъ Некрасовъ въ своемъ, такъ восхитившемъ Бѣлинскаго, стихотвореніи: „Въ дорогѣ“... Искра Божія—въ грязной житейской обстановкѣ—можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, быть еще что нибудь трагичнѣе?...

Спѣшность и здѣсь прерываетъ мысль. Отъ созерцанія не-

реходимъ къ осмотру надписей на памятникахъ. Памятникъ Никитина весь исчерченъ карандашемъ. Можетъ быть есть тутъ и высокіе мотивы, но мы не успѣемъ все прочитать. Читаемъ только вычеканенное.

На памятникѣ выбита слѣдующая надпись надъ рельефнымъ изображеніемъ поэта:

„Никитину. MDCCCLXIII. Почитатели таланта и друзья". Нѣсколько ниже: „Иванъ Савичъ Никитинъ род. 21 сент. 1824. скончался 16 окт. 1861 въ Воронежѣ". По бокамъ памятника золотыми буквами написаны отрывки изъ его стихотвореній.
На сторонѣ, обращенной къ алтарю:

„Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла".

На восточной сторонѣ:

„Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная,—
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни покончевъ вопросъ.
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

На южной:

Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ.
Я свѣта, воздуха желалъ.
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно.
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой.
Не ради шутки, не отъ скуки
Я какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ,
Я воплощалъ боль сердца въ звуки.

На той же сторонѣ, среди многочисленныхъ, написанныхъ

карандашемъ по бѣлому мрамору, надписей, мы успѣли прочитать:

„Я вновь одна,
И вновь кругомъ
Все таже ночь
И мракъ унылый.
И я въ раздумьи роковомъ
Стою надъ милою могилой.
Чего мнѣ ждать?
Къ чему мнѣ жить?
Къ чему бороться и трудиться?
Мнѣ больше некого любить,
Мнѣ больше некому молиться".

Рядомъ—памятникъ Кольцову съ обычной надписью: „Здѣсь покоится прахъ Александра Васильевича Кольцова, скончавшагося 19 октября 1842 г. на 34 году отъ рожденія" и также съ выдержками изъ лучшихъ его стихотвореній:

„Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,
И что ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ".

На другой сторонѣ:

„Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба".

И на третьей:

„Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ".

Рой мыслей толпится въ головѣ при видѣ этихъ двухъ дорогихъ могилъ. И прежде всего съ необычайною живостію вспоминается семинарская жизнь той далекой отъ насъ поры, когда учились наши отцы и дѣды. Совершенно ясно встаютъ въ вооб-

раженіи ихъ завѣтныя стремленія, ихъ думы и идеалы, ихъ неприглядная, подъ часъ хватающая за сердце, убогая дѣйствительность и суровая обстановка жизни. Какъ живые воскресаютъ въ сознаніи типы, выведенные Никитинымъ въ его знаменитомъ „Дневникѣ семинариста“: Яблочкинъ, Бѣлозерскій... Невольно вслушиваешься въ ихъ рѣчи. „Знаешь ли, другъ мой,—говоритъ, одушевляясь, Яблочкину Бѣлозерскій: санъ священника—великое дѣло. Эта мысль приходила мнѣ въ голову въ безсонныя ночи, когда, спрятавъ учебныя книги, усталый, я бросался на свою жесткую постель Вотъ, думалъ я: наконецъ, послѣ долгаго труда, я удостоиваюсь сана священно-служителя. Падаетъ-ли какой нибудь бѣднякъ, убитый нуждою, я поддерживаю его силы словомъ евангельской истины. Унываетъ-ли несчастный, безчестно оскорбленный и задавленный,—я указываю ему на безконечное терпѣніе Божественнаго Страдальца, Который, прибитый гвоздями на крестѣ, прощалъ своимъ врагамъ. Вырываетъ-ли ранняя смерть любимаго человѣка изъ объятій друга, я говорю послѣднему, что есть другая жизнь, что другъ его теперь болѣе счастливъ, покинувъ землю, гдѣ царствуетъ зло и льются слезы... И послѣ этого, быть можетъ, я пріобрѣтаю любовь и уваженіе окружающихъ меня мужичковъ. Устраиваю въ своемъ домѣ школу для дѣтей ихъ обоего пола, учу ихъ грамотѣ, читаю и объясняю имъ святое евангеліе. Эти дѣти становятся взрослыми людьми, разумными отцами и добрыми матерями... И я, покрытый сѣдинами, съ чистою совѣстью ложусь на кладбищѣ, куда, какъ духовный отецъ, проводилъ уже не одного человѣка, напутствуя каждаго изъ нихъ живымъ словомъ утѣшенія“... *) А вотъ и еще нѣсколько мыслей. Тотъ же семинаристъ жалѣетъ о своемъ товарищѣ: „...Яблочкинъ лежитъ въ больницѣ. Докторъ сказалъ, что жить ему остается недолго. Кажется, немного сказано, но... нѣтъ, я не могу продолжать! Наконецъ и моя крѣпкая натура не выдержала. Кровью облилось мое бѣдное сердце и сижу я, поникнувъ головой, и плачу, какъ ребенокъ. Жить ему остается недолго. Дитя, начавшее лепетать, дитя, страстно привязанное къ своей матери и брошен-

*) *Никитинъ*. Дневникъ семинариста, стр. 230.

ное ею въ темномъ лѣсу, не можетъ такъ плакать, какъ я теперь плачу". *) И наконецъ, этотъ самый товарищъ въ своей предсмертной исповѣди: «Умираю, Вася... все кончено... Коротка была моя жизнь, и эта бѣдная жизнь обрывается въ самую лучшую пору, какъ недопѣтая пѣсня на самомъ задушевномъ стихѣ... Грустно мнѣ, мой милый! Слышишь, какъ шумитъ вѣтеръ? Это онъ поетъ мнѣ похоронную пѣсню"... **)

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Теперь не различишь уже фантазію поэта отъ дѣйствительности. Но кто знаетъ, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ все это картинки съ натуры, быть можетъ все это товарищи и знакомые поэта—семинариста. Слишкомъ ужъ живо они нарисованы... да даже, пожалуй, и не нарисованы, а вновь вызваны авторомъ къ жизни. Если бы вмѣстѣ съ нами были наши отцы и дѣды и ихъ современники, то они, пожалуй, сказали бы, что поэтъ и не рисовалъ ихъ, а только отдернулъ завѣсу, которая скрывала отдѣленныхъ отъ насъ пятидесятилѣтнимъ пространствомъ людей, и потомъ, когда мы ихъ увидѣли, опять опустилъ свою таинственную занавѣсь. Не перестаемъ удивляться силѣ таланта и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно спрашиваемъ себя: куда дѣвались нынѣ такія чистыя души?...

Время бѣжитъ, и намъ давно уже пора быть на вокзалѣ. Идемъ съ возможной скоростію чрезъ грязь и лужи до станціи конки, а потомъ ѣдемъ... очень, намъ кажется, тихо, и безпрестанно жалѣемъ, что не можемъ погонять конку своимъ нетерпѣніемъ. Мало по малу, впрочемъ, оказывается, что наша тревога по меньшей мѣрѣ преждевременна: сначала мы обгоняемъ товарищей, идущихъ къ вокзалу медленной поступью (торопиться, значитъ, не зачѣмъ), потомъ, когда приходимъ на вокзалъ, получаемъ извѣщеніе, что поѣздъ выходитъ ровно на часъ позднѣе, чѣмъ мы предполагали. Опять началось безцѣльное „слоняньe" изъ угла въ уголъ по платформѣ, „покупка оптомъ и въ розницу" видовъ Воронежа и отсылка открытыхъ писемъ „съ видами" всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Кое-какъ скоротали этотъ скучный

*) Ibid. стр. 240.

**) Ibid. стр. 242—243.

часъ и приготовились ѣхать дальше. Время уже было къ вечеру. Предупредительный начальникъ станціи на этотъ разъ устроилъ нашу компанію какъ нельзя лучше: вытребовалъ по телефону „для учащихся“ отдѣльный вагонъ, свѣтлый, почти новенькій и очень просторный. На этотъ разъ намъ пришлось ѣхать вмѣстѣ съ католиками, которые занимали вторую половину вагона. Наши не разъ во время дороги заходили въ ихъ помѣщенія, оказывали имъ какія то любезности и пытались разговориться, но всегда и у всѣхъ встрѣчали холодный, лаконическій отвѣтъ на свои вопросы и явное нежеланіе поддерживать знакомство. Враждебное настроеніе это сохранилось, не смотря на наши усилія, до послѣдней узловой станціи, гдѣ они перешли въ другой поѣздъ... Странно, право. Тѣ и другіе—совершенно зеленые юноши, еще не помятые жизнью, еще не успѣвшіе нажить себѣ враговъ, а уже давно враги, враги изъ принципа, изъ-за старинныхъ преданій. Тѣ и другіе—послѣдователи *одного Христа*, одинаково милостиваго и къ праведнымъ и къ грѣшнымъ, и однакожъ не могутъ простить другъ другу своихъ убѣжденій,—и больше католики, чѣмъ наши. По русскому добродушію, наши готовы брататься со всѣми и вездѣ находить себѣ пріятелей, а тамъ, очевидно, не такъ...

Въ половинѣ шестого выѣхали изъ Воронежа. Опять началась таже равнина, степь безконечная какъ море. Съ площадки прекрасно устроеннаго послѣдняго вагона открывается необозримый горизонтъ. Лучше нашего наблюдательнаго пункта трудно себѣ что нибудь представить: стекла съ трехъ сторонъ,—совершенный фонарь. Надъ Воронежемъ тучи повисли, а по направленію къ Кіеву свѣтитъ заходящее солнышко. Вдали кое гдѣ видиѣется лѣсъ, ближе, на всемъ пространствѣ, хлѣбныя поля; ремонтные рабочіе по обѣимъ сторонамъ дороги. Проѣхали Донъ, совсѣмъ маленькій, близкій къ истоку. Правый берегъ, какъ и у всѣхъ русскихъ рѣкъ, высокій, лѣвый—луговой. Село раскинулось по-подгорью рѣки, нѣсколько „челноковъ“ около желѣзнодорожнаго моста, цвѣты по обѣимъ сторонамъ дороги, яркіе, какъ солнышко. Поѣздъ ѣдетъ съ чрезвычайной легкостью, будто едва—едва только ка-

сается земли. Далѣе—виды разнообразнѣе: мѣстами попадаются пригорки и перелѣски,—очевидно вступаемъ въ предѣлы благодатной Малороссіи. Миновавъ одинъ—два полустанка, занялись чаемъ, разбавляя его самыми прозаическими воспоминаніями: передавали другъ-другу мелкія событія, „слухи“, сплетни. Среди неинтереснаго разговора кто-то выглянулъ въ окно и почти закричалъ: „Воронежъ-то! Воронежъ-то“! Всѣ бросились къ окнамъ и на площадку вагона, а кто близорукъ, къ очкамъ или биноклю. Предъ глазами открывалось чудное зрѣлище. Подъ горою, вблизи лѣса, хуторъ съ бѣлыми домиками, а вдали, на горѣ, городъ во всей красѣ своей. Пять церквей выдѣлились среди голубой дали и блестятъ между облаками отъ яснихъ лучей заходящаго солнышка. Издали кажется, будто церкви и большая колокольня повисли въ облакахъ или будто это рѣдкій по своей прелести воздушный рисунокъ, свѣтовая картина. Главы церквей точно освѣщены электрическимъ свѣтомъ; выше ихъ вздымаются облака, похожія на горы въ вечернемъ освѣщеніи. Чудная игра цвѣтовъ и фигуръ на десятиверстномъ разстояніи!... Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не есть-ли это „невидимый городъ“, выросшій изъ земли вдали отъ Волги? Не различишь фантазію отъ дѣйствительности.

Позднимъ вечеромъ проѣзжаемъ мимо хлѣбнаго поля на цѣлые десятки верстъ. Рожь волнуется переливами; цѣлыми кустами пестрѣютъ цвѣты по окраинамъ дороги; на берегу рѣчки кудрявый орѣшникъ; на горѣ деревенька съ бѣлыми мазанками, красиво выдѣляющимися среди зелени. Сельская эстетика здѣсь во всей силѣ: крестьянскія дѣвушки, продающія ягоды, украшены цвѣтами... Руководители ведутъ ожесточенный споръ „по конфессіональнымъ вопросамъ“.

Ночь темная. Ровная степь, хорошо видная изъ послѣдняго вагона. Трое нашихъ собрались помечтать на площадкѣ,—задумчиво смотрятъ вдаль. Одинъ протянулъ руку къ красному фонарю: рука стала вся красная... любуется. Въ вагонѣ сонное царство: спятъ „въ три этажа:“ одни „пониже,“ другіе „повыше“, третьи еще повыше. Мирный сонъ нарушается постоянными приставаніями контролеровъ, которыхъ здѣсь почему-то особенно много.

Въ Курскѣ имѣли намѣреніе соловьевъ слушать, но поѣздъ проходилъ глубокой ночью и соловьи въ это время спали...

16 іюня.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора...

И такъ, мы въ предѣлахъ Малороссіи, той благословенной, излюбленной еще съ дѣтства Малороссіи, о которой такъ часто мечтали и которую всегда рисовали себѣ не иначе, какъ окруженною поэтической дымкой. Страна обилія, приволья, нѣги... какъ уютно, какъ хорошо здѣсь утомленному путнику. Каждый хуторъ, рѣчка, перелѣсокъ манитъ васъ подъ свою тѣнь и прохладу и намъ невольно хочется остановить поѣздъ, чтобы провести здѣсь еще нѣсколько лишнихъ минутъ и часовъ.

Будто по уговору собираемся всѣ около оконъ вагона и глазъ не можемъ оторвать отъ открывающихся вдали ландшафтовъ. Лѣсъ, хуторъ, насѣка окруженная деревьями, бѣлыя малороссійскія хаты и хозяйственныя службы. Стадо гусей въ открытой степи. Дальше—село. Убогія вѣтреныя мельницы, вросшіе въ землю дома, мужики на вечольѣ стоятъ толпою и о чемъ то оживленно спорятъ. Вдали, по опушкѣ лѣса, синѣетъ рѣчка. Божій храмъ живописно пріютился между тополями. Толпа дѣтей съ любопытствомъ провожаетъ поѣздъ... Еще нѣсколько станцій и пересадка на Харьковъ и Севастополь. Большинство нашихъ спутниковъ—католиковъ оставляютъ поѣздъ и у насъ въ вагонѣ становится еще просторнѣе. Изъ окна показывается еще картинка. На самомъ краю дороги, среди зелени вязовъ и пирамидальныхъ тополей, совершенно неожиданно открывается и при быстромъ ходѣ поѣзда сразу же пропадаетъ красная церковка съ бѣлыми мазанками по сторонамъ. Всѣ —въ восхищеніи. Кто то крикнулъ: „вотъ бы снять-то!“ но пока онъ это говорилъ, и церковь и мазанки остались далеко позади, и предъ глазами опять ровная, безбрежная степь, изрѣдка разнообразящаяся зелеными травами, смѣняющими бурую рожь... Станціи здѣсь уже совершенно дру-

гія, чѣмъ въ нашемъ краю или подъ Саратовомъ. Это цѣлыя усадьбы, окруженныя рядами пирамидальныхъ тополей и массою зелени. Самыя зданія, впрочемъ, не такъ красивы: сѣрыя какія то, изъ одной глины. На рельсахъ тамъ и здѣсь маневрирующіе поѣзда; издали кажется, будто они мирно разгуливаютъ на бульварѣ, съ обѣихъ сторонъ украшенномъ роскошными аллеями. На станціяхъ продаютъ букеты розъ и ягоды...

Сейчасъ Путивль, историческое мѣсто, упоминаемое въ „словѣ о полку Игоря.“ Поѣздъ стоитъ двѣ минуты. Ухитряемся въ это короткое время достать изъ чемодана „видъ,“ написать письмо и отнести его въ почтовый ящикъ,—быстрота, которой, навѣрно, позавидовали бы даже на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ Китаѣ. Городъ далеко въ сторонѣ отъ дороги, но въ бинокль его хорошо видно. Десятокъ церквей красиво выдѣляется среди зелени на горномъ возвышеніи, окаймляемомъ съ восточной стороны рѣчкой. Надъ рѣкою какой-то обрывъ, быть можетъ кремль стариннаго города. Интересно бы знать, сохранилась-ли та стѣна, около которой плакала Ярославна?..

За Путивлемъ мѣстность еще оживленнѣе. То и дѣло попадаются на встрѣчу хутора и села и открываются взору новыя картинки, живо напоминающія старосвѣтскихъ помѣщиковъ... Вправо отъ дороги, среди зелени тополей и липъ,—высокій, бѣлый „журавль“ колодца, красная крыша и бѣлыя стѣны домика, вѣроятно помѣщичья усадьба. Въ сторонѣ отъ дороги мальчикъ стоитъ обнявшись съ теленкомъ и оба внимательно смотрятъ на поѣздъ, очевидно большіе пріятели... Всѣ благодушествуемъ. Двое молодыхъ людей достали гдѣ то зеркало и приводятъ въ порядокъ свои физіономіи; остальные внимательно смотрятъ на нихъ и изощряютъ остроуміе. Ректоръ сидитъ въ сторонѣ, держитъ книгу и въ полголоса поетъ: „Къ Тебѣ утреннюю.“ Въ окнѣ златоглавая церковь горитъ на солнышкѣ своими пятью главами среди зелени акацій и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, домовъ. И яркій свѣтъ солнышка, и придорожныя села, и даже на, станціи, вотъ эта пчела, которая сейчасъ, совершенно непрошенная, залетѣла къ намъ въ гости,—настраиваетъ всѣхъ насъ идиллически и болѣе, чѣмъ

когда нибудь, заставляетъ понимать нѣжную заботливость знаменитой гоголевской помѣщицы... „Вы бы покушали, Аѳанасій Ивановичъ“... Едва-ли и мы въ этотъ разъ были на что либо способны, кромѣ безмолвнаго созерцанія природы, да еще завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ,—хотя и не такихъ, какіе были и бываютъ у старосвѣтскихъ помѣщиковъ,—и только лишь наиболѣе религіозно настроенные изъ насъ могли читать „слово,“ котораго начало „вси вы во благодушіи“.

Наслажденіе окрестностями прерываетъ кондукторъ прозаическимъ приказаніемъ: „Ваши билеты, господа!“...

Полдень. Въ вагонѣ такая же грязь, какъ вчера и третьяго дня, хотя и сюда переносится отчасти идиллическая обстановка малорусской жизни: въ комнатѣ кондуктора лежитъ букетъ розъ. . рядомъ съ грязнымъ жестянымъ фонаремъ и желѣзно-дорожной справочной книгой Жарче становится: въ окна вагона и особенно на площадку, которая доселѣ служила намъ обсерваторіей, проникаетъ пыль со всѣхъ сторонъ, такъ что просидѣвшій тамъ часъ возвращался въ вагонъ будто съ мельницы. За Конотопомъ уже сѣнокосъ во всемъ разгарѣ. Масса народу на лугахъ: мужики, бабы, дѣвицы въ разныхъ костюмахъ ворочаютъ сѣно. Букетъ сухихъ травъ и цвѣтовъ отовсюду врывается въ окна. Благодушное настроеніе смѣняется усталостью. Одинъ только гимназистъ у насъ не теряетъ своей живости и бодрости: по прежнему восторгается окрестностями и служитъ для насъ хронометромъ и справочной книгой по части названія станцій и времени стоянки. Проѣхали Бахмачъ и Нѣжинъ. Приближаемся къ Кіеву. По сторонамъ дороги изрѣдка попадаются толпы паломниковъ; наше настроеніе и „образъ мыслей“ измѣняется въ виду близкой святыни,—ожесточенно споримъ съ духовникомъ о значеніи поста. Дорога идетъ перелѣсками. Здѣсь еще открытѣе малорусская жизнь. Идетъ хохлушка—молодица и старуха, мирно бесѣдуютъ о чемъ-то. Молодица несетъ за плечами малаго ребенка, придерживая его за ноги; руками малютка держится за плечи матери, поминутно оглядываясь на далеко уходящій поѣздъ. Вблизи дороги ремонтные рабочіе кашу варятъ. Какой то пут-

никъ среди поля улегся подъ деревомъ и спитъ, слегка лишь поднимая голову—посмотрѣть равнодушными очами на встрѣчный локомотивъ. Еще далѣе—группа паломниковъ отдыхаетъ на солнышкѣ. Предъ окнами желѣзнодорожной будки, подъ тѣнью, разостланъ коверъ, на немъ чашка съ какимъ-то супомъ или щами. Маленькій, трехлѣтній мальчуганъ сидитъ и ѣстъ ложкой; вблизи сидитъ мать и смотритъ на своего любимца. Вдали, на горизонтѣ, тянется большая дорога, усаженная вербами.

Вечеръ. Поѣздъ приближается къ Кіеву,—всего пятьдесятъ верстъ осталось. Чѣмъ ближе къ Днѣпру, тѣмъ величественнѣе, милѣе становится природа. Больше, чѣмъ когда нибудь, соглашаешься со словами поэта, который говорилъ, что здѣсь „все обильемъ дышетъ.“ На станціяхъ оживленіе. Лѣнивые, апатичные паробки и бойкія дівчата продаютъ земляники, награждая васъ за копѣйку цѣлыми пригоршнями. Очевидно, онѣ совсѣмъ незнакомы съ „настоящими“ цѣнами. Хохлушкѣ удалось обсчитать на копѣйку одного изъ нашихъ, такъ въ это время у ней на лицѣ была написана такая радость, будто она двѣсти тысячъ выиграла. Потерпѣвшій невольно залюбовался на эту дѣтскую наивность. Мы проѣхали вдоль всю Россію, а не видали еще нигдѣ такого уголка, гдѣ люди и въ старости остаются такими же дѣтьми, какъ въ юные годы. Блаженная страна, счастливые люди!

Верстъ тридцать не доѣзжая до города, „вѣстовщикъ“ доложилъ: „Отецъ Ректоръ! Кіевъ видать.“ Электрическая искра пробѣжала по нервамъ нашихъ путниковъ; всѣ бросились къ окну и съ наслажденіемъ, съ неописуемымъ религіознымъ восторгомъ смотрѣли, какъ высоко на горѣ, почти подъ облаками блестѣлъ на солнышкѣ крестъ Лаврской колокольни. Это былъ самый торжественный, самый счастливый моментъ во всю нашу поѣздку: Соловки и Москву мы не встрѣчали съ такимъ трогательнымъ одушевленіемъ, съ такимъ неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ. Въ этотъ моментъ мы болѣе, чѣмъ когда нибудь, поняли пророка, который снялъ сандаліи свои, потому что свято было мѣсто, на которомъ онъ стоялъ. И намъ въ этотъ чудный, неповторяющійся въ жизни, моментъ хотѣлось снять съ себя всѣ

украшенія, сойти съ этого поѣзда, присоединиться къ толпѣ простыхъ паломниковъ и „во вретищѣ и пеплѣ“ идти къ святому городу. Не уловишь той вереницы мыслей, которая толпилась въ сознаніи въ этотъ счастливый моментъ, не нарисуешь со всѣми оттѣнками того сильнаго чувства, которое волновало душу, которое подымало съ глубины ея, изъ давно забытыхъ тайниковъ, лучшія чувства, святыя настроенія. „Сердце забилось,“—замѣтилъ „дядя В.“ восторженными глазами смотря вдаль, по направленію къ Кіеву. А у дяди нервы крѣпкіе да и ростомъ онъ богатырь. Не ему бы кажется нервничать. Объ остальныхъ и говорить не оставалось.

Поѣздъ мчится съ головокружительной быстротою. Ближе и ближе величественная панорама родины русской церкви и русскаго народа. Какъ красивы эти Божьи храмы, высящіеся надъ окаймленнымъ лѣсомъ хлѣбнымъ полемъ, и какъ хороша ты родная Русь, какъ привѣтлива вездѣ, гдѣ надъ колосящейся рожью блестятъ золотыя главы твоихъ многочисленныхъ храмовъ... Надъ лаврой прозрачная голубая дымка, освѣщенная косыми лучами вечерняго солнышка. Воздухъ непрозрачный: днѣпровскія воды насыщаютъ влагою окружающую атмосферу... Еще ближе... По сторонамъ дороги сосновый лѣсъ. По направленію къ Кіеву, вдали песчаные курганы. Спускаемся въ долину. Осталось верстъ пятнадцать. Дорога по сторонамъ усѣяна листьями папоротника.

На ближайшемъ разъѣздѣ нашъ поѣздъ осаждаетъ толпа студентовъ—техниковъ, возвращающихся съ экскурсіи. У большинства въ рукахъ портфели съ травами, цѣлый гербарій, у другихъ какія-то орудія, третьи—просто съ папиросами и удивительно беззаботнымъ выраженіемъ лицъ. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, удивленный незнакомою формой, заботливо освѣдомляется: —„Кто“?.. Ему кто-то отвѣчаетъ лаконически: „Лѣсные, изъ Лѣсного“... Человѣкъ пять лѣсниковъ помѣстились въ нашемъ вагонѣ, не безъ предварительныхъ, впрочемъ, пререканій изъ за свободныхъ мѣстъ.

Еще моментъ, и поѣздъ двинулся дальше среди стариннаго столѣтняго бора. Нѣсколько минутъ—и Кіевъ во всей красѣ.

Прямо, во всю длину города, высокій зеленый берегъ; изъ зелени по откосу привѣтливо выступаютъ золотыя главы Выдубецкаго монастыря и Лавры, направо, на горѣ, въ самомъ центрѣ сіяетъ Св. Софія. Глазъ не успѣваетъ схватить и запомнить въ надлежащей полнотѣ и подробностяхъ этотъ ландшафтъ. Невольно чувствуешь что-то чарующее, хватающее за сердце во всей этой красотѣ и великолѣпіи... Много прошло лѣтъ и немало вѣковъ, прежде чѣмъ выросъ на мѣстѣ этихъ горъ красавецъ—городъ. Въ старину, когда-то, въ старину, которой никто не запомнитъ, здѣсь была усыпальница скиескихъ царей. На пятнадцать столѣтій позже здѣсь поклонялись Перуну. Тысячу лѣтъ тому назадъ здѣсь впервые возсіялъ свѣтъ христіанства; здѣсь построены первыя русскія церкви: здѣсь княжили первые русскіе князья; здѣсь постились и молились первые русскіе подвижники... Сколько бѣдъ и горя пронеслось надъ этой колыбелью русскаго народа. Но и сколько радостныхъ, счастливыхъ дней она видѣла на своемъ долгомъ вѣку... Встань, русскій человѣкъ, сними и ты сандаліи свои, потому что свято мѣсто, на которомъ ты стоишь, осѣни лице твое крестнымъ знаменіемъ и въ чувствѣ глубокаго благоговѣнія, издали еще земно поклонись этой святынѣ!..

Видъ Днѣпра прерываетъ размышленія. „Широкій и глубокій“ въ нижнемъ теченіи, онъ здѣсь перерѣзанъ песчанымъ островомъ, который мѣшаетъ цѣлостности картины. Выѣзжаемъ на мостъ съ надписью: „480 саженъ“. Надпись помѣщена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на Волжскомъ мосту водружена часовня съ неугасимой лампадой. Вправо—весь Кіевъ: Аскольдова могила въ полгорѣ, на высокомъ берегу бѣлоснѣжный памятникъ тысячелѣтія крещенія Руси, Николаевскій мостъ, масса зелени по откосу, и надъ всей этой картиной, на самомъ высокомъ мѣстѣ царственно красуется лавра съ блестящими главами своихъ многочисленныхъ храмовъ. Ниже, по-подгорью, церкви „ближнихъ и дальнихъ пещеръ“. Трудно придумать что нибудь красивѣе этого вида, созданнаго вѣковыми усиліями. Могло бы еще получиться нѣчто подобное, если бы которую нибудь Лавру можно было перенести и поставить на верху нашихъ родныхъ, Жигулевскихъ горъ, не

уничтожая зелени и оставивъ берегъ во всей первобытной красѣ. И все таки не получилось бы той силы впечатлѣнія: здѣсь ландшафты мягче, нѣжнѣе, и Днѣпръ не выглядываетъ такимъ угрюмымъ, какъ у насъ Волга подъ горами.

Проѣхали мостъ. Поѣздъ дѣлаетъ закругленіе на пути къ вокзалу. Надъ полотномъ желѣзной дороги виситъ большая гора, покрытая вѣковыми липами и по мѣстамъ среди зелени выглядываютъ бѣлые домики. Это послѣдній ландшафтъ, который можетъ остановить нашъ взоръ. Далѣе—въ безпорядкѣ разбросанныя, грязныя жидовскія хаты, какіе-то жалкіе желтые заводы и фабрики, рѣчка—ручеекъ Лыбедь, когда-то знаменитая, теперь почти переставшая течь и страшно загрязненная и затѣмъ—безконечныя постройки Кіевскаго вокзала, загроможденнаго разными товарами. Поѣздъ даетъ послѣдній свистокъ и останавливается у платформы.

ВЪ КІЕВѢ.

Былъ довольно поздній вечерній часъ, когда мы, окончивъ обычную процедуру съ вещами, шли по Бибиковскому бульвару безъ опредѣленнаго плана, имѣя лишь ближайшимъ намѣреніемъ попасть въ Лавру и хорошо зная, что если „языкъ до Кіева доведетъ“, то тѣмъ болѣе приведетъ къ нашей цѣли въ самомъ Кіевѣ. Путь —въ гору. По обѣ стороны улицы трехъ-этажные дома, неизмѣнно окрашенные въ желтую краску. Рядомъ съ панелью, широкой и гладкой какъ полъ—электрическіе проводы и длинная линія высокихъ пирамидальныхъ тополей. Ближе къ дорогѣ—цѣлый рядъ разнообразныхъ объявленій, сажени по три каждое. Тихій ароматный вечеръ, желтый, ласкающій взоръ, цвѣтъ домовъ и эта совершенно оригинальная смѣсь культуры и природы бодритъ усталыя силы и возбуждаетъ утомленные нервы. Чувство новости дополняетъ общее прекрасное настроеніе. Одинъ только нашъ „пессимистъ“ недоволенъ тѣмъ, что мы идемъ „собачьей рысью“. Предъ Владимірскимъ соборомъ останавливаемся въ нерѣшительности, зайти или отложить на завтра удовольствіе осмотра. Рѣшаемъ, что на завтра, и идемъ далѣе чрезъ Крещатикъ и

общественный садъ, всюду удивляясь необычайной чистотѣ и благоустройству. Горы, пригорки, цвѣты въ изобиліи, ароматичный воздухъ, причудливые виды, и среди зелени, золотыя главы старинныхъ церквей, все невольно поражаютъ насъ и заставляютъ сказать, что ничего подобнаго мы нигдѣ не встрѣчали. Вышли на берегъ Днѣпра. На необозримое пространство разстилается даль зарѣчья: луга, заливы и озера; большіе пароходы и маленькіе финляндскіе пароходики то и дѣло волнуютъ зеркальную поверхность рѣки; подъ горою дома, обрывы и памятники — св. Владиміру и крещенія Руси... Пріѣзжайте сюда сами, читатель: не могу я передать вамъ свое восторженное настроеніе, не съумѣю съ этого громаднаго горнаго обрыва разсказать всю прелесть, все величіе открывающихся видовъ.

Изъ общественнаго сада спускаемся на Подолъ и идемъ въ городскую купальню, а потомъ низомъ по направленію къ Лаврѣ. Налѣво Днѣпръ во всей вечерней красѣ, направо зеленыя горы, безъ сомнѣнія не ниже, если не выше нашихъ Жигулевскихъ. Минуемъ Николаевскій мостъ и монастырскую часовню съ привѣтливо теплящеюся предъ иконой лампадою и поднимаемся въ гору, на которой стоитъ Лавра. Прошли по лѣстницѣ двѣсти семьдесятъ шесть ступеней, но это еще не весь подъемъ: нужно пройти еще столько же избитой тропою, чтобы войти въ ворота Лавры. На пути сбиваемся и спрашиваемъ попавшихся на встрѣчу солдатъ: „гдѣ дорога“? А потомъ, когда поднялись въ гору, уже наугадъ идемъ къ святой обители, рядомъ съ цѣлыми десятками лавочекъ, гдѣ продаютъ крестики, образки, четки, свѣчи и необходимую въ домашнемъ обиходѣ утварь. Глубокое религіозное чувство, соединенное съ сознаніемъ тихаго, давно неизвѣданнаго, счастья наполняетъ сердце весь этотъ вечеръ. Лавра уже близко; вотъ и стѣны ея, а вотъ и главный входъ, ворота ведущія въ великую церковь и митрополичьи покои. Издали еще, надъ главными вратами видимъ, какъ привѣтливо теплится лампада, и за нею, съ распростертыми благословляющими руками изображеніе Богородицы, посылающей миръ всякому вступающему на это святое мѣсто. Полустертая надпись гласитъ: „Врата умнаго свѣта

именуемъ тебе, Богомати, имиже къ намъ вииде Христосъ и красенъ явися блистаньми Божества, во плотетѣмъ одѣяніи покровенъ яко невидимъ, нынѣ же по насъ видимый"... Молитвенно внимаемъ этому святому надписанію и такъ какъ часъ уже поздній — всякая служба кончилась—направляемъ стопы къ тихой пристани — въ монастырскую гостиницу, гдѣ въ этотъ часъ долженъ былъ ждать насъ о. Ректоръ. Разыскать мѣсто будущей остановки намъ не стоило никакого труда. О. вратарь въ отвѣтъ на нашъ вопросъ: „гдѣ остановился ректоръ Самарской семинаріи"? показалъ намъ большой трехъ-этажный корпусъ и назвалъ № 171-й въ третьемъ этажѣ. Благодарили монаха и спѣшнымъ маршемъ двинулись дальше. Особенно интересно шли по лѣстницѣ; на этотъ разъ никакъ ужъ нельзя было сказать „мы грядемъ", а необходимо говорить проще, не по монастырски: „мы бѣжимъ" или „мы бѣжали". Дѣйствительно, шагали черезъ пять ступеней и считали уже не ступени, а этажи: сдѣлаетъ длинный человѣкъ два шага, и говоритъ: „разъ этажъ", еще столько же,—„два этажа", затѣмъ, послѣ секунды отдыха, также еще пять - десять ступеней и „три этажа". Пришли и доложили ректору, что прибыли благополучно. Насъ немедленно воротили назадъ, на монастырскій дворъ ужинать, предварительно объяснивъ, какіе здѣсь существуютъ порядки.

На дворѣ, устланномъ щебнемъ, подъ каштанами разставлены столики, и богомольцы отдыхаютъ, послѣ продолжительной службы, за чаемъ и ужиномъ. На каждомъ изъ столиковъ, окрашенныхъ въ бѣлую съ синеватымъ оттѣнкомъ краску, лежитъ меню съ обозначеніемъ цѣнъ на всякое кушанье. Все обычно, но все такъ чисто и вкусно, что и въ первомъ классѣ любого Волжскаго парохода не угостятъ васъ лучше. Особенно хорошъ монастырскій квасъ: такого квасу во всей нашей губерніи ни за какія деньги не достанешь. Секретъ монаховъ, какъ его дѣлаютъ. Говорятъ, заготовляютъ разъ или два въ годъ. Во всемъ образцовый порядокъ; для всѣхъ—одни законы; никакихъ исключеній не дѣлается по требованію личнаго вкуса. А всего лучше декорація стола: свѣсившіяся надъ вами на разстояніи протянутой руки

вѣтви зеленаго дерева... Общее впечатлѣніе дополняетъ мелодичная музыка колоколовъ на лаврской колокольнѣ, отбивающихъ гармоническою гаммою каждую четверть часа... Давно не былъ такъ хорошъ ужинъ, какъ въ этотъ разъ,— не хуже Соловецкаго, когда, помню, запоздавъ на вечерницей, сидѣли мы въ тишинѣ сѣверной бѣлой ночи при свѣтѣ лампадъ одни въ полутемной трапезной... Какъ хорошо тогда было, какъ задушевно рѣчь лилась...

Кончивъ ужинать и возблагодаривъ Творца, опять поднимаемся кверху — одни въ номеръ, другіе на балконъ подышать чистымъ воздухомъ и отдохнуть въ вечерней прохладѣ. Смотрите вы отсюда внизъ и вдаль, и не можете налюбоваться. Поэтическіе образы одинъ за другимъ встаютъ въ вашемъ сознаніи и приковываютъ къ мѣсту, зачаровываютъ васъ... Прямо разстилается весь утонувшій въ зелени гористый берегъ, изрѣдка перегороженный оградой церковной или башней какой-нибудь *); за нею — Днѣпръ, дѣйствительно чудный „при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои". За Днѣпромъ, на все пространство Задніѣпровья, расположено большое селеніе, очевидно городское предмѣстье. Нѣтъ ничего лучше, какъ это красивое мѣсто на другой сторонѣ Днѣпра. Я не Гоголь, и плохой я поэтъ, не могу нарисовать вамъ картину открывающагося далекаго пространства, но смотрите вы сами: предъ вашимъ взоромъ, въ полумракѣ лѣтнихъ сумерекъ, рельефно выдѣляются среди зелени бѣлыя стѣны хатъ; почти въ каждой изъ нихъ горитъ огонекъ, гдѣ „запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ". Чѣмъ это не Диканька въ разсказахъ Гоголя?... Смотрите далѣе: небольшой заливъ, за нимъ въ низенькой, бѣлой мазанкѣ, похожей на лачугу, тоже горитъ огонекъ, дальше другой, третій, четвертый; огонь въ хатѣ на самомъ концѣ деревни, а за деревней лѣсъ и даль, которая уходитъ за горизонтъ и сливается съ небомъ. Присмотритесь еще ближе, пристальнѣе къ самымъ берегамъ Днѣпра: и подъ берегомъ, и на срединѣ рѣки въ лодкахъ — огни рыбаковъ... Сами собой напрашиваются въ памяти слова автора Аскольдовой могилы:

*) Это «ближнія и дальнія пещеры», какъ мы послѣ узнали.

Ну-те, братцы, поскорѣе
Собирайте невода...

Лѣвѣе Днѣпра, на горизонтѣ потухаетъ послѣ заката вечерняя заря, прерываемая кое-гдѣ перистыми, окрашенными въ разные цвѣта облаками. Еще лѣвѣе—многочисленныя главы лаврскихъ храмовъ.

Боже! Какъ все это хорошо, и какъ далеки отъ васъ въ эту минуту треволненія мірской, сумрачной жизни съ ея прозаическими горями и мелкими тревогами. Невольно хочется сейчасъ сказать съ высоты этого балкона вамъ всѣмъ, кто будетъ читать эти строки: бросьте хоть на недѣлю свои дѣла, пріѣзжайте сюда, полюбуйтесь, какое мѣсто выбрали наши первые подвигоположники для своихъ трудовъ, и вы, пробывъ день, хотя одинъ только день подъ сѣнію Лавры, сразу почувствуете, какъ много лѣтъ у васъ упало съ плечъ и какъ лучше стали вы по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ были. Такія мѣста и такіе виды способны будить въ человѣкѣ всѣ добрыя чувства... Сколько вѣковъ пронеслось надъ этимъ мѣстомъ, сколько людей здѣсь схоронено: скиѳы, варяги, печенѣги, татары, половцы... Сколько лѣтъ сіяетъ здѣсь на всю Русскую землю свѣтъ христіанства...

Темнѣетъ. Еще огонь загорѣлся въ какой то кельѣ и привѣтливо свѣтитъ рядомъ съ колокольней. Вдали слышны свистки пароходовъ. Пора спать: завтра рано вставать за утреню.

Возвращаемся въ номеръ. Здѣсь цѣлая бесѣда. При свѣтѣ тусклой свѣчи ректоръ читаетъ предъ собравшейся группой слушателей Печерскій Патерикъ. Остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ почившіе св. отцы на пасхальное привѣтствіе св. Діонисія отвѣтствовали: „воистину воскресе“. Завтра увидимъ эту пещеру.

Вскорѣ чтеніе кончилось. Мы застали только конецъ. Всѣ начали собираться ко сну. Часть людей перешла въ нижній этажъ, гдѣ было отведено намъ второе помѣщеніе: номеръ нашъ свѣтлый и чистый, оклеенъ обоями, украшенъ занавѣсками. Столики, стулья, койки съ чистымъ бѣльемъ, отъ котораго мы такъ отвыкли за время трехъ дней пути. Послѣ молитвы, ложимся спать, но съ непривычки въ новомъ мѣстѣ спится плохо; никакъ не можемъ

отдѣлаться отъ прежнихъ впечатлѣній: мерещится пересадка на Черниговъ, свистки, звонки, стукъ поѣзда. Послѣ трехъ дней безпрерывнаго пути никакъ не можемъ привыкнуть къ мысли, что мы на отдыхѣ.

17 іюня. Встали рано, еще за долго до службы. Молились въ церкви ближнихъ пещеръ, чтобы одновременно вмѣстѣ всѣмъ начать поклоненіе святынѣ. На литургіи ректоръ и духовникъ сами поминали нашихъ родныхъ. По окончаніи службы всѣ взяли зажженныя свѣчи и въ благоговѣйномъ шествіи отправились поклониться здѣшнимъ подвижникамъ...

По когда приближаемся къ этому священному мѣсту, все болѣе и болѣе я начинаю чувствовать, какъ слабо мое перо, чтобы въ достаточной степени изобразить исторію длительнаго, порой быть можетъ молчаливаго, подвига, о которомъ сохранилась память въ этихъ святыхъ гробницахъ и въ этихъ громадныхъ зданіяхъ, созданныхъ постомъ, слезами и молитвами. Еще болѣе слабъ мой умъ, чтобы правдиво нарисовать словомъ народное чувство, вѣру сотенъ и тысячъ людей, которые приходятъ сюда издалека и здѣсь находятъ себѣ ободреніе, утѣшеніе и поддержку въ несчастіяхъ. Не сказать мнѣ, какъ это происходитъ, что молитвенное настроеніе паломника помогаетъ ему разглядѣть, какъ его личное горе и его личныя слезы ничтожны и малочисленны въ сравненіи съ тѣмъ общенароднымъ горемъ, которое избывали и о которомъ молились положенные здѣсь святые. Не успѣть, затѣмъ, мнѣ слабой мыслью своей за тѣми людьми мыслящими, которые видятъ въ этихъ пещерахъ не только основу церкви, но и основу государства, которые желаютъ сказать, что только совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ великихъ двухъ силъ сильна наша дорогая родина, что стоитъ отбросить одну изъ нихъ, чтобы поколебалось великое цѣлое; которые думаютъ, что эти святые, здѣсь положенные, не только — памятники давно минувшаго времени созиданія русской церкви и государства, но и вѣчные, постоянные примѣры самоотверженнаго труда и жизни на пользу общую. Эти великія истины для тѣхъ, кто занятъ ими, раскроютъ лучше меня, выскажутъ яснѣе, чѣмъ мое слабое слово, событія изъ жизни святыхъ

печерскихъ подвижниковъ, и если бы кто взялъ на себя трудъ привести ихъ въ систему съ этой именно точки зрѣнія — созиданія жизни и охраненія жизни созданной уже отъ прикосновенія разрушительныхъ началъ, - великое бы онъ утѣшеніе нашелъ своему сердцу и многимъ намѣренно слѣпымъ раскрылъ бы ту неложную, вѣчную истину, что только тогда сильна сила тѣла, когда сильна живущая въ ней сила души, и что въ этомъ послѣднемъ отношеніи положенные въ пещерахъ — гиганты, до высоты величія коихъ намъ трудно достигнуть.

Чѣмъ дальше вступаемъ подъ темные своды пещерныхъ корридоровъ, тѣмъ все болѣе и болѣе поражаемся несокрушимымъ величіемъ народной вѣры, которая сказывается во всякомъ поклонѣ, во всякомъ, возлагаемомъ на себя крестьяниномъ, крестномъ знаменіи. Приходящіе сюда для поклоненія, въ большинствѣ люди больные душою, готовы на все, что ни сказалъ бы монахъ, лишь бы легче становилось на сердцѣ, лишь бы какая нибудь была надежда на просвѣтлѣніе. Есть между богомольцами люди глубоко невѣжественные, какъ и между монахами люди малоученые и малоопытные въ духовной жизни Всѣмъ приходящимъ сюда— малопросвѣщеннымъ и неразумнымъ что они могутъ сказать въ утѣшеніе, кромѣ развѣ обычнаго: „молись, Богъ помилуетъ“ или, еще менѣе утѣшительное: „спѣшите, потому что сотни другихъ ожидаютъ своей очереди, чтобы поклониться святынѣ“. И такъ все это спѣшно, стремительно, изо дня въ день, изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, — спѣшно, потому что нельзя иначе, спѣшно, потому что приставленные къ пещерамъ очередные монахи утомляются физически и умственно, разсказывая постоянно одно и тоже. Вѣдь, и они — люди, вѣдь и у нихъ также какъ у насъ притупляются впечатлѣнія. И вотъ здѣсь, у этой великой святыни, невольно сокрушаешься сердцемъ, вспоминая Соловки или Оптину пустынь, гдѣ такъ развито *старчество*, гдѣ и при множествѣ народа, желающій можетъ получить слово назиданія и утѣшенія. Скорбящему сердцу мало молчаливаго ободренія, которое исходитъ отъ гробницы; больное сердце недовѣрчиво, подозрительно; оно не удовлетворяется безмолвной бесѣдой: оно

жаждетъ живаго слова, устной рѣчи. Ему нужно не только указать, что вотъ были люди, которые молились, постились и спаслись, но и сказать, что и нынѣ возможенъ еще этотъ подвигъ. Ему нуженъ не только памятникъ, но и живой примѣръ, чтобы оно не теоретически только, но и самымъ дѣломъ убѣдилось въ томъ, что не прошли еще тѣ времена, въ которыя люди жили общей жизнью страны, молились за всѣхъ друзей и враговъ, молились даже за незнакомыхъ, чтобы душа христіанская, въ напасти сущая, чувствовала эту молитву и чтобы молитвой этой ей легче было. Какая великая, всеобъемлющая сила мысли, проникающая даже въ самые отдаленные уголки страданій, пороковъ и несчастій! И вотъ невольно хотѣлось бы, чтобы и теперь вдругъ ожилъ этотъ подвигъ—многочисленный, непрерывный въ теченіе многихъ вѣковъ, и чтобы онъ своею всеобъемлемостію украсилъ пещеры и горы Кіевскія, чтобы онъ своею духовной силой разлилъ благодать по лицу всей нашей страны, отъ моря до моря. Дѣло благодатное, дѣло духовное, и не намъ, мірскимъ людямъ, грѣшнымъ и порочнымъ, въ него вмѣшиваться, ибо сами много болѣемъ и сами очернены пороками. Но жажда слышанія слова, также, какъ жажда говоренія—присуща всякому и нельзя ее скрыть и нельзя о ней замолчать. Какъ бы хорошо ни жилъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ доволенъ своей судьбой, все равно наступитъ день,- особенно у насъ русскихъ людей, людей крайностей (національная черта),—когда „проклятые вопросы“ будутъ мучить его сердце, когда сами собой раскроются его умные очи и увидитъ онъ всю суету мірскую, увидитъ, и бѣжитъ... Но куда? Гдѣ онъ найдетъ себѣ пристанище?.. Для людей, жаждущихъ науки, у насъ есть образовательныя учрежденія: университеты, академіи, школы, и всякому жаждущему они даютъ отъ своего стола знанія „каждому противу силы его“, даютъ не только матеріалъ для раскопокъ, но и самую археологію, какъ науку и исторію, какъ дополненіе и освѣщеніе прошлаго. Такъ ли въ области духовной жизни? Есть ли у насъ въ собственномъ смыслѣ (а конечно есть) профессора этой трудной житейской науки, которые бы всякому желающему, какъ Амвросій Оптинскій

или Серафимъ Саровскій дали не только памятникъ (какъ теперь указывать монахъ на гробницу святого), но и теорію объясняющую этотъ памятникъ, пусть это объясненіе будетъ и не научно, и не литературно, и не по плану (у сердца своя наука, свой планъ), но съ глубокимъ знаніемъ души человѣческой, озаренной свѣтомъ Христова ученія, незыблемой вѣрой въ Бога и глубокій смыслъ жизни. Мы желали бы рядомъ съ университетомъ знанія имѣть и *университетъ вѣры*, потому что это первое и главное назначеніе монастыря,— возбуждать, оживлять духовную жизнь, дѣлать то дѣло, о которомъ говорилъ знаменитый профессоръ на юбилеѣ преп. Сергія, возбуждать каждую захудавшую душу мыслью и сознаніемъ, что если здѣсь плохо, если здѣсь тьма глубокая, то тамъ, далеко, сіяетъ свѣтъ, что тамъ есть старецъ, который видитъ дальше, чѣмъ удрученный мірской жизнью, земной взоръ, что у него есть *счастье вѣры*, и это счастье непоколебимо свѣтитъ ему и окружающимъ. Я слабъ, сказалъ-бы каждый,— но есть у меня именитый дальній родственникъ, который меня поддержитъ. Я слабъ, сказалъ-бы особенно человѣкъ религіозный, но у меня есть старецъ, который и меня поддержитъ, и родныхъ моихъ научитъ и всѣмъ намъ, даже среди горя укажетъ *счастье*, умѣнье нести свой крестъ съ радостными глазами и веселымъ лицомъ, идти на войну съ жизнью съ побѣднымъ гимномъ. Намъ хотѣлось бы въ монастырѣ видѣть если не цѣлый университетъ, то хотя одного *профессора вѣры*. Быть можетъ, они и есть здѣсь и тогда жаль, крайне жаль, что мы ихъ не видали. А можетъ быть и нѣтъ. И тогда еще болѣе жаль, что нельзя поставить его за жалованье, что нельзя найти человѣка, который бы былъ такимъ „ученымъ“ и платить ему деньги. Но у церкви много средствъ, высшихъ, духовныхъ, которыя могутъ замѣнить деньги для пріобрѣтенія такого лица. Въ немъ давно чувствуется необходимость; слуховъ о его славѣ давно жаждутъ всѣ, чтобы придти, поклониться ему и поклонившись, заимствовать отъ того огня, которымъ онъ горитъ, ибо мало стало свѣта и гаснетъ свѣтильникъ.

Дай Богъ, чтобы скорѣе наступило это благодатное время,

чтобы и насъ учили не только знать или не столько знать, но и вѣровать, и непремѣнно *вѣровать*. Это *жажда*, о которой говорилъ Спаситель, и жажды той не заглушить ничѣмъ, по крайней мѣрѣ не заглушить *навсегда*.

Съ этими мыслями и чувствами входимъ во святая святыхъ Кіево-Печерской Лавры, въ трогательномъ одушевленіи, съ готовностію воспроизвесть въ памяти все далекое прошлое христіанства въ Кіевѣ и изъ этого молчаливаго урока извлечь для себя назиданіе, быть можетъ на цѣлую жизнь, потому что многимъ изъ насъ предстоитъ быть скоро пастырями .. а не обойти намъ этихъ вопросовъ.

Съ благословенія Преподобныхъ Печерскихъ попытаюсь описать впечатлѣнія нами полученныя.

По внѣшнему своему виду пещеры Кіевскія представляютъ собою земляной корридоръ въ сажень или нѣсколько больше вышиною, со сводами, расположенными полукругомъ, и нишами, или углубленіями въ стѣнахъ. Каждое изъ этихъ углубленій длиною въ ростъ человѣческій и шириною не больше, чѣмъ сколько нужно мѣста для того, чтобы поставить гробницу. Углубленіе не доходитъ до самой земли, такъ что отъ пола и до нижней части его остается въ стѣнѣ возвышеніе или ложе въ полъ-аршина, иногда можетъ быть въ аршинъ вышиною и длиною — въ длину цѣлой ниши. Углубленіе вверху, также какъ и корридоръ, заканчивается полукругомъ. Вотъ въ этихъ-то нишахъ или углубленіяхъ по правую и лѣвую сторону тѣснаго земляного корридора и почиваютъ въ ближнихъ пещерахъ сорокъ шесть подвижниковъ Кіевскихъ. Впечатлѣніе, которое вы получаете при осмотрѣ пещеръ — неизгладимое; можно быть увѣреннымъ, что оно сохранится на цѣлую жизнь. Широкое поле открывается здѣсь для вашей фантазіи: будто вошли вы въ катакомбы первыхъ христіанскихъ мучениковъ глубокою ночью (потому что здѣсь темно даже въ самый ясный полдень) и участвуете вмѣстѣ съ ними въ ихъ сокровенной молитвѣ. Издали доносящееся до васъ пѣніе литургіи въ трехъ пещерныхъ церквахъ дополняетъ иллюзію. Вы, конечно, никогда не были въ катакомбахъ и не видали ихъ первоначальнаго устрой-

ства, но кое что слышали и кое что читали о нихъ, и вотъ теперь всѣ эти неопредѣленныя впечатлѣнія, сосредоточиваясь въ цѣломъ, слагаются въ одинъ ясный, опредѣленный образъ. Это самый счастливый моментъ, когда волею Всевышняго человѣку дано, возвысившись надъ обыденной дѣйствительностью, уйдя въ подземолье отъ мірской заботы, углубиться въ историческое прошлое и силою молитвы и воображенія, ее дополняющаго, воротить его къ жизни...

Каждая ниша напоминаетъ собою, по своей обстановкѣ, келью старца—затворника. Въ углу углубленія образъ святого или ликъ Спасителя, предъ нимъ красная или синяя, иногда бѣлая, лампада, самой простой работы, далѣе въ рамкѣ небольшая надпись, обозначающая имя святого и день его кончины; ниже, на каменномъ, а иногда деревянномъ, ложѣ самая гробница, обыкновенно деревянная, покрытая краснымъ съ черными крестами покрываломъ, или, какъ здѣсь называютъ, пеленою. Одинъ корридоръ отъ другого отдѣленъ рѣшетчатой деревянной дверью, отворяющейся на обѣ стороны. По мѣстамъ, въ стѣнѣ, чорной почти, закоптѣвшей отъ времени, встрѣчаются небольшія, въ квадратную четверть, окна, со стекломъ, прокопченнымъ изнутри, задѣланныя наглухо; это — кельи подвижниковъ, скончавшихся въ затворѣ. Изрѣдка на стѣнѣ вы встрѣтите висячій подсвѣчникъ, жестяной, самой простой, оригинальной работы, со стѣнкой вмѣсто рефлектора и съ помѣщеніемъ для свѣчи. Вотъ и вся скромная, убогая обстановка пещерныхъ жилищъ. Здѣсь нѣтъ ничего лишняго; всѣ вещи наперечетъ. И если вы изъ корридора заглянете въ пещерную келью, то и тамъ также убѣдитесь, уже по первому только взгляду, что не стяжатели были св. подвижники. Икона съ лампадой, жосткое ложе, каменный полъ, значительно вытертый отъ частыхъ колѣнопреклоненій и маленькое оконце, чрезъ которое можно передать просфору и кусокъ хлѣба, необходимые для поддержанія жизни, молитвою возгрѣваемой больше, чѣмъ хлѣбомъ тѣлеснымъ—вотъ все, что вы найдете въ пещерахъ. Еще интереснѣе три маленькія пещерныя церковки: Введенія пр. Богородицы, при выходѣ изъ пещеръ, преподобнаго Варлаама и препод. Антонія Печер-

скаго. Человѣкъ по десяти въ нихъ умѣстится, не больше, а алтарь такъ тѣсенъ, что развѣ двоимъ или троимъ въ рядъ можно пройти между престоломъ и жертвенникомъ. И однакожъ, каждая изъ этихъ церквей производитъ на зрителя впечатлѣніе положительно чарующее. Нигдѣ такъ скоро не сходитъ на васъ молитвенное настроеніе, нигдѣ въ такой степени не забываете вы своихъ житейскихъ заботъ и горя, какъ здѣсь, въ этомъ маленькомъ храмѣ. Я сравнилъ бы чувство, которое наполняетъ въ эти минуты вѣрующее сердце, съ тѣмъ, какое бываетъ у молящагося въ первый день Рождества или свѣтлаго праздника, когда онъ судьбою какой-нибудь занесенъ къ полюсу и тамъ, вдали отъ родныхъ, слушаетъ рождественскую заутреню или обѣдню раннимъ утромъ, еще до-свѣта. Такая же тамъ убогая, бѣдная церковь; также тускло блеститъ золоченый когда то иконостасъ, также смотрятъ изъ темноты потемнѣвшіе лики святыхъ угодниковъ и также скудно освѣщенъ алтарь, всего лишь десяткомъ свѣчей, а можетъ быть и меньше; но еще болѣе вдохновенно здѣсь, чѣмъ тамъ, лицо пастыря: въ болѣе еще сильномъ, небесномъ восторгѣ возводитъ онъ очи горѣ и возвышая крестообразно сложенныя руки, возглашаетъ: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся. Еще приносимъ Ти сію словесную и безкровную службу“... А клирикъ умиленно падаетъ ницъ и долго не можетъ поднять главы своей, осѣненной благодатію. Нѣчто подобное, вѣроятно, было въ бѣдной церковкѣ преподобнаго Сергія, когда еще свѣчи тамъ замѣняла лучина, но когда сила вдохновенія святого старца была сильнѣе, чѣмъ все нынѣшнее богатство и великолѣпіе.

Руководимые о. Ѳеодоромъ, проходимъ мимо мощей св. мучениковъ Василія и Ѳеодора, *) пострадавшихъ въ Кіевѣ отъ Князя Мстислава Святополковича († 11 августа 1091 г.), преподобнаго Поликарпа, архимандрита Печерскаго, собесѣдника князя Ростислава, часто совѣтовавшаго князю дѣлать правду и блюсти землю русскую († 24 іюля 1181 г.), прп. Варлаама, принесшаго и бросившаго къ ногамъ прп. Антонія всѣ свои сокровища и принявшаго постриженіе († 19 ноября 1063 г.), прп.

*) Подробнѣе о каждомъ изъ нихъ чит. въ Патерикѣ Печерскомъ.

Агапита — врача, священномученика Кукши, проповѣдника христіанства на р. Окѣ, и мимо замурованной кельи прп. Исаакія, къ гробницѣ *Нестора Лѣтописца.*

Дойдя до этой дорогой намъ гробницы, рѣшительно заявляемъ батюшкѣ—проводнику, что долго не уйдемъ отсюда и просимъ его дать волю нашему чувству. Низко поклонившись, до самой земли, внимательно разсматриваемъ мѣсто вѣчнаго упокоенія перваго русскаго историка, самаго роднаго намъ изъ всѣхъ положенныхъ здѣсь преподобныхъ подвижниковъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ, едва только научившись читать, видали мы на картинкѣ въ первой книжкѣ для чтенія снимокъ съ его гробницы, и вотъ только теперь, черезъ много лѣтъ, Господь сподобилъ насъ ее увидѣть въ дѣйствительности. Невольно приходятъ на мысль школьныя воспоминанія объ этомъ дорогомъ человѣкѣ на урокахъ исторіи, на урокахъ литературы. Сами собой слагаются въ памяти еще въ дѣтствѣ выученные стихи Пушкина:

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя...

И невольно останавливаешься мыслью на томъ, что теперь, чрезъ тысячу почти лѣтъ послѣ смерти св. лѣтописца, вокругъ его могилы дѣйствительно „все безмолвно и спокойно“. Жизнь Россіи далеко ушла отъ этого святого монастыря и не видать ее изъ подъ мрачныхъ сводовъ темной пещеры... Надъ гробницей, находящейся на крутомъ поворотѣ пещернаго корридора, въ головахъ привѣтливо горитъ лампада, предъ изображеніемъ преподобнаго, сидящаго за столомъ и пишущаго свою лѣтопись: на столѣ—чернильница, ножикъ и книги; вправо, за рѣшеткой, окно съ видомъ на Днѣпръ и горы. Правѣе иконы—„почетный академическій дипломъ потомковъ предку“—металлическая вызолоченая доска, поднесенная ему Московскимъ обществомъ исторіи. Вверху доски, подъ изображеніемъ сіянія славы и всевидящаго ока, вычеканенъ текстъ „диплома“: „Преподобному Нестору Лѣтописцу отъ общества исторіи и древностей россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. 1829 года, октября 27 дня“. Ниже, по обѣимъ сторонамъ доски, изображены колонны и около нихъ—

щитъ, кадило, мечъ, лукъ, хоругви, сѣкира и раскрытая книга съ надписью: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ откуду есть пошла русская земля". Подъ колоннами даты: „Въ предсѣдательство симъ обществомъ генерала Писарева. 1829 г. м. 13"; „при Кіевскомъ митрополитѣ и почетномъ членѣ онаго Евгеніѣ". Еще правѣе отдѣланная подъ серебро маленькая рама съ надписью славянскими буквами: *преподобный Несторъ лѣтописецъ. Октоврія 27.* Подъ рамой большой гвоздь. Гробница серебряная съ рельефными изображеніями. Слѣва, въ первомъ полукругѣ вычеканенъ столикъ, на немъ чернилица и на полу книга; подъ изображеніемъ надпись: преподобный Несторъ, лѣтописецъ Россійскій": далѣе — второе изображеніе одинаковое съ первымъ. Еще дальше преподобный изображенъ съ заступомъ въ рукахъ и свѣчей, поставленной на землѣ; на самомъ концѣ, съ правой стороны — погребеніе преподобнаго Нестора. Подставка къ гробницѣ деревянная, закапанная воскомъ. Самая гробница внутри обита краснымъ шолкомъ съ черными крестами. Ниша— ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ ни по размѣрамъ, ни по обстановкѣ: *) сводовъ—два и третій на пути, на закругленіи. Сдѣланы изъ натуральной земли и въ достаточной степени закоптѣли: изъ натуральнаго песочнаго цвѣта стали почти совсѣмъ черными.

Такова внѣшняя обстановка мѣста вѣчнаго упокоенія преподобнаго. Есть нѣчто трогательное и въ этой гробницѣ, и въ этой памяти,—въ гробницѣ, которая, по словамъ проводника нашего о. Ѳеодора, заставляетъ останавливаться около нея даже иностранцевъ, въ этой памяти, которая переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока жива Русская земля. Земный нашъ поклонъ тебѣ, великій историкъ!..

Толпы народа, все болѣе и болѣе скопляющіяся въ пещерныхъ переходахъ, заставляютъ и насъ двигаться, слѣдуя общему направленію. Послѣдній разъ издали смотримъ на гробницу преподобнаго Нестора и идемъ за всѣми. Со стороны особенно

*) 11 четвертей въ длину, 4 четверти въ ширину и семь четвертей разстоянія до сводовъ.

сильное впечатлѣніе производитъ это безпрерывное шествіе одного за другимъ паломниковъ съ зажженными свѣчами: будто крестный ходъ въ святую ночь вокругъ церкви. Темнота въ пещерныхъ сводахъ еще болѣе увеличиваетъ силу впечатлѣнія. Подходимъ къ мощамъ св. Іоанна Многострадальнаго, по плечи зарытымъ въ землю: припоминается сказаніе о томъ, какъ озаряемъ былъ преподобный среди мрака своей пещеры божественнымъ свѣтомъ, такъ что безъ помощи свѣтильника могъ совершать по книгѣ свое молитвенное правило. Черезъ нѣсколько углубленій почиваетъ Маркъ гробокопатель, подвижникъ XI вѣка. Преданіе разсказываетъ, что онъ ежедневно довольствовался двумя — тремя глотками воды, которые вмѣщалъ въ себѣ пустой внутри мѣдный крестъ. Этотъ крестъ доселѣ хранится невдалекѣ отъ его гробницы, и монахъ, хранящій святые останки преподобныхъ, каждому проходящему мимо паломнику предлагаетъ скудную мѣру воды, зачерпываемую крестомъ изъ находящагося вблизи сосуда. Минуя еще нѣсколько гробницъ, мы подходимъ къ большой пещерѣ съ надписью: „Трапеза преподобныхъ отецъ печерскихъ“. У входа монахъ съ цѣлымъ факеломъ зажженныхъ свѣчей освѣщаетъ путь богомольцамъ. Трапеза имѣетъ крестообразную форму, не болѣе 3—4 саженъ въ длину и столькихъ же въ ширину, и въ вышину немного выше человѣческаго роста. Семь лампадъ у гробницъ св. угодниковъ привѣтливо свѣтятъ въ темномъ подземельи. Въ правой сторонѣ пещеры почиваютъ мощи преподобнаго Исаіи Чудотворца, Авраамія трудолюбиваго и Нифонта, епископа Новгородскаго, примирителя князей, защитника вѣры и церковныхъ обычаевъ (+8 апр. 1156 г.). Прямо отъ входа — мощи преп. Сильвестра и преп. Макарія. Въ лѣвой нишѣ почиваетъ Пименъ постникъ и Онуфрій Молчаливый. Пещера эта замѣчательная. По преданію, записанному въ патерикѣ печерскомъ, здѣсь въ ночь на праздникъ пасхи 1463 года, преподобный Діонисій во время утрени вошелъ въ пещеру покадить усопшую братію и, въ избыткѣ любви къ почившимъ, вставъ посреди, воскликнулъ: „святые отцы и братія! сегодня великій праздникъ, Христосъ воскресе“! и внезапно всѣ почившіе ему

громогласно отвѣтствовали: „воистину воскресе"! Охраняющій пещеру монахъ передалъ намъ разсказъ недавно бывшаго здѣсь священника, будто св. Макарій, почивающій въ этой пещерѣ, неоднократно являлся бѣдной сиротѣ, дочери священника, и приказывалъ ей немедленно уходить изъ того дома зажиточнаго крестьянина, гдѣ она жила прислугою. Дѣвушка сначала не придала никакого значенія этому видѣнію, а потомъ, когда оно повторилось, ушла изъ дому и въ туже ночь сгорѣлъ и домъ и всѣ люди, которые въ немъ жили. „Недавно прислала двугривенный преподобному Макарію... бѣдная она", добавилъ монахъ съ сожалѣніемъ.

Невольно мнѣ приходитъ на мысль: если бы можно было побыть здѣсь подольше и записать все, что невольно вырывается изъ сердца страждущаго человѣка, — и непосредственныя наблюденія за богомольцами, и разсказы монаховъ, и собственныя впечатлѣнія, то получилась бы психологія цѣлой страны, и кто знаетъ, написавшій эту книгу не доказалъ—ли бы намъ вновь, что сохранилась доселѣ и быть можетъ сохранится на много вѣковъ еще молитвенная связь почивающихъ здѣсь святыхъ съ людьми теперь живущими, и что случаи, подобные разсказаннымъ монахомъ, суть только слабое, по мѣстамъ лишь замѣтное, обнаруженіе этого молитвеннаго общенія. Дай Богъ, чтобы скорѣе нашелся человѣкъ, который напишетъ такую книгу.

Идемъ дальше, и опять гробница, у которой, вѣроятно, тоже немало было можно видѣть скорбей человѣческихъ. По выходѣ изъ пещеры почиваетъ преп. Спиридонъ просфорникъ, во дни жизни своей ежедневно прочитывавшій всю псалтирь. Православное изображеніе крестнаго знаменія, которымъ онъ осѣнялъ себя въ часъ кончины, доселѣ сохранилось на его рукѣ. Говорятъ, что многіе изъ старообрядцевъ, увидѣвъ это изображеніе, возвращались въ лоно православной церкви. Какой борьбы имъ стоило это обращеніе, и сколько слезъ видѣли эти святые останки!.. Еще нѣсколько шаговъ и - гробница преподобнаго Алипія Иконописца (+17 августа 1114 г.), иконы котораго, сохранившіяся до нашихъ дней, мы видѣли въ минувшемъ году въ Троицкой Лаврѣ и Мо-

сковскомъ Успенскомъ соборѣ По преданію, иконы его издавали чудный свѣтъ и оставались невредимы среди пламени и разрушенія; далѣе – гробница св. Симона, епископа Суздальскаго, перваго агіографа печерскаго, который такъ любилъ Лавру, что желалъ быть хотя соромъ въ ея стѣнахъ. Сподобилъ и его Господь лечь въ родномъ мѣстѣ. Лампада ярко горитъ надъ его гробницей. Далѣе Никонъ, четвертый игуменъ печерскій, двѣнадцать братій строители Лавры, Исаакій затворникъ, искушенный діаволомъ и млад. Іоаннъ первый русскій мученикъ, убіенный въ 983 г. кіевлянами за принятіе христіанства.

Близко къ выходу. Предъ послѣдними гробницами мы уже менѣе внимательны. Воздухъ удушливый, хотя сопровождающій насъ отецъ Осодоръ говоритъ, что это еще хорошо, а въ мав, при большомъ стеченіи богомольцевъ, свѣчи гаснутъ. Послѣдній разъ смотримъ на обстановку пещеръ и мимопроходящихъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ старцевъ, юношей, мужей и женщинъ разнаго званія. Гдѣ то вдалекѣ, въ глубинѣ пещеры, плачутъ грудныя дѣти; въ другой сторонѣ монахъ убѣждаетъ идти скорѣе, не задерживать проходящихъ... Въ десять часовъ утра вышли изъ пещеръ и благодарили добраго отца Ѳеодора. Яркій лучъ солнышка рѣжетъ взоръ, привыкшій къ темнотѣ. Предъ глазами монахи и пестрыя толпы богомольцевъ, тѣснящихся у входа. Настроеніе у всѣхъ радостное, почти восторженное. Я не знаю, много – ли у насъ еще такихъ счастливыхъ дней было, и часто—ли съ такой душевной чистотой, какъ теперь, мы принимались за свои мірскія дѣла.

Послѣ осмотра пещеръ, возвратились въ монастырскую гостинницу и принялись за чай. спѣша приступить къ осмотру Кіевскихъ достопримѣчательностей. Пили чай по способу замоскворѣцкой купчихи и жглись неимовѣрно. Обитатели верхняго номера скорѣе окончили свои сборы и, спустившись съ лѣстницы, побуждали остальныхъ не засиживаться. Наконецъ собрались всѣ у входа и, послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ относительно порядка осмотра, направились въ гору, сначала въ Николаевскій военный соборъ, потомъ къ Аскольдовой могилѣ. Первое же впечатлѣніе по вы-

ходѣ изъ гостиницы заставило оживиться всѣхъ, даже обычно серьезныхъ и сосредоточенныхъ нашихъ руководителей. Впереди шелъ странникъ въ подрясникѣ, вышитомъ съ ногъ до головы разными цвѣтами по зеленому полю; даже шляпа была чѣмъ то вышита. Подпоясанъ онъ ораремъ, съ крестами въ разныхъ мѣстахъ. Къ поясу привѣшены мѣшки и мѣшечки, черезъ плечи перекинуто полотенце, въ рукахъ корзинка. Издали вся одежда сверкаетъ блестками. Наши всѣ впали въ восторгъ неописанный; нѣкоторые побѣжали его догонять, чтобы разсмотрѣть поближе и шли съ нимъ рядомъ, другіе шли позади его и дѣлали на бумагѣ наброски оригинальнаго костюма. Одинъ изъ толпы совершенно безцеремонно догналъ проходимца и, едва скрывая свою улыбку, обратился къ нему съ заботливымъ вопросомъ.

Куда, дѣдушка?

Куда Богъ дастъ, былъ отвѣтъ.

Какой губерніи?

Костромской.

А кто ты?

А тебѣ что?..

Діалогъ конченъ. Наиболѣе остроумные люди говорятъ, что дальше только и оставалось спросить „а билетъ у васъ есть“?... Идемъ къ старинной церкви Спаса на Берестовѣ. По дорогѣ зелень, точно лѣсомъ идешь; по ту и другую сторону лужайки и овраги со свѣже-скошенной травой; тѣнистые сады по мѣстамъ. Невольно удивляешься, какъ это случилось, что въ ту пору, какъ во всякомъ городѣ съ корнемъ вырываютъ живое растеніе и спѣшатъ отгородить „мѣсто“, построивъ домъ, здѣсь—красота и приволье, будто и не городъ, а какая-нибудь хорошо устроенная деревенская усадьба, гдѣ не каждый клочекъ земли эксплоатируютъ, а оставляютъ нѣчто и для эстетики.

Николаевскій соборъ, входъ въ который украшенъ пушками, направленными на посѣтителей, совершенно напоминаетъ костелъ. Храмъ этотъ построенъ Мазепой. Говорятъ, мать Мазепы имѣла здѣсь свою дачу. Сопровождавшій насъ священникъ этой церкви ознакомилъ насъ съ достопримѣчательностями храма, преимущественно-

но различными символическими изображеніями, и обратилъ наше вниманіе на вызолоченный рѣзной иконостасъ, настолько массивный и цѣнный, что одна очистка его стоила сорокъ тысячъ. Въ соборѣ мы пробыли не болѣе пяти минутъ, хорошо зная, что намъ предстоитъ осмотрѣть въ этотъ день много памятниковъ болѣе замѣчательныхъ.

Спускаемся подъ гору. Вдали, за Днѣпромъ спитъ облако и слышатся отдаленные раскаты грома. На западѣ солнце еще ярче свѣтитъ,—быть грозѣ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ должна быть Аскольдова могила, но мы идемъ наугадъ, все еще держась пословицы, что языкъ въ Кіевѣ приведетъ куда угодно. Двое беззаботныхъ юношей, торжественно шествуя подъ вѣковыми липами, украшающими подъемъ въ гору и берегъ рѣки, поютъ себѣ подъ носъ соотвѣтствующія мѣста изъ оперы. Съ Днѣпра вѣетъ свѣжестью, ароматомъ цвѣтовъ и травъ. Въ полгорѣ дорога поворачиваетъ влѣво и идетъ вдоль берега. Навстрѣчу намъ ѣдетъ мужикъ и погоняетъ свою клячу: оба лѣнивы или оба устали. Спрашиваемъ:

Гдѣ Аскольдова могила?

— Не знаю...

Да и гдѣ знать: давно Аскольдъ похороненъ... Спускающаяся съ горы хохлушка выводитъ насъ изъ затрудненія: указываетъ съ верху путь. Идемъ нѣсколько саженъ въ указанномъ направленіи и подходимъ къ воротамъ съ надписью на правой сторонѣ, слѣдующаго содержанія:

„Аскольдова могила и тысящелѣтіе перваго крещенія Россовъ въ Кіевѣ.

„Россы Аскольдъ и Диръ были первоначально идолопоклонники. Въ 863—864 году по Рождествѣ Христовѣ они завладѣли городомъ Кіевомъ, въ которомъ тогда было язычество, и стали Кіевскими князьями. Въ томъ же 864 г. они съ своею дружиною отправились изъ Кіева на многочисленныхъ корабляхъ въ Константинополь, дабы отмстить грекамъ за избіеніе проживавшихъ тамъ по торговымъ дѣламъ Россовъ. Прибывъ туда, они окружили городъ и въ предмѣстіяхъ его начали истреблять все. Жите-

ли Константинополя, съ часу на часъ, въ ужасѣ ожидали вторженія Россовъ въ городъ. Но первосвятитель Фотій возбуждаетъ смятенный народъ къ упованію на помощь Богоматери и съ чудотворною рукою ея совершаетъ крестный ходъ по стогнамъ и стѣнамъ Константинополя. Тогда Россы непостижимо какъ, обратили тылъ свой, сняли осаду Константинополя и пораженные чудодѣйственною силою Божіею, возвратились въ Кіевъ. А въ 866 году Аскольдъ, вмѣстѣ со многими Кіевскими Россами, принялъ св. крещеніе отъ епископа, посланнаго къ нимъ патріархомъ Фотіемъ, который въ томъ же году и упомянулъ объ этомъ событіи въ своемъ посланіи къ восточнымъ святителямъ. Въ 882 г. Олегъ правитель Сѣверной Руси прибылъ изъ Новгорода къ высотамъ Кіевскимъ и остановилъ свои ладьи на берегу Днѣпра противъ сей мѣстности. Укрывъ своихъ воиновъ въ ладьяхъ, онъ велѣлъ объявить Оскольду и Диру, что варяжскіе купцы, отправленные Новгородскимъ княземъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ, какъ друзей и соотечественниковъ. Оскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, вышли къ нему на это мѣсто. Воины Олега окружили ихъ, и Оскольдъ и Диръ подъ мечами ихъ пали къ ногамъ сего правителя. Тѣло Оскольда погребено на мѣстѣ мученической кончины его. Вотъ почему это мѣсто имѣетъ историческое названіе Аскольдова могила. Блаженная кн. Ольга построила тутъ церковь въ честь святителя Христова Николая Мурликійскаго чудотворца, потому что Аскольдъ въ святомъ крещеніи нареченъ былъ Николаемъ. Въ 971 году эта Оскольдовская церковь была раззорена Святославомъ первымъ, но св. Великимъ княземъ Владиміромъ вновь въ 990 году возстановлена. Нынѣ существующая каменная церковь на томъ же мѣстѣ устроена въ 1809 году благотворительностію воронежскаго купца Самуила Никитыча Мещерякова. Въ 1861 году Кіево-пустынный Николаевскій Слуцкій второклассный монастырь, которому издревле принадлежитъ сія мѣстность и церковь, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита Кіевскаго и Галичскаго и съ утвержденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича построилъ здѣсь каменный домъ для священнослужителей и сію каменную

ограду при настоятелѣ архимандритѣ Θеоктистѣ. Въ настоящемъ 1866 году исполнилась тысяча лѣтъ съ того года, когда князь Оскольдъ и многіе Россы приняли христіанство. Въ память тысячелѣтія христіанства въ Кіевѣ и сооружена дска сія 9 мая въ день Святителя и чудотворца Николая съ благословенія Кіевскаго митрополита Арсенія при настоятелѣ архимандритѣ Θеоктистѣ, въ двѣнадцатое лѣто царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора, Самодержца Всероссійскаго Александра Николаевича.

Богу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь":

Надвигавшаяся туча внушительно напоминала во время чтенія этой длинной надписи, что пора намъ уходить отсюда — искать себѣ болѣе надежнаго убѣжища, и мы поспѣшили воспользоваться предостереженіемъ, посылаемымъ сверху въ видѣ рѣдкихъ дождевыхъ капель, въ полной увѣренности, что не спасутъ насъ отъ дождя ни крыша воротъ, ни развѣсистыя липы, окружающія ограду. Переступили порогъ святого мѣста и двинулись къ самому храму. Здѣсь разстояніе всего какихъ-нибудь нѣсколько саженъ. Рѣдко намъ приходилось видать что-нибудь уютнѣе и изысканнѣе этой маленькой церковки, построенной малоизвѣстнымъ благотворителемъ на мѣстѣ убіенія одного изъ первыхъ князей Кіевскихъ. Со всѣхъ сторонъ она окружена бѣлыми колоннами, поддерживающими круглый куполъ главнаго храма. Еще лучшее впечатлѣніе производитъ храмъ внутри. Подъ синимъ куполомъ горитъ огнемъ золотое паникадило; семь большихъ оконъ сверху льютъ свой свѣтъ на лики святыхъ, изображенные по стѣнамъ также по синему фону. Иконостасъ, весь вызолоченный, поражаетъ выдержанностію стиля, богатствомъ украшеній и прекрасной живописью. Двѣ изящныхъ печи пріютились въ углахъ и согрѣваютъ храмъ въ зимнее время. Полъ паркетный и чистота поддерживается всюду образцовая. За аналоемъ съ лѣвой стороны постоянно сидитъ клирикъ и предлагаетъ посѣтителямъ записать свое имя за здравіе или родныхъ за-упокой.

Могила Аскольда въ склепѣ. Ходъ снаружи, съ лѣвой стороны террасы, украшенной колоннами, и нельзя сказать, чтобы содержался въ исправности. Лѣстница крутая, узкая, въ самомъ

склепѣ темно, такъ что безъ помощи свѣчи и проводника едва-ли разыщешь мѣсто старинной могилы. А если и найдешь, то пожалуй сначала поклонишься „праху“ какого-то генерала, который положенъ здѣсь на болѣе почетномъ мѣстѣ рядомъ съ Аскольдомъ. Спускаемся въ подземелье, напутствуемые изъ-за Днѣпра внушеніями Перуна, о которомъ теперь совсѣмъ забыли: молніи зигзагами освѣщаетъ Заднѣпровье и все слышнѣе и слышнѣе становятся раскаты грома.

Могила Аскольда ничѣмъ не украшена. Это простая, покрытая пылью, каменная плита; на ней лежитъ довольно изношенный, простой работы, парчевый покровъ и тарелка съ четырьмя копѣйками. Маленькая красная лампада, теперь погашенная, по временамъ освѣщаетъ икону Спасителя, утвержденную въ камнѣ, нѣсколько ниже почернѣвшаго желѣзнаго креста, который, по преданію, сохранился отъ временъ Аскольда. Крестъ четырехъ-конечный, небольшихъ размѣровъ, съ наставкой внизу, самой простой и грубой работы. Рядомъ съ могилой стоитъ аналой съ распятіемъ позади; на аналоѣ—икона Николая чудотворца.

Поклонившись кіевскому князю, мы поднялись обратно по лѣстницѣ террасы и рѣшили переждать накрапавшій дождь подъ привѣтливымъ и гостепріимнымъ покровомъ маленькой церковки. Болѣе неустрашимые разбрелись по окружающимъ церковь могиламъ; человѣка три вышли за ограду—еще разъ перечитать историческую надпись. Фотографъ уловилъ моментъ и снялъ группу.

Невдалекѣ отъ церкви покоится знаменитый Наумовичъ, борецъ за вѣру и Россію въ Галиціи. Чорный мраморный памятникъ на его могилѣ въ трехъ мѣстахъ испещренъ біографическими свѣдѣніями и цитатами св. Писанія (I Іоан. III, 3; Апок. XX, 19, Мато. V, 10). Ниже евангельскихъ изреченій, съ разныхъ сторонъ вычеканены очевидно любимыя покойнымъ сентенціи: „Молись. Учись. Трудись. Трезвись“. Со стороны, обращенной къ Днѣпру, въ памятникъ вдѣланъ портретъ и подъ нимъ помѣщена слѣдующая трогательная надпись: „Гонимому на родинѣ, принятому въ родной Россіи, печальнику Галицкой Руси о. протоіерею Іоанну Григорьевичу Наумовичу“.

Дождь льетъ какъ изъ ведра, и мы, послѣ осмотра памятника, поневолѣ еще разъ собираемся внутри церкви въ ожиданіи, пока онъ кончится. Ждать, впрочемъ, пришлось недолго: набѣжавшая туча быстро унеслась впередъ и съ Днѣпра опять привѣтливо стало свѣтить солнышко, отражаясь своими лучами и на зеленой травѣ, и на вымокшихъ листьяхъ деревьевъ. Послѣдній разъ останавливаемся на минуту между рѣшетками террасы, замѣняющей паперть, и идемъ въ гору. Подъемъ крутой, хотя и не въ прямомъ направленіи, да и гора высокая. Еще разъ оглядываемся назадъ: не хочется разстаться съ историческимъ мѣстомъ, о которомъ съ дѣтства еще сохранились самыя трогательныя воспоминанія. Видъ на окрестность чудесный. Круглая церковка вся утонула въ зелени; черезъ цѣлый рядъ пирамидальныхъ тополей привѣтливо выглядываютъ ея бѣлыя колонны; вдали открывается Днѣпръ и заднѣпровье...

Поднявшись въ гору, вступаемъ въ ограду Николаевскаго монастыря, и нѣсколько смущены тѣмъ, что попали сюда непрошенные. Освѣдомляемся у монаха, гдѣ нашъ дальнѣйшій путь и получаемъ утѣшительное извѣстіе, что съ дороги не сбились.

Согласно маршруту, составленному еще въ Самарѣ, въ цѣляхъ возможно большей экономіи времени, „держимъ курсъ“ въ Кіевскую Духовную Академію, на Подолъ. Путь не близкій. Минуемъ Николаевскія ворота, каланчу, и любуясь роскошными зданіями, входимъ въ городской садъ. На этотъ разъ и нашъ „пессимистъ“ не устоялъ въ своемъ мрачномъ настроеніи,—оглядывается по сторонамъ и медленно, съ разстановкой замѣчаетъ:

— Я, чать, думаю, нигдѣ лучше этого сада нѣтъ.

Гимназистъ, въ патріотическомъ настроеніи, возражаетъ ему:

— „А чѣмъ нашъ Струковскій плохъ?“ Заспорили и прибавили шагу...

Садъ дѣйствительно прекрасный: столѣтнія липы, ряды пирамидальныхъ тополей, низко подрѣзанныя акаціи, тѣнистые каштаны и клены; по сторонамъ дороги пригорки. По горамъ уступы, дорожки, уютные уголки и овраги — мѣсто для покоса. Все такъ просто, хорошо, какъ будто въ деревнѣ, на образцовой фермѣ какой-нибудь

Только расчищенныя и выглаженныя какъ полъ дорожки свидѣтельствуютъ, что здѣсь больше удовольствій, чѣмъ необходимаго труда. Путь нашъ идетъ изъ подъ горы въ гору. На одномъ изъ крутыхъ подъемовъ встрѣчаемъ на лавочкѣ какого-то „ученаго барина“, судя по обилію цитатъ въ громадной книгѣ, которую онъ внимательно читалъ и на которую мы успѣли взглянуть мелькомъ, насколько позволяло приличіе. „Профессоръ“ разсѣянно посмотрѣлъ на насъ, очевидно додумывая свою мысль и видимо замѣчая насъ одними только глазами, потомъ опять углубился въ чтеніе. Черезъ нѣсколько минутъ выходимъ на Днѣпровскую набережную. Видъ точь-въ точь такой же, какъ съ Нижегородской набережной за Волгу, разница только въ томъ, что здѣсь берегъ песчаный, обрывами саженъ на сто вницъ. За Днѣпромъ синѣетъ даль и серебромъ блестятъ на солнцѣ озера. Недалеко отъ рѣшетки набережной, подъ тѣнью деревъ, поставлены гимнастическіе приборы; группа дѣтей играетъ невдалекѣ. Впереди, среди зелени, переливаются на солнцѣ главы Михайловскаго златоверхаго монастыря. Часъ глухой, гуляющихъ очень мало, почти всѣ наперечетъ: черничка сидитъ на лавочкѣ, вся въ черномъ, о чемъ-то задумалась; два интеллигентныхъ молодыхъ человѣка попались на-встрѣчу... сонные, усталые; три дѣвушки въ сторонѣ оживленно спорятъ: лица свѣтлыя, радостныя. Впереди спускъ въ нѣсколько уступовъ. Разыгрались на бѣгу—самый большой и самый маленькій: дядя В. ловитъ гимназиста, а тотъ отбивается прутомъ и оба смѣются...

Наконецъ садъ кончился. Всѣ приняли приличныя позы и уже не бѣжимъ, а „грядемъ“. Чинно здѣсь все до приторности. По обѣ стороны отлогаго пути возвышаются береговые обрывы, гладко устланные дерномъ и засѣянные травою. По мѣстамъ трава скошена, по мѣстамъ ее косятъ: косцы лѣпятся на поразительной крутизнѣ, свѣшивая свои косы и ежеминутно рискуя полетѣть вницъ. Тротуаръ, выложенный желтымъ кирпичемъ, ведетъ къ самому Днѣпру, но Днѣпръ мы минуемъ, беремъ немного влѣво и идемъ по главной улицѣ Подола. Если бы здѣсь параллельно протекала Волга, то получилась бы точная копія съ „Нижняго

Базара“ въ Нижнемъ Новгородѣ: тотъ же трамвай, тѣ же магазины со всякой всячиной, тѣ же горы нависли обрывами. Еще нѣсколько сотъ саженъ, и мы, миновавъ площадь, входимъ подъ покровъ Братскаго монастыря. Спачала посѣтили здѣсь главную церковь, гдѣ молятся студенты и гдѣ ежегодно, разъ въ годъ, говоритъ проповѣдь знаменитый профессоръ Пѣвницкій; здѣсь отдохнули на солеѣ нѣсколько минутъ. Ректоръ въ это время разсказывалъ про Петра Могилу и основаніе Академіи; затѣмъ двинулись всей толпой къ академическимъ корпусамъ, въ страхѣ и нерѣшительности. У входа показался швейцаръ, суровый, съ генеральскими манерами и „выдержанной рѣчью“. Оглядѣлъ насъ съ ногъ до головы, потомъ, по просьбѣ бывшаго съ нами преподавателя, доложилъ о нашемъ прибытіи помощнику Инспектора Н. Н. Успенскому, который любезно провелъ насъ по всѣмъ академическимъ помѣщеніямъ и потомъ сдалъ насъ своему коллегѣ Г. П. Скибину, чтобы тотъ руководилъ нами при осмотрѣ археологическаго музея. На дворѣ — опять дождикъ, спѣшить, глядя на ненастье, некуда, и времени для осмотра остается довольно. Изъ старинныхъ памятниковъ въ музеѣ обратило наше вниманіе вполнѣ сохранившееся изображеніе IV вѣка—мученика и мученицы, древніе свѣтильники и старинная пальмовая вѣтка, которая вдохновляла Лермонтова при написаніи имъ стихотворенія „Вѣтка Палестины“. Младшіе изъ нашей партіи съ особеннымъ вниманіемъ разсматривали золотыя и серебряныя монеты временъ Христа Спасителя и юбилейные альбомы и адресы, поднесенные † Преосвященному Іоанникію.

Изъ Академіи, въ которой загостились довольно долго, ѣхали по конкѣ и отъ скуки торговались съ кондукторомъ, который везъ гимназиста за половинную цѣну, а намъ не хотѣлъ дать никакихъ льготъ. Пространныя доказательства нашихъ правъ на скидку были бы безконечны, если бы не необходимость черезъ три—пять минутъ окончить свой путь и „на-вѣкъ“ распрощаться съ кондукторомъ. По настоянію одного изъ капризныхъ нашихъ спутниковъ, чувствовавшаго недомоганіе, рѣшили пойти мимо памятника Св. Владиміру, чтобы тамъ „увѣковѣчить на память

потомству“ свои лица. Памятникъ утвержденъ на пьедесталѣ въ пять громадныхъ ступеней, на которыхъ стоитъ подобіе часовни съ литымъ, рельефнымъ изображеніемъ перваго крещенія Руси: Епископъ съ берега благословляетъ новокрещенныхъ, священникъ, почти у самой воды, даетъ имъ цѣловать крестъ, нѣсколько человѣкъ до пояса погружены въ воду; одинъ изъ нихъ, быть можетъ впервые, полагаетъ на себя крестное знаменіе. Выше этого изображенія—два выступа и на площадкѣ, утвержденной на нихъ—гигантская фигура князя Владиміра съ крестомъ въ рукахъ. Крестъ усѣянъ множествомъ электрическихъ лампочекъ. Со стороны обращенной къ городу на памятникѣ написано: „Сооруженъ въ 1853 году“.

Мѣсто для съемки оказалось крайне неудобнымъ. Сначала мы не рѣшались проникнуть за ограду и сѣсть на ступени, потомъ, когда на это было получено разрѣшеніе полицейскаго, двѣ барышни все время вертѣлись передъ группой, не замѣчая аппарата и не подозрѣвая, что мѣшаютъ фотографу. Снимокъ, однакоже, сдѣлали.

Отъ памятника Владиміру дѣлаемъ еще подъемъ въ полгоры, и входимъ на самое священное мѣсто Кіева, гдѣ, по преданію, Святый Андрей впервые водрузилъ крестъ и предрекъ основаніе города.

„На мѣстѣ семъ святый Андрей Апостолъ
Сказалъ ученикамъ:
Взгляните на горы.
На сихъ горахъ
Созиждется великій градъ
И благодать Господня возсіяетъ“... *)

Въ настоящемъ своемъ видѣ храмъ св. Андрея Первозваннаго построенъ въ концѣ прошлаго столѣтія и носитъ на себѣ полный отпечатокъ того времени. Храмъ узкій и недлинный, но очень высокій; какъ главный, такъ и другіе купола увѣнчаны блестящими на солнцѣ аллюминіевыми кровлями. Внутри—всюду рѣзьба, на иконостасѣ—по красному фону, на стѣнахъ—по

*) Текстъ оперы „Рогнѣда“.

окнамъ и карнизамъ—по бѣлому. Съ лѣваго клироса, на возвышеніи большемъ, чѣмъ человѣческій ростъ, утверждена почти на воздухѣ каѳедра для проповѣди. Пишущій эти строки взбирался на это возвышеніе и видѣлъ все неудобство проповѣдывать съ подобной каѳедры. Ораторъ долженъ перегнуться черезъ барьеръ, почти до пояса, а слушатели загнуть голову кверху. Быть можетъ удобна такая каѳедра въ акустическомъ отношеніи, но это мы не могли провѣрить, не нарушая благовѣйнаго отношенія къ святынѣ. За каѳедрой—изображеніе Духа Святаго и надпись: „Бысть шумъ якоже носиму дыханію бурну“. Очень хорошъ алтарь. Всюду ковры и убранство: престолъ металлическій, подъ балдахиномъ, покоящимся на изящныхъ золоченыхъ столбахъ.

Отъ старины ничего не осталось въ этомъ храмѣ, кромѣ креста, въ которомъ, судя по надписи, „находится часть животворящаго древа Креста Господня“. Крестъ „сложенъ изъ трехъ кусковъ сосновыхъ, найденныхъ въ пшеницѣ хлѣбной ямы углубленной на три сажени при раскрытіи мѣста фундамента каменной Крестo-Воздвиженской церкви XIII вѣка въ старомъ Кіевѣ, на горѣ гдѣ водрузилъ крестъ св. Апостолъ Андрей Первозванный“. Крестъ этотъ хранится на правомъ клиросѣ предъ громаднымъ, художественной работы, изображеніемъ св. Андрея.

По выходѣ изъ храма столпились на площадкѣ, утвержденной высоко надъ Подоломъ. Чудный видъ открывается отсюда на весь нижній городъ. Вечеръ немного пасмурный; синія облака ходятъ вдали; горы кажутся бурыми.

На пути изъ Андреевскаго собора посѣтили Михайловскій златоверхій монастырь и Десятинную церковь. Въ первомъ совершили поклоненіе предъ св. ракою великомученицы Варвары. Нѣкоторые купили на память образки и крестики. Нынѣшняя десятинная церковь ни въ архитектурѣ, ни въ украшеніяхъ не сохранила слѣдовъ старины. Отъ временъ князя Владиміра сохранились здѣсь въ шкафѣ немногіе лишь остатки утвари, колокола, орнаменты, плиты и какіе то рисунки, да около праваго клироса гробница съ пространною надписью слѣдующаго содержанія: „Здѣсь подъ спудомъ въ каменной гробницѣ почиваютъ

мощи св. равно-апостольнаго Великаго князя всея Россіи Владиміра перваго Святославича нареченнаго во св. крещеніи вѣры Васпліемъ въ 988 году по Р. Хр. и преставившагося въ 1015 году, а гробъ его открытъ былъ Преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ Петромъ Могилою въ 1636 году и изъ онаго взяты были части мощей св. Владиміра, то есть глава хранимая въ соборной церкви Кіево-Печерской Лавры, нижняя челюсть, находящаяся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и часть десной руки, хранящаяся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ".

Пора намъ кончать обзоръ святыни. На сегодняшній день достаточно обогатились впечатлѣніями, да и пора отдохнуть. Завтра праздникъ, а до всенощной осталось менѣе часа. Всенощную слушаемъ въ старинномъ соборѣ Св. Софіи. Отъ десятинной церкви до Св. Софіи разстояніе десять минутъ, но дождь и грязь значительно его удлиняютъ. На соборной площади, лишь только перемежился дождикъ, нѣсколько минутъ посвящаемъ осмотру великолѣпнаго памятника Богдану Хмѣльницкому. Это—зеленая гора, обнесенная рѣшеткой, украшенная кустарниками и четырьмя фонарями. Богданъ изображенъ въ воинственной позѣ, на конѣ во всемъ скаку; въ лѣвой рукѣ сабля, въ правой булава. Со стороны Десятинной церкви, на скалѣ, на которой утвержденъ памятникъ, выглядываетъ изъ за зелени вьющихся растеній хронологическая дата: 1654—1888. Со стороны Софійскаго собора написано: „Волимъ подъ царя восточнаго православнаго", и со стороны Крещатика: „Богдану Хмѣльницкому единая недѣлимая Россія".

Уставшіе отъ безпрерывнаго пути, на этотъ разъ видимъ только памятникъ, и „не возносимся къ первообразу", не соединяемъ съ нимъ историческихъ воспоминаній...

Ударили ко всенощной. Серебряный звонъ старинаго колокола далеко разносится по старому Кіеву. Наконецъ мы у тихой пристани, въ Софійскомъ соборѣ. Молитвенное настроеніе прогоняетъ усталость и волнуетъ душу, сообщая ей бодрость и энергію. Хоръ прекрасный, немного развѣ уступаетъ Московскимъ, напѣвы оригинальные, старинные. Вспомнился на этотъ разъ чей-то совѣтъ, кажется одного изъ студентовъ, поспѣть ко всенощной раньше на-

чала, чтобы прослушать „Благослови душе моя Господа“, „софійскаго распѣва“. Слушали и пришли къ убѣжденію, что дѣйствительно, стоитъ послушать...

Св. Софія, или, по нынѣшнему, Софійскій каѳедральный соборъ, построенъ вел. княземъ Ярославомъ, и такимъ образомъ существуетъ уже восемь съ половиной столѣтій. Это одинъ изъ весьма немногочисленныхъ храмовъ, быть можетъ даже единственный, который, не смотря на всѣ невзгоды пронесшихся надъ нимъ столѣтій, сохранился до нашихъ дней въ своемъ первоначальномъ видѣ, съ весьма незначительными лишь и несущественными пристройками и измѣненіями. По внѣшнему виду своему онъ обращаетъ особенное вниманіе зрителя — снаружи множествомъ крышъ, расположенныхъ одна надъ другою и примыкающихъ къ главному храму, а изнутри—множествомъ переходовъ, среди которыхъ не отличишь главный храмъ отъ его придѣловъ. По крайней мѣрѣ мы, придя въ первый разъ на паперть, совершенно не знали, куда намъ идти дальше и принуждены были спрашивать мимо проходящихъ богомольцевъ, гдѣ здѣсь служатъ всенощную? Въ немепьшемъ затрудненіи, нѣсколько минутъ спустя, были и тѣ изъ насъ, которые, видя своихъ товарищей на хорахъ, желали пройти къ нимъ и все время сбивались, не умѣя найти лѣстницу, которая ведетъ кверху.

Главная святыня Св. Софіи и всего Кіева „Нерушимая Стѣна“, запрестольный образъ Богоматери, мозаичный, сохранившійся неприкосновеннымъ отъ временъ Ярослава. „Стоитъ она, — пишетъ описатель собора, — на золотистомъ камнѣ, какъ несокрушимая крѣпость нашего православія, нашихъ церквей, нашего отечества и каждаго, кто съ вѣрой и твердой надеждой притекаетъ подъ ея всемощную защиту. Хитонъ ея небеснаго цвѣта; на червленномъ поясѣ ея виситъ бѣлый серебристый лентіонъ, которымъ она отираетъ слезы скорбящихъ и обремененныхъ бѣдами многими. Золотое покрывало, спускающееся съ ея главы и перевѣшенное въ видѣ омофора на лѣвое плечо, служитъ символомъ ея Покрова. Сіяющая крестовидная звѣзда на челѣ и звѣзды на раменахъ знаменуютъ, что Пречистая Ма-

терь Незаходимаго Солнца и Сама содѣлалась звѣздою таинственнаго дня нашего искупленія. Вокругъ главы ея вѣнецъ изъ двухъ круговъ, внутренняго—багрянаго и внѣшняго—бѣлаго. На рукахъ Ея поручи лазуревaго цвѣта, съ крестами по срединѣ. Обувь Ея багрянаго цвѣта, какъ знаменіе, что Взбранная Воевода пречистыми стопами своими касалась полей, орошенныхъ, при ея содѣйствіи, кровію враговъ православной русской земли. По обѣимъ сторонамъ Богоматери надпись Мр. Θоυ. Вокругъ всего золотого мозаическаго фона, на которомъ изображенъ ликъ Ея, идетъ бордюръ, составленный въ видѣ цѣпи изъ овальныхъ колецъ, съ цвѣтами и крестами въ срединѣ ихъ, а выше положена дугообразная золотая полоса съ черными равноконечными крестами по концамъ и греческою надписью: „Богъ посреди Ея и не подвижется, поможетъ Ей Богъ день и день“. *) Громадная лампада, какъ будто висящая въ воздухѣ, освѣщаетъ въ вечернемъ полумракѣ ликъ Богоматери.

Въ лѣвомъ придѣлѣ, украшенномъ старинными, сохранившимися въ первобытномъ своемъ видѣ, фресками, похороненъ строитель собора вел. князь Ярославъ. Гробница мраморная, болѣе сажени въ длину и два аршина въ ширину. На ней выбиты, на лицевой сторонѣ два четверокопечные креста, звѣзды въ кругѣ, украшенныя пальмами, деревья, птицы и рыбы. На стѣнѣ, надъ гробомъ написано „сказаніе о преставленіи св. Благовѣрнаго великаго князя Кіевскаго Ярослава, единовластца русской земли“. „Въ лѣто 6562 (1054) преставися князь Русскій Ярославъ и еще живу сущу ему, паряди сыны своя, реки имъ: се азъ отхожу свѣта сего, а вы сынове мои имѣйте межи собою любовь; да аще будете въ любви межи собою и Богъ будетъ въ васъ, и покоритъ противныя подъ вы, и будете мирно живуще, аще ли же будете ненавистно живуще, въ распряхъ которающеся, то и сами погибнете, и землю отецъ своихъ и дѣдъ погубите, иже налѣзоша трудомъ великимъ. Ярославу же приспѣ конецъ житья, и предастъ душу свою мѣсяца февраля въ 20, въ субботу первой недѣли поста въ св.

*) *Протоіерей Орловскій.* „Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій каѳедральный соборъ“, стр. 28—29.

Θеодора день и плакашася по немъ людье, и принесше положиша и въ рацѣ мраморяне, въ церкви св. Софья, и плакася по немъ Всеволодъ и людье вси. Житъ же всѣхъ лѣтъ Ярославъ 70 и 6".

Въ этомъ же храмѣ находится усыпальница первыхъ митрополитовъ Кіевскихъ, бывшихъ до татарскаго погрома (Осогноста; Иларіона, Ефрема), но отъ ихъ могилъ не осталось и слѣда.

Клирикъ, сопровождавшій насъ во время осмотра собора, обратилъ наше вниманіе еще на чудотворную икону Николая Чудотворца, помѣщающуюся въ лѣвомъ придѣлѣ на хорахъ и извѣстную въ просторѣчіи подъ именемъ „Николы Мокраго". Изображеніе древнее, еще временъ князя Владиміра. Старинное преданіе 1092 года соединяетъ съ этой иконой слѣдующій разсказъ: „Въ 1092 г. одна мать, плывя по Днѣпру изъ Вышгорода въ Кіевъ и вздремнувъ, уронила въ воду бывшаго у нея на рукахъ младенца. Младенецъ быстро скрылся въ волнахъ рѣки къ неутѣшной горести родителей. Утромъ слѣдующаго дня пономарь св. Софіи, отперши церковь, услышалъ дѣтскій плачъ на хорахъ и, взойдя туда, къ великому своему и всѣхъ удивленію, увидѣлъ передъ образомъ св. Николая лежащаго ребенка. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по Кіеву и привлекла въ церковь св. Софіи, вмѣстѣ съ прочими, родителей, съ неописанной радостію узнавшихъ въ семъ младенцѣ свое дитя, поглощенное волнами Днѣпра и спасенное по усердной всенощной ихъ молитвѣ къ Святителю Николаю". *)

Послѣ всенощной, уже поздимъ вечеромъ, возвращались въ Лавру, усталые до такой степени, что авторъ этихъ строкъ, на обратномъ пути, въ почтамтѣ, гдѣ отправлялъ свою корреспонденцію, забылъ нѣсколько вещей и въ томъ числѣ зонтъ, принадлежавшій о. духовнику. Вечеръ тихій и темный. Когда подходили къ стѣнамъ монастыря, въ Лаврѣ звонили послѣ конца всенощной. Ни въ Москвѣ, ни у Троицы мы не слыхали такого звона. Это — нѣчто неподдающееся описанію, цѣлый хоръ или оркестръ, гдѣ басъ держитъ общій тонъ, гудя спокойно и величественно, а остальные

*) Ibidem, стр. 39.

голоса каждый исполняютъ свои роли. Звукъ большихъ колоколовъ напоминаетъ звукъ пушки, разность только въ томъ, что они гудятъ непрерывно. Особенно хорошъ главный колоколъ,— мелодія торжественная и будто даже немного печальная.

Возвратились въ Лавру голодные и усталые и ни на что не были уже болѣе способны, какъ только ужинать да спать.

На слѣдующій день, *18 іюня*, утромъ проспали почти до самой поздней обѣдни, и въ просонкахъ лишь слышали, какъ заунывно пѣлъ предъ ранней литургіей большой лаврскій колоколъ. Первымъ дѣломъ нашимъ въ этотъ день было поклоненіе главной святынѣ Кіевопечерскаго монастыря, чудотворной иконѣ Успенія Божіей Матери. Икона эта, по случаю ремонта Великой церкви, помѣщается въ трапезной церкви надъ царскими вратами и спускается оттуда на шнурахъ для поклоненія богомольцамъ. Образъ не очень большихъ размѣровъ, въ массивной золотой ризѣ, всюду усыпанной брилліантами. Внизу подвѣшены ленточки, благочестивый даръ усердныхъ паломниковъ. Обычай класть на образъ какую нибудь изъ вещей — здѣсь очень распространенъ между богомольцами. Мы ждали минутъ десять своей очереди поклониться святынѣ, и за продолженіе этого очень незначительнаго времени видѣли, какъ монахи, стоящіе по обѣ стороны иконы, неоднократно перекидывали черезъ нее приношенія: ткани, полотенца, ленты. Богомольцевъ безконечное множество. До начала поздней литургіи осталось около часа и мы, чтобы не терять даромъ времени въ ожиданіи службы, отправились поклониться угодникамъ, почивающимъ въ дальнихъ пещерахъ. Идемъ чрезъ знаменитую галлерею съ маленькими колоннами, изъ за которыхъ видѣнъ тѣнистый, густо заросшій лаврскій садъ. Галлерея покатая, съ множествомъ ступеней. Пройдя этотъ лабиринтъ, поднимаемся на небольшую гору, гдѣ находится церковь дальнихъ пещеръ, надъ Днѣпромъ, съ прекраснымъ видомъ на рѣку, окаймленную зеленью, и зарѣчье. Вѣковыя деревья стелются по горѣ, по утесамъ лѣпятся дома съ зелеными крышами. Прямо предъ глазами—рѣшетки импровизированнаго садика и дворъ устланный кирпичами. Послѣ осмотра церкви, встрѣтили землячекъ: какая то пожилая

дама и барышня подошли къ ректору за благословеніемъ и обмѣнялись взаимными привѣтствіями. Всѣ вмѣстѣ вошли затѣмъ въ преддверіе пещеръ, зажгли свѣтильники и спустились въ землю на двадцать двѣ ступени (саженъ на восемь подъ поверхностью земли). Сырость здѣсь чрезвычайная; „стѣны плачутъ“ холодными слезами, воздухъ удушливый. Пещерный корридоръ идетъ поворотами, мѣстами спускается внизъ, мѣстами поднимается выше. Устройство пещеръ совершенно такое же, какъ и ближнихъ. Присоединившись къ толпѣ, въ которой особенно замѣтенъ былъ сѣдой, благоговѣйный священникъ съ громадной свѣчей въ рукахъ,—идемъ въ сопровожденіи монаха отъ гробницы къ гробницѣ. Толпа разнообразная: юноши, старцы, бабы, дамы, солдаты, мужики и старухи. Гдѣ то вдали слышится плачъ малютки. Мать уговариваетъ его не плакать. Монахъ съ нѣкоторой раздѣльной поспѣшностью, называетъ имена святыхъ: „Преподобный“... Минуту спустя опять: „Преподобный“... имени не слышно. Вдали одиноко свѣтитъ лампада въ кельѣ затворника. Еще такая же лампада другая, третья; иконы надъ ними. На небольшомъ возвышеніи, образуемомъ пещернымъ корридоромъ, смотримъ внизъ, какъ идетъ среди этой темной дневной почи православный народъ со свѣчами. Всѣ благоговѣйно крестятся, шествуя въ торжественномъ, смиренномъ молчаніи. Входимъ въ пещерную церковь, ископанную и устроенную руками препод. Антонія и братіи, жившей съ нимъ въ затворѣ. Это первая лаврская церковь. Она нѣсколько болѣе просторна чѣмъ въ ближнихъ пещерахъ,—въ алтарѣ можетъ умѣститься десятокъ человѣкъ. Обстановка убогая, хотя все такъ уютно и привѣтливо. Утварь бѣдная, но блеститъ чистотою; на полу ковры. Въ передней нишѣ алтаря — мѣсто престола, по старинному обычаю первыхъ вѣковъ христіанства; да и все, что мы здѣсь видимъ, живо напоминаетъ разсказы о первыхъ христіанахъ. Надъ горнимъ мѣстомъ изображеніе св. Троицы, на престолѣ Крестъ, Евангеліе, по стѣнамъ священныя одежды, на жертвенникѣ старинный свѣтильникъ, столикъ для служебника, табуретка, книги богослужебныя,—вся скромная обстановка церкви первыхъ здѣшнихъ св. подвижниковъ. Какъ хорошо, какъ чудно хорошо

сердцу православнаго человѣка въ этомъ святомъ, сокровенномъ мѣстѣ! Забываюсь на минуту и вспоминаю другое время, другихъ людей. Деревенская бѣдная церковка, раннее дѣтство, когда мы бывало, еще „сущей тьмѣ“ приходили съ отцемъ въ алтарь и зажигали первую свѣчку. Въ такомъ же какъ теперь полумракѣ, помню, вспыхнетъ огонь, тускло освѣтитъ темные своды храма, блеснетъ на стеклахъ оконъ и перейдя на свѣтильню, начинаетъ горѣть ровнымъ свѣтомъ. Дьячекъ старый вскорѣ придетъ на клиросъ, въ потемкахъ разыщетъ часословъ и минею, потомъ пойдетъ въ алтарь съ маленькимъ огаркомъ въ рукахъ зажигать огонь... Монахъ прерываетъ мечты объясненіемъ, что въ этихъ пещерахъ не всѣ могутъ жить, а только тѣ, кто приготовился раньше, кто выдержалъ сорокадневный постъ.

Изъ алтаря пещерной церкви, нѣсколько въ гору, ходъ къ пещерѣ Св. Діонисія, сказавшаго привѣтствіе почившей братіи. Мощи святаго почиваютъ въ затворѣ, на лѣвой сторонѣ коридора. Надъ кельей св. отшельника надпись: „Преподобный Діонисій Затворникъ. Октоврія 3“; въ углубленіи меньшемъ аршина горитъ лампада, зеленая, въ серебряной оправѣ, за нею — чорное совсѣмъ, закоптѣвшее стекло кельи подвижника, не болѣе 3-хъ четвертей въ длину и двухъ въ ширину. Низкій, до самой земли, поклонъ этому человѣку необычайнаго святаго вдохновенія. При спѣшности обзора останавливаемся еще надъ гробницей преподобнаго Ософила, послѣдняго епископа вольнаго Новгорода. Предшественникъ его по каѳедрѣ святитель Нифонтъ, почивающій въ ближнихъ пещерахъ, явился ему во время болѣзни и приказалъ идти на поклоненіе преподобнымъ Печерскимъ. Ософилъ послушалъ повелѣнія святаго и отправился въ Кіевъ, но на дорогѣ умеръ, получивъ въ предсмертный часъ откровеніе, что тѣло его будетъ похоронено въ пещерахъ Кіевскихъ.

Спѣшимъ за обѣдню, которую будетъ совершать маститый ученый—догматистъ, докторъ богословія и бывшій ректоръ Академіи, Сильвестръ, епископъ Каневскій. На пути отъ пещеръ цѣлые сотни нищихъ сопровождаютъ насъ своими завываніями. У каждаго изъ нихъ свой текстъ «просительный» и своя манера

произносить его парасѣвъ, свои ноты. Очень жалѣли мы, что краткость времени не позволяла записать всю эту своеобразную литературу. Среди нищихъ, какъ древле при овчей купели, множество одержимыхъ разными недугами: слѣпые, хромые, калѣки безъ ногъ, ползающіе по землѣ; всѣ почти держатъ въ рукахъ деревянныя чашки, протянутыя предъ мимо проходящими. Можно бы составить цѣлую клинику изъ этихъ недужныхъ. Сколько несчастій, сколько горя написано на ихъ лицахъ... горя, которое кричитъ предъ всѣми о помощи. И вмѣстѣ съ тѣмъ сколько здѣсь, вблизи, горя молчаливаго, выплакиваемаго въ слезахъ, втихомолку, предъ гробницами св. угодниковъ. Его не прочитать малоискусному въ психологіи человѣку на лицахъ паломниковъ, приходящихъ къ пещерамъ... Кто знаетъ, которое горе больнѣе, но когда посмотришь на нищую братію, особенно если она не замѣчаетъ, что вы наблюдаете за нею, невольно приходятъ на мысль слова поэта:

Но ищи ты несчастнаго брата
У дверей многолюдныхъ церквей.
Этимъ нищимъ, просящимъ у храма
Всѣ помогутъ,—степенный купецъ,
И слезливая, первая дама,
И успѣвшій нажиться дѣлецъ.

Но поможете-ли вы, благосклонный читатель мой, тѣмъ, чье горе не выражается ни въ словахъ, ни въ просьбахъ, чье горе не прочитаешь во взорѣ вашего собесѣдника, часто весельмъ, маскирующемъ кручину сердца, поможете ли вы *имъ* своимъ самоотверженнымъ сочувствіемъ?...

За обѣдню пришли нѣсколько раньше начала. Оставалось достаточно времени для того, чтобы осмотрѣть замѣчательную недавно устроенную трапезную церковь. Церковь довольно обширная, куполъ—копія знаменитой Константинопольской Софіи—точно виситъ въ воздухѣ. Цѣлыхъ тридцать, если не больше, громадныхъ оконъ въ косвенномъ направленіи (для уменьшенія давленія), льютъ обильный свѣтъ на молящихся. Ровно въ девять часовъ архимандриты и іеромонахи монастыря, вмѣстѣ съ намѣстникомъ, вышли на средину церкви встрѣчать епископа. Въ ихъ рядахъ былъ и ни-

спекторъ Кіевской Академіи, извѣстный Самарѣ щедрымъ пожертвованіемъ на голодающихъ въ послѣдній неурожайный годъ. Его Высокопреподобіе подозвалъ къ себѣ одного изъ нашихъ учениковъ и, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ относительно осмотра нами Академіи, просилъ передать поклонъ Ректору и чрезъ него Преосвященному Самарскому. Владыка прибылъ четверть часа спустя послѣ начала звона, увѣшанный орденами, среди которыхъ особенное вниманіе наше обратилъ синій докторскій крестикъ. Громадный лаврскій хоръ тихо и проникновенно началъ входное „Достойно"... Владыка—божественный, молится съ одушевленіемъ необычайнымъ. Особенно хорошо онъ читалъ „Слава въ вышнихъ Богу" предъ началомъ литургіи. Думаю, что даже грубые послы Кіевскіе, пришедшіе искать новую вѣру, (если бы они встали изъ могилы), и тѣ въ эту минуту проронили бы не одну слезу и вновь доложили князю, что забыли они, гдѣ стоятъ, на небѣ или на землѣ... Послѣ конца литургіи вышли изъ церкви продолжать осмотръ Кіева. На этотъ разъ нашъ путь лежалъ къ Владимірскому собору. Напились наскоро чаю въ лаврской гостинницѣ, сѣли въ конку и послѣ трехъ, должно быть, пересадокъ, пріѣхали къ какому-то бульвару, прошли затѣмъ отсюда пѣшкомъ до собора и засѣли въ немъ по меньшей мѣрѣ часа на три.

Первое впечатлѣніе въ этомъ храмѣ, положительно чарующее, производитъ на зрителя запрестольный образъ Божіей Матери, нарисованный Васнецовымъ. Ни устный разсказъ, ни живая кисть художника, ни тѣмъ болѣе мертвое письменное слово не въ состояніи передать другому это рѣдкостное впечатлѣніе. Еще только взглянувъ на образъ издали, еще не понимая глубокой, заложенной въ немъ идеи и символическаго его значенія, вы чувствуете, что не можете отъ него оторваться, вы смотрите на него глазами полными умиленія и самаго сильнаго поэтическаго восторга. Звуки любимаго мотива, интересный разсказъ, задушевное декламатическое чтеніе знаменитымъ авторомъ самаго лучшаго своего произведенія не овладѣваетъ въ такой сильной степени всѣмъ вашимъ существомъ, какъ это простое, почти безыскуственное изображеніе. Божія Матерь представлена идущею по облакамъ, освѣ-

щенною розовымъ свѣтомъ утренней зари. Риза ея будто развѣвается отъ движенія или дуновенія вѣтра. Обѣими руками прижавши къ груди своей, она держитъ Предвѣчнаго Младенца, простершаго благословляющія руки надъ міромъ. Правая рука младенца поднята кверху, лѣвая опущена. Взоръ Богоматери устремленъ немного въ сторону, Спаситель смотритъ прямо впередъ широко раскрытыми глазами. По сторонамъ главнаго изображенія – небесныя силы изображены поющими священный гимнъ. Фонъ золотой, византійскаго стиля; свѣтъ, падающій съ вершины купола, измѣняетъ его: по мѣстамъ дѣлаетъ то совершенно яркимъ, то темнымъ. Вотъ и все, съ внѣшней стороны незамысловатое содержаніе картины. Но первое сильное впечатлѣніе, ею произведенное, усиливается еще больше по мѣрѣ того, какъ вы ближе вематриваетесь въ самое изображеніе. Какъ будто оно оживаетъ предъ вами: Богоматерь отдѣляется отъ купола, на которомъ она стоитъ, и спускается внизъ, съ облаковъ, къ скорбящимъ людямъ, неся съ собою на помощь имъ самое дорогое, что Она имѣетъ—Своего Возлюбленнаго Сына. Божественный Младенецъ, отъ вѣка знающій о предстоящихъ Ему страданіяхъ и жертвѣ крестной, не опечаливается взоромъ при этой мысли; Онъ ниспосылаетъ благословеніе грѣшному міру, погрязшему въ порокѣ, и въ небесныхъ очахъ Его свѣтится готовность принести жертву за грѣхи людей, *счастье страданій.* Высока, безгранична жертва Матери, отдающей на страданія любимое Дитя; еще выше, еще неизмѣримѣе жертва Сына Ея, *до страстей безстрастно преклонышагося...*

Чувствуешь невольно, что не все понятно въ этомъ могучемъ замыслѣ художественнаго генія, въ этомъ смѣломъ, непередаваемомъ словами, взмахѣ его кисти, но главная мысль, при внимательномъ разсмотрѣніи картины, все же ясна, какъ быть можетъ, ни въ какомъ богословскомъ трактатѣ. И эта мысль есть основная идея всего христіанства: любовь не только къ ближнимъ, но и къ дальнимъ, далекимъ отъ насъ, какъ отъ земли небо,—любовь ко всему міру до самоотреченія, до пожертвованія самыми дорогими привязанностями, и даже до жертвы самимъ собою. Мало этого—до жертвы восторженной, проникновенной, наполняющей ве-

селіемъ человѣческое сердце. Мысль даже генія не въ силахъ передать словами или красками величіе Божественнаго подвига, но она можетъ приближаться къ уразумѣнію высшей Божественной тайны также точно, какъ святой человѣкъ житіемъ своимъ приближается къ Богу. И если тамъ возвышеніе всего человѣческаго существа до постиженія внѣмірнаго бытія мы называемъ подвигомъ жизни, то глубокое проникновеніе здѣсь въ область психологіи Божественной, на основаніи аналогій и сопоставленій съ психологіей человѣческой, мы вправѣ назвать *подвигомъ мысли*, отъ которой также быть можетъ недалеко до святости и Богоуподобленія. Особенно цѣнны эти черты въ наше время, при оскудѣніи вѣры и благодатныхъ настроеній; особенно сильное впечатлѣніе производитъ эта картина въ концѣ XIX вѣка, когда *труждающихся и обремененныхъ* вѣроятно больше, чѣмъ въ старую пору и когда всѣ приходящіе въ храмъ сей имѣютъ наивысшую потребность въ томъ, чтобы духъ Божественной любви сошелъ къ нимъ, хотя бы съ облаковъ, хотя бы съ небесной высоты, и сказалъ бы людямъ, что они всѣ—братья и дѣти одного Отца Небеснаго.

Продолженіемъ этой картины, отъ которой мы не могли оторвать взора въ теченіи двухъ часовъ, могутъ служить два изображенія въ куполѣ: „Скорбящій Отецъ“ и „Распятіе“. Надъ первою изъ нихъ надпись славянскими буквами: „тако возлюби Богъ міръ, яко и сына своего единороднаго далъ есть“. Это—еще болѣе глубокое, болѣе проникновенное выраженіе идеи единенія между Небеснымъ Отцомъ и Его дѣтьми, между Богомъ и твореніемъ Его. Ничто не нарушаетъ это единеніе: ни отдаленность мѣста, ни величіе Творца, ни иная какая нибудь видимая земными очами преграда. Богъ Отецъ, въ величіи своемъ, во образѣ старца, убѣленнаго сѣдинами, изображенъ въ центрѣ картины съ распростертыми руками и печатью на лицѣ глубокой думы, какъ бы похожей на раскаяніе. По сторонамъ Его—ангелы, отдѣленные далекимъ пространствомъ, которое наполняютъ свѣтила небесныя. Два ангела, напоминающіе дѣтей своими лицами, приникнувъ къ Отцу, скрылись за Его плечами: одинъ даже лицо свое закрылъ въ

складкахъ Его небеснаго хитона, какъ бы въ чувствѣ страха и ужаса, другой, съ блестящими глазами, близко наклонился къ Нему головою съ такимъ выраженіемъ, которое можно бы было приблизительно такъ передать на человѣческомъ языкѣ: „Ты самый дорогой, милый, единственный, Тебя мы больше всѣхъ любимъ“. Такъ малое дитя увѣряетъ дѣда въ своей привязанности... Если можно на языкѣ человѣческомъ передать чувство любви, то высшее воплощеніе ея въ художественныхъ формахъ и всестороннее отраженіе ея въ видѣ безкорыстной, постоянной, ничѣмъ неизмѣняемой привязанности отца къ дѣтямъ—именно здѣсь, въ этой картинѣ. Черноокій ангелъ—дитя, крѣпко прижавшійся къ плечу дѣда, ангелъ, почти успувшій за плечами его—развѣ не человѣческая все это обстановка, развѣ это не образъ хорошей, здоровой семьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ развѣ это не божественныя чувства, которыя даются людямъ какъ даръ свыше, за чистое сердце?

Средній ангелъ съ лѣвой стороны устремилъ на Отца безконечно-грустный взоръ, сострадая Ему всей душой. Онъ не можетъ выразить своей непостижимой печали; онъ слишкомъ далекъ отъ Главы міра... но его сердце переполнено скорбью, и тѣмъ она тяжелѣе, чѣмъ невыразимѣе. Такъ не передать бываетъ дорогому человѣку своихъ чувствъ за тысячеверстное пространство,— умными очами видишь вдали страдающаго брата, но не въ силахъ помочь ему, слишкомъ слабъ ты, и слишкомъ сильны могучія волны, и слишкомъ далеко міровое пространство... и слишкомъ мало нуждается въ твоей помощи любимый тобою человѣкъ. Два ангела, упавшіе къ ногамъ Отца и почти утонувшіе въ облакахъ, сознаютъ все ничтожество свое предъ величіемъ Отца Вселенной, но и это сознаніе не мѣшаетъ ихъ дерзновенному приближенію къ Нему, въ потребности преклоненія. Звѣзды, кровавая заря будто тоже участвуютъ въ этой общей міровой скорби, въ этомъ состраданіи Страждущему. На этой картинѣ собрано и передано все, что есть лучшаго въ сердцѣ человѣческомъ, воспроизведено все, чѣмъ можетъ человѣческій геній поклониться Богу отъ талантовъ, данныхъ ему для храненія. Все злое, все демоническое выброшено съ этой картины, какъ и изъ всего храма.

Обращаемъ, далѣе, взоръ къ третьей картинѣ. Ангелы, обнявшіе крестъ, припавшіе ко Христу въ чувствѣ невыразимой скорби, кровавое солнце, поблѣднѣвшій, почти потухшій серпъ луны и среди этой скорби природы — Сынъ Божій, страдающій за грѣхи міра. Лицо Его спокойное, и не только примиренное съ страданіями, но даже *счастливое* (если можно для невыразимаго Божественнаго чувства взять слабое человѣческое слово); здѣсь полное выраженіе евангельской идеи всепрощенія и счастья несенія креста даже до смерти. Низко преклоняемся мы предъ пониманіемъ художникомъ самой сущности Божественнаго подвига. Немало онъ подумалъ, не мало, навѣрно, выстрадалъ самъ, прежде чѣмъ написать на полотнѣ свои мысли.

Отъ этихъ дѣйствительно чарующихъ изображеній переходимъ къ другимъ, менѣе сильнымъ, хотя также преисполненнымъ глубокаго чувства. Въ куполѣ лѣваго придѣла изображенъ Спаситель, молящійся въ саду Геосиманскомъ, одинокій въ своей скорби. Вдали бѣлѣютъ стѣны Іерусалима; рядомъ—никого нѣтъ, все будто вымерло. Мѣсто пустынное, какая то скала да рѣдкія деревья Геосиманскаго сада. Ночь. Тьма глубокая, на небѣ звѣзды горятъ. Лицо Спасителя, наклоненное къ землѣ, страдальческое, съ выраженіемъ, переданнымъ въ словахъ евангелія: „прискорбна есть душа моя до смерти“.

Недалеко отъ этого изображенія, за лѣвымъ клиросомъ, лежитъ на аналоѣ икона Богоматери, окруженная цѣлымъ десяткомъ букетовъ роскошныхъ цвѣтовъ. Есть между ними наши ландыши и незабудки. Чья то заботливая рука, очевидно, хранитъ со вниманіемъ этотъ уютный уголокъ.

Далѣе разсматриваемъ знаменитую плащаницу, вышитую шелками. Искусство художницы такъ велико, что только при очень внимательномъ разсмотрѣніи вы видите, что рисунокъ вышитъ, а не нарисованъ красками.

Утомившись множествомъ сильныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, удѣляемъ нѣсколько минутъ для отдыха: покупаемъ снимки картинъ, хотя и знаемъ, что они едва въ состояніи даже напомнить впечатлѣніе оригинала. О. духовникъ пріобрѣтаетъ цѣ-

лый альбомъ, уплативъ за него баснословно дорогую сумму и проситъ всѣхъ, чтобы „не сказывали дома“. Затѣмъ зѣваемъ на другихъ посѣтителей. Каждый разсматриваетъ картины съ своей точки зрѣнія; одни оцѣниваютъ ихъ на деньги, другіе восхищаются красотою лицъ, третьи лѣниво переходятъ отъ одной картины къ другой съ скучающими лицами; барышни, взявшись за руки, танцуютъ па, то близко подходя къ картинѣ, то убѣгая отъ нея на нѣсколько шаговъ и безпрерывно повторяя одно и тоже выраженіе: „ахъ какъ хорошо“! „ахъ какъ хорошо“! Дальше этого замѣчанія не простирается ихъ художественный анализъ.

Поднимаемся кверху на семьдесятъ семь ступеней. Здѣсь впечатлѣніе уже слабѣе, да и немногіе рисунки обращаютъ вниманіе. Лучше другихъ—запрестольная икона Богоматери въ иконостасѣ лѣваго придѣла на хорахъ, но и то не по глубинѣ мысли, а по красотѣ рисунка и изяществу исполненія. Въ правомъ нефѣ обращаютъ вниманіе икона Преображенія и Рождества Христова. Божественный Младенецъ—въ ясляхъ. Лучъ звѣзды падаетъ Ему на лицо. Рядомъ, вблизи вертепа, пастыри, вдали—фигура ангела и за деревьями—дома города. Разсматривая эти изображенія, вы чувствуете, что откуда-то цѣлая струя свѣта начинаетъ безпокоить вашъ взоръ. Оборачиваетесь и видите: въ окнѣ купола бѣлымъ огнемъ горитъ крестъ на главѣ одного изъ придѣловъ, разсѣивая всюду яркіе, рѣжущіе лучи. Снопъ свѣта падаетъ внизъ, по продольному направленію и, отражаясь яркими цвѣтами, освѣщаетъ весь куполъ. Дивное зрѣлище!

Большинство изъ насъ—не скажу разсмотрѣли, а заучили наизустъ всѣ картины, особенно тѣ, которыя не требовали долгаго и внимательнаго уразумѣнія. Множество впечатлѣній, думъ и чувствъ тѣснилось въ головѣ почти каждаго, часто не поддаваясь передачѣ въ словахъ. Можно сказать безошибочно, что Владимірскій соборъ былъ для насъ въ теченіе этихъ трехъ слишкомъ часовъ школой, гдѣ намъ прочитана была молчаливая лекція по богословію съ выясненіемъ основныхъ идей христіанскаго вѣроученія и нравоученія, и лекція гораздо болѣе понятная, чѣмъ

ходячія у насъ учебныя пособія, содержащія въ себѣ однѣ лишь теоретическія истины, безъ иллюстрацій фактами. Соборъ дополнилъ то, чего нѣтъ у насъ въ учебныхъ курсахъ: примѣненія къ жизни догматическихъ и нравственныхъ истинъ. У насъ тамъ все отвлеченно, строго научно, соотвѣтственно выработаннымъ заранѣе планамъ и программамъ, часто въ ущербъ личному чувству и непосредственному пониманію и освѣщенію современной жизни съ точки зрѣнія христіанскихъ идеаловъ. Здѣсь—все живо, хотя и слишкомъ кратко и хотя тоже все заставляетъ немало вдумываться, а не скользить умомъ по поверхности. Наиболѣе цѣнная черта этого собора для зрителя—въ томъ, что помогаетъ практически выяснить ту несомнѣнную истину, что не только наука, но и литература, и скульптура, и живопись, и конечно, музыка не многимъ можетъ быть менѣе содѣйствуютъ отысканію въ сердцѣ вѣянія Божественнаго духа, чѣмъ множество учебныхъ курсовъ, предполагающихъ въ читателѣ не только теоретическую, но и практическую подготовку. Наша школа—строго научная,—это фактъ неоспоримый. Но самая наука, особенно когда дѣтское сердце еще не отвыкло отъ картинъ и игрушекъ, трудно прививается и, воспринимаясь памятью, нелегко воспринимается всѣмъ существомъ ученика, становится скучной, конечно только потому, что она непосильна. Съ другой стороны—еще старинное, господствующее у насъ раздѣленіе „риторики, философіи и богословія“ съ десятками подраздѣленій наукъ и учебнаго матеріала, съ отдѣльнымъ на каждый почти предметъ учителемъ, мѣшаетъ *цѣлостности* знанія, заставляетъ отвыкать отъ мысли, что науки естественныя и искусства—особенно если они правильно поняты—суть неисчерпаемый матеріалъ для богословскаго мышленія, создающій религіозныя основы въ сердцѣ человѣческомъ гораздо скорѣе, чѣмъ непосредственное воспріятіе теоретически—только извѣстныхъ богословскихъ доктринъ. По выходѣ изъ этого собора хотѣлось бы сказать, что прекрасенъ *весь* Божій міръ, и не только хорошъ онъ въ кельѣ печерскаго монаха, уединившагося въ своемъ созерцаніи Божества и молитвѣ, но и въ кельѣ поэта, и на «лѣсахъ» художника и въ отдаленномъ кабинетѣ ком-

позитора, особенно вродѣ нашихъ незамѣнимыхъ Турчаниновыхъ и Бортнянскихъ; но и не только здѣсь, а и въ созерцаніи и изученіи внѣшней природы, потому что истинно направленное изученіе поведетъ скорѣе всѣхъ другихъ путей къ вѣрѣ. О, если бы наша школа съумѣла, совмѣстивъ эти всѣ основанія, *на нихъ* построить свой величественный храмъ для служенія Богу.

Послѣ осмотра собора всѣ разбрелись въ разсыпную: люди наиболѣе озабоченные завтрашней поѣздкой въ Черниговъ, пошли на Днѣпръ справляться о времени отправки пароходовъ и „льготныхъ условіяхъ“, другіе отправились въ Лавру, третьи — изучали зданія и памятники. Недалеко отъ пароходскихъ пристаней, почти на самомъ спускѣ горы стоитъ „памятникъ крещенія Руси“,— большая бѣлая колонна съ державой вверху и съ аркой внизу, гдѣ помѣщается уютная часовня и источникъ округленный по сторонамъ иконами Спасителя, Божіей Матери и Николая Чудотворца. Предъ каждой изъ нихъ горитъ неугасимая лампада. Развѣсистыя старинныя деревья окружаютъ памятникъ со всѣхъ сторонъ, красиво оттѣняя его бѣлизну на зеленомъ фонѣ цѣлымъ рядомъ пирамидальныхъ тополей, спускающихся внизъ, по направленію къ Днѣпру. Надъ памятникомъ съ Днѣпровской стороны безграмотно написано: „Въ лѣто второе царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра I-го Самодержца Всероссійскаго Кіевскій магистратъ съ обществомъ Золуча и государственномъ подъ собственноручнымъ Его Величества 1801 г. декабря 29 подписаніемъ грамоту отъ усердія своего соорудили сей памятникъ на крещатицкомъ источникѣ мѣстѣ крещенія Св. Благовѣрнаго князя Владиміра 989 г. въ воспоминаніе дарованныхъ сей“... (дальше слова стерты). Со стороны города надпись болѣе осмысленная: „Святому Владиміру просвѣтителю Россіи усердіемъ Кіевскаго гражданства за утвержденіе правъ древнія сея столицы Всероссійскимъ Императоромъ Александромъ I 1802 года сентября 15 дня“. Надъ входомъ въ часовню—старинныя потускнѣвшія иконы.

На обратномъ пути къ Лаврѣ по сторонамъ дороги видѣли сѣнокосъ: будто вновь въ деревню пріѣхали. Мѣста для покоса здѣсь очень красивыя: вблизи садовъ, по оврагамъ, лощинамъ,

курганамъ. Около самой Лавры встрѣчаемъ группу и въ ней нѣсколькихъ монаховъ, внимательно разсматривающихъ какую-то сценку. Подходимъ и спрашиваемъ:

— Что такое?

Юный зритель въ скуфьѣ и подрясникѣ отвѣчаетъ на оригинальномъ полу малорусскомъ нарѣчіи:

„Призы беруть, а мы только очима хлопаемъ".

Позднимъ вечеромъ ходили смотрѣть на городскую иллюминацію и освѣщенный электричествомъ крестъ на памятникѣ Св. Владиміру. Съ этой послѣдней цѣлью нѣкоторые переѣзжали на другую сторону Днѣпра. Зрѣлище дѣйствительно чарующее: крестъ виситъ въ воздухѣ и свѣтитъ ровнымъ свѣтомъ среди глубокой темноты ночи. На бульварахъ народу масса, весь Кіевъ, встрѣчаются даже лица духовнаго званія. Не было только о. духовника съ его неизмѣннымъ спутникомъ. Но и они пошли бы на Николаевскій мостъ, „крестъ смотрѣть", если бы не внушительное и таинственное предостереженіе инока, въ веселіи сердца разсказавшаго имъ печальную повѣсть о томъ, что весь Кіевъ переполненъ жуликами. Внявъ этому увѣщанію, пошли они къ великой Лаврской церкви и на дворѣ, усаженномъ цвѣтами, проговорили весь вечеръ, пока послушникъ не напомнилъ о позднемъ часѣ. Какъ хорошо здѣсь въ этомъ отношеніи: кто бы вы ни были, самый юный изъ монастырскихъ слугъ можетъ вамъ не стѣсняясь напомнить о монастырскомъ уставѣ. Возвратившіеся съ прогулки—въ номерѣ оживленно разсказывали, какъ моментально освѣтили садъ въ 9 часовъ, какъ одна группа встрѣтила жуликовъ съ ножами въ карманѣ и прочія нелѣпыя „бабьи басни".

19 іюня раннее утро. Возставъ отъ сна, собираемся въ пещерѣ св. Антонія и слушаемъ литургію и молебенъ. Двое любителей еще ранѣе насъ забрались сюда въ пещеры, и прежде чѣмъ собраться всѣмъ, побывали въ „Трапезѣ преподобныхъ отецъ Печерскихъ" и въ кельѣ св. Осодосія (въ дальнихъ пещерахъ) и разсказывали намъ, что видѣли, какъ двѣ женщины держатъ въ пещерѣ „ковчежецъ съ мощами младенца за Христа отъ Ирода убіеннаго", желая этимъ отвратить смерть отъ дѣтей своихъ.

Мощи преподобнаго почиваютъ подъ спудомъ. Обстановка его пещеры такая же скромная, какъ и всѣхъ остальныхъ. Прямо противъ входа большая, въ золоченой ризѣ за стекломъ икона преподобнаго Антонія съ большой синей лампадой, направо и налѣво по стѣнамъ и вверху ниши живописныя изображенія жизни преподобнаго и за рѣшеткой столбы, поддерживающіе своды пещеры. Подъ иконой, въ стѣнѣ серебряная гробница окруженная рѣшеткой. Внизу гробницы рельефное изображеніе съ надписью „Преставленіе преподобнаго отца нашего Антонія Печерскаго". Влѣво отъ вѣчнаго упокоенія святаго,—келья его съ каменнымъ ложемъ, на мѣстѣ котораго лежитъ въ горизонтальномъ положеніи большая икона; по сторонамъ также иконописныя изображенія изъ жизни преподобнаго Антонія, икона Богоматери и подвижниковъ Печерскихъ, а вверху изображенъ Господь Вседержитель. Большая лампада краснаго съ бѣлымъ стекла освѣщаетъ пещеру. На особой доскѣ влѣво отъ ложа напечатанъ тропарь и кондакъ Преподобному; на полу—маленькій коврикъ. Своды темные, закоптѣвшіе... Пещерная церковь преподобнаго—направо отъ его гробницы. Освѣщеніе слабое: нѣсколько лампадъ и двѣ-три свѣчи передъ мѣстными иконами. Тѣсно такъ, что едва хватаетъ мѣста встать въ рядъ всѣмъ нашимъ паломникамъ, и настолько низко, что самый высокій изъ насъ едва не достаетъ головой до свода. Иконостасъ маленькій, утвержденный прямо на земляномъ полу. По случаю темноты молимся съ зажженными свѣчами... Въ этотъ день память св. Апостола Іуды, но кромѣ тропаря святому ежедневно поется или читается здѣсь тропарь Успенія. Ни пѣніе здѣшнее, ни чтеніе нельзя было похвалить: маленькіе послушники и стоявшіе на клиросѣ постороннія лица спѣшили куда-то, сбивались даже тамъ, гдѣ все наизустъ должны знать; іеромонахъ, читавшій нашъ помянникъ, выдумывалъ имена несуществующія: вмѣсто Катерины, поминалъ какую-то Магдалину, которая ни у кого не была записана и мы очень жалѣли на этотъ разъ, что здѣсь непринято пѣть литургію безъ участія лаврскихъ пѣвчихъ. Молебенъ не произвелъ сильнаго впечатлѣнія, а дождикъ, который встрѣтилъ насъ по выходѣ изъ пещеры, еще болѣе увеличилъ чувство неудовлетворенности.

Имѣли намѣреніе еще поклониться мощамъ пр. Ѳеодосія, но лаврская великая церковь, по случаю ремонта была заперта, и благочестивое желаніе наше не осуществилось.

Въ нынѣшнемъ году оканчиваетъ здѣсь свои работы В. П. Верещагинъ, шесть лѣтъ трудившійся надъ украшеніемъ живописью великой церкви. По мѣстамъ работы уже подходили къ концу, но не такъ давно ударъ молніи сжегъ позолоту фоновъ почти на всемъ поясѣ, служащемъ основаніемъ для свода главнаго купола и повредилъ штукатурку, такъ что теперь снова придется поправлять испорченное. Въ настоящее время Верещагинъ кончаетъ свои изображенія „Печерской Божіей Матери съ предстоящими преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ“ и „Преподобныхъ двѣнадцать братьевъ, строителей великой Успенской церкви“. Кромѣ украшенія стѣнъ живописью, предстоитъ еще поставить новый иконостасъ, въ нижней части мраморный, въ верхней серебряный, въ византійскомъ стилѣ, соотвѣтственномъ характеру живописи, стоимостью въ двѣсти тысячъ рублей.

ДО ЧЕРНИГОВА И ОБРАТНО.

Ранній вечеръ. Послѣ продолжительной, начавшейся сразу же вслѣдъ за утреннимъ молебномъ прогулки по Крещатику и прилегающимъ къ нему пустыннымъ и люднымъ улицамъ, подъ дождикомъ, безъ зонтовъ и плащей, послѣ продолжительныхъ и настойчивыхъ „объясненій“ съ приказчиками различныхъ магазиновъ, мы наконецъ—на Днѣпровскомъ пароходѣ съ непривычнымъ, рѣжущемъ слухъ, названіемъ: „Владиміръ Крахтъ“. Пароходъ идетъ въ Черниговъ. Пріѣхали мы на пристань въ разное время: „отецъ“ благочинный“ прибылъ непосредственно изъ Лавры ранѣе другихъ; остальные нѣсколько позднѣе пришли прямо съ Крещатика.

Не будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что днѣпровскіе пароходы, устроенные исключительно съ цѣлями эксплуатаціи, приспособлены гораздо больше для безсловесныхъ животныхъ, чѣмъ для людей. Все здѣсь тѣсно, грязно и неуютно, нисколько не разсчитано на удобства пассажировъ. Да и пароходская команда, очевидно, не лучше обставлена: для капитана и лоцмановъ нѣтъ даже руб-

ки; сидятъ они у колеса вмѣстѣ съ пассажирами. Первый классъ ничѣмъ не отличается отъ второго, кромѣ красныхъ, обитыхъ какой-то дешовой матеріей, диванов, второй—называемый по туземному „ямой“—напоминаетъ собою третій, пожалуй даже еще грязнѣе. Оба помѣщаются въ трюмѣ,—первый въ посовой части парохода, второй въ кормовой. Палуба, съ боковъ уставленная лавочками во всю длину парохода, предоставлена третьему классу; въ его же преимущественное распоряженіе отдана и верхняя палуба, съ которой гоняютъ только тѣхъ, кто ужъ слишкомъ „откровенно“ одѣтъ, да кто напился до такой степени, что начинаетъ безобразничать. Свобода предоставлена всѣмъ полная: помѣщайся, гдѣ хочешь. Но народу такъ много, что не только лавочки, а и всѣ остальныя мѣста, гдѣ только можно сѣсть и протянуть ноги, заняты сплошь. Движеніе въ Черниговъ чрезвычайное. Мы занимаемъ своими вещами и покупками почти цѣлый „носъ“ и спѣшимъ пристроить себѣ нѣсколько столиковъ, чтобы сразу же, какъ только отойдетъ пароходъ, можно было „чаи гонять“. Почетное мѣсто на столикахъ занимаютъ газеты, менѣе почетное—ягоды и рѣдька. Гдѣ такую прелесть добыло наше юношество—сказать мудрено. Около нашихъ вещей какая то мамаша оставила хранить свой багажъ четырехлѣтнюю дѣвочку. Наши сразу же со всѣхъ сторонъ обступили маленькаго сторожа и черезъ минуту превратились всѣ въ нянекъ: достали игрушекъ, ягодъ, переложили поудобнѣе ея вещи, ее самую усадили на корзину и принялись болтать безъ умолку, наперерывъ одинъ передъ другимъ обращая вниманіе интересной пассажирки. Кончилось дракой: дѣвочка побила нашихъ большихъ людей. Потомъ помирились и вновь продолжали разговоръ. Вскорѣ пришла мамаша и немало удивилась, найдя около своей дочки семь нянекъ... Начались рекомендаціи, около дѣвочки собралась вся компанія. Мамаша вскорѣ опять ушла, а „будущіе педагоги“ стали учить малютку читать, потомъ преподавали уроки гимнастики: учили бросать зернышки отъ вишенъ... „въ Волгу“. Первый свистокъ... На пароходѣ появляются разные проходимцы, продающіе всякую мелочь: пояса, замки, перочинные ножики, вѣшалки... Торгуемся

и ничего не покупаемъ. Группа нашихъ на палубѣ расположилась чай пить. Мало по малу къ компаніи ихъ пристраиваются Полтавскіе и Подольскіе семинаристы, потомъ ихъ батюшки и родственники. Сводимъ знакомства, мѣняемся впечатлѣніями. Погода значительно прояснилась. Солнышко свѣтитъ. На небѣ ни облачка. Какъ скоро здѣсь совершаются эти климатическія перемѣны. Утро было совсѣмъ осеннее, а вечеръ лѣтній, ясный. На Днѣпръ— хоть и не смотри: лужа какая то. Сильнымъ преувеличеніемъ въ эту минуту кажется намъ описаніе Гоголя.

На нижней палубѣ собралась масса народу: пройти нельзя, не задѣвши кого нибудь за ноги. А между тѣмъ прибываютъ все новые и новые пассажиры. Какой то хохолъ глубокомысленно замѣчаетъ: „що чоловікъ прішовъ“... Ему со стороны говорятъ: „некуда“! Хохолъ ободряетъ его: „ничого: вінъ на хвістъ сяде“. Типы и сцены самые разнообразные. Пьяный мужикъ, едва держащійся на ногахъ, посылаетъ съ пристани своему другу—пріятелю благожеланіе съ наказомъ: „привези оттуда хошь крестъ“. Старуха старая, оборванная вся, жалуется: „всѣ бросили... хозяинъ бросилъ... сынокъ выросъ да бросилъ. Ни хатки, ни чого. Что жъ мнѣ дѣлать? Поплачь—поплачь, да въ холодной хатѣ... въ студеной... ни хатки, ни чого... Ахъ, Боже, Боже“... Тоже ѣдетъ въ Черниговъ. Дальше — мужикъ съ полбутылкой „казенки“ въ рукѣ утащилъ у чужой бабы стаканъ — водку пить. Баба бѣжитъ за нимъ, ругается, говоритъ что не дастъ чистый стаканъ этой поганью портить... Въ углу главная нянька наша — художникъ учитъ дѣвочку бросать листьями въ своихъ товарищей. Тѣ даютъ сдачи. Группа зрителей собралась кругомъ...

Одинъ за другимъ—послѣдніе свистки рѣжутъ ухо и вызываютъ неудовольствіе одного изъ нашихъ. „Никакой гармоніи!.. То ли дѣло на Волгѣ: заслушаешься“. Пароходъ шестами отталкивается. Пьяный мужикъ опоздалъ на пристани, рвется къ пароходу и кричитъ: „Постой! дайте канатки“! На него не обращаютъ вниманія.

Свѣжѣетъ. Вѣтерокъ поднимается. Кіевъ вдали вырисовывается во всей красѣ своей: спускъ около памятника св. Влади-

міру, Златоверхій Михайловскій монастырь, Андреевскій соборъ, Десятинная церковь. Лѣвѣе—желтый обрывъ Днѣпровской горы, крещатицкій памятникъ, еще лѣвѣе—Лавра съ высокой колокольней и золотыми главами. Все, какъ на картинкѣ. Выше Кіева Днѣпръ шире, почти съ Волгу въ среднемъ плесѣ. Тѣже ландшафты, что и тамъ и также, какъ и тамъ загромождено русло: плоты, дрова, барки, лодочки. Только все это грязное, лодки некрашеныя, старыя, погнившія и ни на одной изъ нихъ не увидишь такихъ щегольскихъ флаговъ или беззаботныхъ, краснощекихъ рабочихъ, какъ у насъ. Лица у всѣхъ исхудалыя, блѣдныя, точно всѣ больны лихорадкой.

На пароходѣ продаютъ житія Оеодосія Черниговскаго и лубочную литературу, разныя изданія Манухина и Леухина. На одномъ изъ нихъ мы прочитали надпись: „Смѣхъ“, на другомъ—„Москаль Чаровникъ“. Намъ не предлагаютъ покупать эти книги. Матросъ съ верхней палубы спускаетъ доску и сослѣпа тычетъ ею въ лицо сидящему на носу маленькому гимназисту, не умѣя сохранить равновѣсіе. Тотъ сначала не замѣчаетъ, потомъ слышитъ окрикъ: „Панычу“!.. и сразу же отскакиваетъ въ сторону. „Никому нельзя тутъ сидѣть“,—глубокомысленно говоритъ матросъ. Черезъ минуту проходитъ контроль. Повидимому такса настолько низкая (20 к. за 200 верстъ пути), что и въ голову никому не придетъ ѣхать безъ билета, однако находятся и здѣсь безбилетные пассажиры. Зато съ ними не церемонятся. Контролеръ спрашиваетъ: „билетъ“?

— Нема.

Не говоря ни слова „контроль“ засучиваетъ рукавъ, плюетъ на ладонь и бьетъ пассажира по физіономіи: разъ два, три! И спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ дальше, съ пріятнымъ выраженіемъ лица и даже съ улыбкой: „Ваши билеты, господа“!..

Днѣпръ становится шире, но не увлекайтесь, не садитесь на крайнюю лавочку любоваться ландшафтами: пароходъ валкій, живо пошатнется, и вы угодите въ воду раковъ ловить... Правый берегъ рѣки—песчаный, лѣвый зеленый, луговой. На всемъ

теченіи рѣки—отмели, острова и камни близко къ водѣ, предвѣстники Днѣпровскихъ пороговъ. Рѣзко выдѣляется на ровномъ берегу водомѣръ, красный столбъ со значками; далѣе костеръ, дымокъ курится. Еще дальше—крутая гора синѣетъ на горизонтѣ. Фарватеръ рѣки загроможденъ плотами. Въ сторонѣ отъ нихъ маленькій однодечный жидовскій пароходъ „Жлобинъ" тащитъ четыре барки, грязныя, изношенныя. Къ баркамъ прицѣплена лодка съ жалкой обстановкой бѣлорусской хаты: ни воли, ни свободы, не то что у насъ на Волгѣ!

Близко къ закату. Солнышко освѣщаетъ главы и куполы Кіевскихъ церквей и крыши домовъ. Весь старый городъ блеститъ на солнцѣ, переливаясь золотомъ. Влѣво бурѣетъ городской садъ. Далеко отъѣхали, а и теперь еще можно различить старинные храмы. Особенно хорошо горитъ на солнцѣ св. Софія. Съ лѣвой стороны рѣки на необозримое пространство разстилаются покосы; берегъ обрывистый, яръ; вѣроятно, здѣсь очень глубоко. Сейчасъ—Десна. Лѣвѣй по Днѣпру, на горѣ—село, направо отъ него мельница. Днѣпровскій берегъ врѣзывается въ Десну подъ прямымъ угломъ. На стрѣлкѣ—столбъ, водомѣръ, лѣвѣе—вехи, направо плоты. Въѣжаемъ въ Десну. Дальше путь нашъ въ лѣсъ и въ луга. Днѣпръ остается позади; заходящее солнце освѣщаетъ его зеркальную поверхность и одинокій челнъ рыбака. Десна узкая. Наши сравниваютъ ее съ Самаркой и увѣряютъ, что она глубже Самарки. Здѣсь другіе виды. Будка съ красной крышей красиво выдѣляется среди зеленаго лугового берега. Вокругъ нея въ безпорядкѣ разбросанъ бѣдный рыбацкій инвентарь. Крашеная лодка съ флагомъ русскихъ цвѣтовъ и изображеніемъ якоря идетъ почти навстрѣчу нашему пароходу. Рѣка идетъ вровень съ берегами. По берегу разставленъ неводъ, сушится. Вдали, за лѣсомъ церковь бѣлѣетъ среди зеленыхъ деревьевъ. Дѣлаемъ уклонъ вправо и ѣдемъ почти параллельно съ тѣмъ направленіемъ, по которому идетъ въ Кіевъ Днѣпръ послѣ впаденія Десны, затѣмъ уклоняемся влѣво, потомъ опять вправо. Среди рѣки то и дѣло попадаются вехи, значки, „чтобы не заплутался пароходъ". По мѣстамъ, особенно вблизи заливовъ, ут-

верждены на лодкахъ сукновальни по типу нашей водяной мельницы. Поперекъ двухъ большихъ лодокъ, стоящихъ вдоль по теченію, положены мостки, на нихъ – избушка, ближе къ водѣ прилажено громадное колесо, которое приводитъ въ движеніе весь механизмъ.

Въ виду разстилающейся береговой равнины, собираемся всѣ на трапѣ и пьемъ чай Съ нами и отецъ Ректоръ: пассажиры изъ духовныхъ, при нашемъ обращеніи къ нему, вытягиваютъ свои удивленныя физіономіи, отыскивая среди трехъ—четырехъ скромно одѣтыхъ батюшекъ „о. ректора", и не находятъ.. Большую услугу оказываетъ намъ нашъ чайникъ безъ ограниченія. Дѣло въ томъ, что на Днѣпровскихъ пароходахъ, по какой то странной случайности, вода продается гораздо дороже, чѣмъ въ Палестинѣ: каждый чайникъ [правда безразлично, большой или маленькій] стоитъ 10 к., второй—8 к., третій тоже 8 к. и т. д. Но такъ какъ каждый изъ насъ выпиваетъ отъ полутора до двухъ чайниковъ, и такъ какъ чай, отъ скуки у насъ устраивается по нѣскольку разъ въ день, то почти весь дневной бюджетъ уходилъ бы на покупку воды. Въ виду этихъ соображеній, условились съ буфетчикомъ, что онъ будетъ продавать намъ воду нашими чайниками и, когда это условіе было принято, въ убыткѣ не были... Чай конченъ, а дѣлать нечего: гулять можно только по передней палубѣ, переполненной пассажирами; на кормовую часть парохода нельзя пройти: искрами сожжетъ. Писать тоже нельзя: трясетъ, точно въ телѣгѣ: скамейки скачутъ. Отъ бездѣлья смотримъ, какъ высаживаютъ пассажировъ, – совсѣмъ не по нашему. Дебаркадеровъ не имѣется: пристаетъ пароходъ прямо къ берегу или носомъ или кормою, затѣмъ матросы кладутъ на берегъ доску, „сходню" и вы, вмѣстѣ съ своимъ багажемъ, балансируете по этой доскѣ. Если упадете въ воду, пароходская компанія не отвѣчаетъ. Впрочемъ, для болѣе почетныхъ пассажировъ протягиваютъ шестъ въ горизонтальномъ положеніи, къ берегу, чтобы можно было держаться рукою. Шестами же поддерживаютъ и пароходъ, чтобы онъ не отошелъ отъ берега во время остановки.

Проѣхали красивое мѣстечко —Николаевскую пустынь, верстъ

20 отъ Кіева. На берегу рѣки зеленая часовенька, дальше роща и за нею церковь за деревьями. Небо лазурное, облаковъ почти вовсе нѣтъ. Здѣсь какъ то все не по нашему: тучи набѣгутъ, думаешь: вотъ—вотъ дождь, или даже ливень, а черезъ полчаса смотришь—всѣ тучи разсѣялись, и опять ясное солнышко, только воздухъ чище сталъ да ароматъ цвѣтовъ сильнѣе. Невдалекѣ—опять рядъ сукноваленъ. На одной изъ нихъ стоитъ хохолъ и апатично смотритъ вдаль. На лицѣ написано: „хоть трава не расти“. Пароходъ по мѣстамъ идетъ почти рядомъ съ берегомъ, такъ что если сдѣлать основательный прыжокъ съ кормовой палубы, можно перескочить на сушу. Около берега, вблизи маяка, толпа крестьянскихъ ребятъ крикомъ встрѣчаютъ пароходъ. Невдалекѣ два сторожевыхъ шалаша и селеніе съ бѣлою церковью оригинальной архитектуры. Стадо въ ночномъ на рѣкѣ. На встрѣчу намъ идетъ изъ Чернигова пассажирскій пароходъ „Остеръ“. Капитаны, вмѣсто привѣтственныхъ сигналовъ, по просту снимаютъ другъ предъ другомъ шапки Дальше—фарватеръ узкій; рѣка во всю ширину перегорожена кустарниками, среди которыхъ съ трудомъ пробирается пароходъ, то садясь на мель, то ударяясь въ кусты. Наши помогаютъ матросамъ въ темнотѣ стаскивать пароходъ шестами и, надо честь имъ отдать, владѣютъ шестомъ лучше здѣшнихъ матросовъ.

Пора спать. Но на нижней палубѣ нѣтъ ни одного свободнаго мѣста; всѣ спятъ въ повалку. Даже подъ лавками всѣ мѣста заняты. Идемъ на трапъ, требуемъ себѣ брезентъ и располагаемся подъ открытымъ небомъ. Сверху смотрятъ на насъ луна и звѣзды; съ луговъ тянетъ запахъ травъ и сѣна и рѣчная сырость. Узкая рѣка кажется чуть не моремъ въ ночной темнотѣ. Ночныя тѣни движутся по сторонамъ. Далеко по рѣкѣ видѣнъ отсвѣтъ парохода. Вдали—темныя очертанія берега и огни береговыхъ сигналовъ. Нѣсколько человѣкъ бодрствуютъ, отыскивая мѣста для ночлега.

Истинно трогательныя чувства проявляетъ нашъ художникъ. Всю ночь дежуритъ около спящей маленькой дѣвочки, укрываетъ ее, приноситъ воду пить и уговариваетъ спать, когда ей не спит-

ся. Слышится безсвязный дѣтскій лепетъ. Дѣвочка говоритъ въ полуснѣ: „Ахъ ты дождь такой, зачѣмъ ты идешь? Ему скажу, и онъ перестанетъ идти“... Въ окнѣ показываются огни встрѣчнаго парохода. Малютка спрашиваетъ: чей пароходъ? Не нашъ?.. Мать увѣряетъ, что нашъ тотъ, на которомъ мы ѣдемъ. Сонъ прочь бѣжитъ. Расшалились. Маленькая спутница „охраняетъ дисциплину“, кричитъ:—„не балуйтесь, а то въ воду выброшу“... Очень жаль на этотъ разъ, что оставили въ Кіевѣ, на конторкѣ, фотографическій аппаратъ: стоило бы увѣковѣчить эту задушевную семейную сценку... хотя бы для того, чтобы послѣ, лѣтъ черезъ двадцать, вспомнить о ней. Художникъ пытается поправить дѣло—нарисовать карандашемъ портретъ своей спутницы, но глаза дѣвочки и выраженія ея первнаго лица безпрестанно мѣняются и мѣшаютъ вѣрной передачѣ оригинала *). Уснули всѣ уже глубокой ночью, на мѣшкахъ, въ трюмѣ, подъ лавками, потому что лучшія мѣста были отданы малюткѣ съ ея матерью. Пессимистъ нашъ послѣ съ неподражаемымъ юморомъ разсказывалъ, какъ у него сквозникъ всю ночь гулялъ подъ одѣяломъ.

Раннимъ утромъ, *20 іюня* пароходъ остановился у бревенчатой, некрашеной пристани г. Остера, Черниговской губерніи. На пристани—ни одного пассажира. Только одинокая фигура квартальнаго да двое матросовъ встрѣчаютъ нашъ пароходъ. И съ нашего парохода тоже очень мало пассажировъ уходитъ: всѣ ѣдутъ до Чернигова. Наши въ полуснѣ обнаруживаютъ свое невѣжество въ географіи. Одинъ многозначительно говоритъ: „Остеръ“! Другой его въ просонкахъ переспрашиваетъ: „Костеръ“? Первый опять: „Остеръ“! Второй: А, Остеръ... завертывается потеплѣе въ одѣяло и продолжаетъ спать. Передъ первымъ свисткомъ бабы заторопились, со сна думали, что скоро Черниговъ. Бѣгутъ къ пристани, спрашиваютъ матроса: „Черниговъ далеко“? Тотъ скептически смотритъ на нихъ, съ просонокъ не понимая на первый разъ о чемъ спрашиваютъ, и потомъ лѣниво, по-хохлацки, отвѣчаетъ: „Чернигов?.. Ще смѣло легай спать“. Солнышко всходитъ надъ зелеными лугами и ветлами, окружающими берегъ рѣки.

*) Въ нашемъ портфелѣ доселѣ сохранился эскизъ съ надписью „Маня..

Старуха привѣтствуетъ его одушевленной, беззвучной молитвой. Мало по малу начинаютъ подниматься пассажиры. На одной изъ слѣдующихъ станцій наша маленькая спутница съ матерью оставляютъ пароходъ. Прощанье происходитъ трогательное. Наши перенесли на берегъ всѣ ихъ вещи, и помѣстившись на трапѣ, долго не могутъ кончить своихъ благожеланій, а на берегу мать заставляетъ дѣвочку благодарить своихъ нянекъ, и та преуморительно кланяется въ поясъ по направленію нашего парохода. Чѣмъ-то юнымъ вѣетъ отъ этой сценки. Есть еще, должно быть, на свѣтѣ сердечные люди, у которыхъ безъ рисовки все выходитъ такъ просто и мило...

Вниманіе отвлекаетъ еврей своей утренней молитвой съ причитаніями и завываніями.

Утро ясное. Десна такая же узкая, какъ и вчера, только берега стали значительно оживленнѣе: то и дѣло попадается навстрѣчу то селеніе, то хуторъ, то рядъ водяныхъ сукноваленъ. Кое-гдѣ по сторонамъ рѣки стада гусей; на пескѣ просушивается рыбацкій инвентарь: невода, рыболовныя снасти. Въ одномъ мѣстѣ, на солнышкѣ сушится рыба, развѣшенная на шестахъ. Вровень съ пароходомъ, пара лошадей везетъ пустую телѣгу. Какой-то юнота въ бѣлой соломенной шляпѣ идетъ въ сторонѣ экипажа и погоняетъ коней. Въ телѣгѣ спитъ хохолъ, укрывшись свиткой. Вдали — большая роща. Кругомъ поемные луга и лѣсъ. Внизъ по теченію плывутъ на громадныхъ парусахъ барки, нагруженныя бѣлымъ камнемъ. Пароходское населеніе опять мало по малу показывается на верхней палубѣ. Наши уснули плохо, но всѣ бодрые и веселые собрались за большимъ чайникомъ и съ удовольствіемъ вдыхаютъ въ себя чистый утренній воздухъ. Юношеская свѣжесть беретъ верхъ надъ недомоганіемъ ночи. На пароходѣ одно за другимъ показываются новыя лица. Между ними особенное вниманіе на себя обращаетъ оригинально одѣтая бойкая барыня, — „не живетъ, а горитъ“: куритъ табакъ (едва не изъ трубки), сплетничаетъ, размахиваетъ руками, качаетъ головой, дѣлаетъ многозначительныя гримасы. Синее пенсне увеличиваетъ впечатлѣніе этихъ манипуляцій и придаетъ серьезное и дѣловое выраженіе ея пово-

шенному лицу. Рядомъ съ ней сидитъ студентъ, единственный ея слушатель, и едва скрываетъ раздраженіе, которое вызываютъ въ немъ ея рѣчи. Послѣ чаю открылась пропажа: исчезъ человѣкъ изъ нашей компаніи. Всѣ были непріятно встревожены. Послѣ долгихъ поисковъ, пропавшій, однакожъ, былъ найденъ спящимъ въ трюмѣ, на канатахъ.

Ѣдемъ самымъ интереснымъ мѣстомъ Десны. Съ правой стороны по теченію, почти надъ самымъ уровнемъ воды, возвышаются вѣковыя тополи, ясени, липы. Кажется, будто нашъ пароходъ забрался въ рощу и мирно прогуливается по аллеямъ. Съ берега доносится запахъ дикой фіалки. Наши „дѣти“ въ избыткѣ чувствъ, завели интересный разговоръ съ матросомъ, спрашиваютъ, скоро-ли пріѣдемъ въ Черниговъ. Тотъ увѣряетъ съ истинно-хохлацкой серьезностью, что все дѣло зависитъ отъ машиниста; захочетъ—быстро поѣдетъ, захочетъ—тихо, а что теперь машинистъ въ дурномъ настроеніи и потому запаздываетъ. Мирную бесѣду нарушаетъ встрѣчный пароходъ „Черниговъ“, проходитъ совершенно тихо, въ таинственномъ молчаніи. Не привыкли мы къ этому. На нашихъ бы рѣкахъ при этой встрѣчѣ такой ревъ поднялся, что „святыхъ упоси“. Лѣсъ наполовину проѣхали: слѣва пошли луга и села; на берегу бѣлѣетъ будка перевозчика; невдалекѣ, въ заливѣ, загородка для ловли рыбы; впереди — два большихъ селенія, совершенно утонувшія въ зелени, лодка на рѣкѣ съ маленькимъ, бѣлымъ парусомъ, а на правой сторонѣ опять тотъ же лѣсъ старинный, кудрявый, развѣсистый. Любуемся ландшафтами и читаемъ „Россію“, „Кіевское Слово“ и „Церковный Вѣстникъ“.

За-полдень. Часы могутъ лишь приблизительно показывать время, потому что поставлены наугадъ. Съ лѣвой стороны рѣки показались высокія колокольни Черниговскихъ храмовъ. На нашъ нетерпѣливый вопросъ, далеко-ли до города? матросъ отвѣчаетъ, что еще съ часъ проѣдемъ. Черниговъ появляется и пропадаетъ за поворотами съ разныхъ сторонъ: то на сѣверѣ, то на востокѣ, то на западѣ: рѣка идетъ зигзагами. Благочестивые паломники набожно крестятся и кланяются въ направленіи золотыхъ купо-

ловъ кремлевскихъ церквей. Солнышко начинаетъ палить нещадно. Въ сторонѣ, въ рѣкѣ, рядомъ со стадомъ купается человѣкъ пятнадцать маленькихъ дѣтей: самые младшіе бѣгутъ отъ волны, побольше—догоняютъ пароходъ съ крикомъ и визгомъ. Волны захватываютъ двухъ мальчугановъ и уносятъ въ рѣку: поднимается плачъ и суматоха Мѣста пошли еще оживленнѣе, очевидно и въ самомъ дѣлѣ городъ недалеко. Еще нѣсколько разъ предъ нашими глазами опъ переходитъ съ одного мѣста на другое и наконецъ останавливается на одномъ мѣстѣ и „развертывается предъ нами во всей красѣ“. Впереди громадный, неуклюжій деревянный мостъ и желѣзнодорожная станція. Намъ осталось ѣхать не болѣе версты. Матросъ снимаетъ мачту, чтобы она не задѣла за пролеты, и мы благополучно минуемъ допотопное сооруженіе.

Не будете раскаиваться, благосклонный мой читатель, если темнота ночи или другія какія-нибудь обстоятельства помѣшаютъ вамъ разсмотрѣть „панораму“ Чернигова съ береговъ Десны: любой уѣздный городъ на Волгѣ лучше этого губернскаго. Видъ скрашиваютъ, правда, два большихъ собора съ золотыми главами, но это оазисъ среди бѣдныхъ городскихъ построекъ, вполнѣ напоминающихъ собою уѣздное захолустье. Берегъ Десны загроможденъ бревнами, тесомъ, лачугами, неоконченными постройками. По теченію стоятъ двѣ убогихъ пристани, городскія купальни и масса плотовъ, приготовленныхъ для сплава Около жидовской пристани стоитъ пароходъ „Зевесъ“, около нашей —общества Днѣпровскаго пароходства „Любовь“. Вмѣстѣ съ остальными пассажирами, толкая и давя другъ друга, выходимъ на пристань и медлимъ здѣсь нѣсколько минутъ со своимъ багажемъ, зѣвая безъ толку по сторонамъ. Взоръ невольно останавливаетъ на себѣ конторка за стекломъ съ надписью: „продажа газетъ“, но, какъ оказалось по справкамъ, газеты здѣсь не продаются. Есть въ продажѣ житія св. Ѳеодосія Черниговскаго, да нѣсколько лубочныхъ портретовъ.

Сдали багажъ на храненіе и отправились въ городъ по ровному, отлогому берегу, все еще не довѣряя своимъ глазамъ: въ самомъ ли дѣлѣ это „центръ“ Чернигова, быть можетъ мы не

съ той стороны подходимъ. Обстановка набережной совершенно деревенская: жалкій трактиръ на берегу, нѣсколько лавочекъ, самая простая, даже не шоссейная дорога сначала песчаной равниной, по займищу, затѣмъ—по плохому мосту черезъ рѣчку, настолько мелкую, что мужикъ переѣзжаетъ ее въ самомъ глубокомъ мѣстѣ вбродъ, потомъ—немного въ гору, съ оврагами и буераками. На всемъ пути провожаютъ насъ „зазыватели“, предлагая всѣ удобства за ничтожную плату. Жидъ стоитъ на крыльцѣ трактира и кричитъ во все горло: „Эй, господа! двадцать копѣекъ обѣдъ изъ свѣжей рыбы“! Баба провожаетъ насъ и докладываетъ каждому, будто по секрету: „и обѣдъ можно имѣть не дорого“. Въ городѣ встрѣчаютъ прибывшихъ приглашеніемъ „на квартиру“. Отъ черты города до собора—нѣсколько саженъ. Спѣшно переходимъ это краткое разстояніе и подходимъ къ собору, гдѣ почиваютъ мощи св. Ѳеодосія Черниговскаго. Вблизи паперти толпа паломниковъ въ разныхъ позахъ: стоятъ, лежатъ, медленно движутся съ одного мѣста на другое. Это уже поклонившіеся святителю и ожидающіе вечерни. А тѣ, кто еще не былъ у мощей, спѣшатъ скорѣе застать послѣдній молебенъ; толкаются, перегоняютъ другъ друга. Мужикъ торопится попасть всѣхъ скорѣе, но не знаетъ, гдѣ оставить свой багажъ предъ входомъ въ церковь и въ торопливомъ недоумѣніи спрашиваетъ проходящихъ: „а гдѣ намъ сумочки покласть, сумочки покласть гдѣ“? Вмѣстѣ съ толпою богомольцевъ входимъ и мы въ старинный, очевидно только что реставрированный, Спасо-Преображенскій соборъ. Древность глубокая: маленькія окна, высокій куполъ, бѣлый иконостасъ съ старинными изображеніями, красная съ розоватымъ оттѣнкомъ завѣсь на царскихъ вратахъ. Мощи святителя Ѳеодосія почиваютъ въ правомъ придѣлѣ. Пространство надъ ракой святителя сіяетъ огнями: болѣе семидесяти цвѣтныхъ лампадъ горятъ вверху балдахина; цѣлыя сотни свѣчей утверждены на подсвѣчникѣ, поставленномъ рядомъ съ гробницей. Толпы народа окружаютъ драгоцѣнную гробницу со всѣхъ сторонъ. Одни стоятъ на колѣнахъ, другіе повержены ницъ. Священникъ читаетъ молитву въ похвалу святому. Вслѣдъ за нимъ хоръ изъ нѣсколькихъ пѣвцовъ стройно и благоговѣйно

постъ величаніе. Пріятно слышать, что и утомленные ежедневнымъ молитвословіемъ служители церкви понимаютъ религіозное настроеніе вѣрующихъ паломниковъ и не омрачаютъ его своею торопливостію или небрежностію. По окончаніи молебна подошли и мы, вмѣстѣ съ другими къ сіяющей золотомъ гробницѣ и низко до земли и неоднократно поклонились прославленному святителю. Затѣмъ, безъ всякихъ претензій со стороны здѣшнихъ духовныхъ лицъ, получили разрѣшеніе отслужить молебенъ „своими силами“ и заняли мѣсто пѣвцовъ. Ректоръ надѣлъ облаченіе и, вставъ подъ старинными знаменами впереди насъ, проникновеннымъ голосомъ положилъ „уставный началъ“. Мы стройнымъ хоромъ отвѣтили ему „аминь“ и начали молебствіе: не спѣша, чинно и торжественно, „тихимъ, но яснымъ гласомъ“ пропѣли Царю Небесный, тропарь святому и величаніе. На ектеніи ранѣе всѣхъ помянутъ былъ Преосвященный епископъ Самарскій, затѣмъ — предстоящіе и ихъ родственники, а послѣ нихъ — всѣ присутствовавшіе крестьяне и крестьянки. Молившіеся вмѣстѣ съ нами долго подавали ректору свои записки, пока онъ не перечиталъ ихъ всѣ. Евангеліе о добромъ пастырѣ, читанное на молебнѣ, всего болѣе соотвѣтствовало настроенію будущихъ пастырей. Затѣмъ слѣдовала ектенійная молитва къ Богу „источнику и подателю всякихъ исцѣленій“ и колѣнопреклоненная молитва святителю, сопровождаемая величаніемъ, исполненнымъ нашимъ подвижнымъ „хоромъ странниковъ“.

Поклонившись послѣдній разъ преподобному Феодосію и осмотрѣвши достопримѣчательности храма, перешли въ Борисоглѣбскій соборъ и спустились въ склепъ, гдѣ обрѣтены были мощи святителя Феодосія. Параволаны, охраняющіе порядокъ у мощей, принесли при насъ къ гробницѣ разслабленнаго юношу, утратившаго способность сохранять равновѣсіе. Великая вѣра написана была на лицѣ страдальца. Силой поднесли его къ гробу, съ трудомъ повернули такъ, чтобы можно было ему приложиться, потомъ посадили опять на стулъ и унесли изъ церкви. Вслѣдъ за нимъ поклонились и мы бывшему мѣсту упокоенія святителя и остановились на минуту, чтобы сохранить въ памяти обстановку и общее впечатлѣніе склепа. Впереди гробницы, поконившейся въ глубокой

нишѣ, на возвышеніи нѣсколькихъ ступеней и доселѣ стоитъ святительскій посохъ съ зеленымъ сулкомъ. За нимъ крестъ и икопы. Одинокая лампада тускло горитъ передъ ними. Окно освѣщаетъ склепъ съ правой стороны... На обратномъ пути зашли на минуту въ ремонтирующійся верхній храмъ, потомъ, по выходѣ на площадь, постояли нѣсколько секундъ предъ шпилемъ, разбитымъ грозой, и далѣе двинулись въ разсыпную—осматривать Черниговъ. Ректоръ отбылъ въ архіерейскій монастырь, посѣтить Преосвященнаго Антонія, а всѣ остальные по разнымъ направленіямъ въ городъ.

Черниговъ въ настоящее время можно раздѣлить по его постройкамъ на двѣ части: городъ въ собственномъ смыслѣ, гдѣ происходитъ обычная торговля и жизнь, и пригородъ, неизмѣнно связанный съ именемъ Святителя. Послѣдній расположился вблизи соборныхъ храмовъ и представляетъ собою цѣлый рядъ магазиновъ и лавочекъ, торгующихъ священными предметами; тутъ же, кажется, находятся и гостиницы для пріѣзжающихъ. Это самая бойкая часть города. Здѣсь постоянныя толпы народа и, какъ всегда въ этихъ случаяхъ водится, партія нищихъ, еще болѣе усердно, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ выпрашивающихъ себѣ подаяніе и еще болѣе энергичныхъ въ своихъ ругательствахъ, если видятъ, что вблизи нѣтъ никого посторонняго. При насъ одинъ профессіональный нищій сопровождалъ клирика попрошайничествомъ, долго шелъ за нимъ и напѣвалъ ему что то ласковое на ухо, потомъ, когда скрылся изъ вида его благодѣтель, предъ своими товарищами осыпалъ его такими нехорошими словами, что не вмѣститъ ихъ печатный листъ. Все это такъ обычно...

Идемъ и мы по городу: сначала пріобрѣтаемъ себѣ на память фотографическіе снимки Чернигова, потомъ направляемъ свой путь къ Елецкому монастырю, гдѣ проживаетъ викарный преосвященный Филиппъ *), и отсюда къ Троицкому—на поклоненіе старинной святынѣ города, Черниговской Божіей Матери. Пути не знаемъ, но городъ такъ не великъ, что можно слѣпому безъ тру-

*) Бывшій назадъ тому три года ректоромъ нашей семинаріи. Въ Черниговѣ его въ это время, къ нашему сожалѣнію, не было: по болѣзни онъ выѣзжалъ на родину, въ Могилевскую губернію.

да пройти въ любой конецъ. Для большей вѣрности, однакожъ, спрашиваемъ встрѣчнаго гимназиста: „это Троицкій монастырь“? Тотъ на моментъ останавливается, презрительно оглядываетъ насъ съ ногъ до головы и проходитъ мимо, не отвѣчая ни слова. Дѣлать нечего: идемъ наугадъ по принятому направленію. Оказывается, не ошиблись: встрѣчная дѣвочка, очевидно изъ жидовокъ, говоритъ, что мы идемъ вѣрно и показываетъ самый монастырь вдали. На улицахъ мертвая тишина; изрѣдка развѣ попадется на встрѣчу убогое созданіе вродѣ вотъ этой оборванной старухи съ залѣпленнымъ листомъ подорожника лѣвымъ глазомъ. Другимъ глазомъ, открытымъ для зрѣнія, старуха пытается разсмотрѣть насъ, но и имъ, очевидно, плохо видитъ. Прошли прекрасное зданіе духовнаго училища и викаріатскаго монастыря и спускаемся подъ гору. Здѣсь собралась около казенной винной лавки небольшая толпа и предъ нею стоящій на посту полицейскій обличаетъ жида въ покражѣ трехъ копѣекъ у какого-то мальчишки. Тотъ сначала отрицаетъ свою виновность, потомъ, когда находятъ у него монету, сознается, приводя въ свое оправданіе смягчающія вину обстоятельства. Блюститель власти не только судебной, но и исполнительной, не слушаетъ этихъ резоновъ и, къ великому удовольствію своему и присутствующихъ, бьетъ жидка по лицу изо всей силы—медленно и повидимому съ наслажденіемъ. Жидъ плачетъ горькими слезами—кто знаетъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ эти три копѣйки нужны были ему на хлѣбъ: не даромъ же онъ весь въ лохмотьяхъ. Толпа жаждущая зрѣлищъ, наконецъ возмущается самоуправствомъ полицейскаго...

Проходимъ послѣднія городскія строенія и выходимъ на чистое поле, на гору, къ резиденціи Владыки. Мѣсто ровное, скучное, вѣроятно, зимой здѣсь волки каждый вечеръ устраиваютъ концерты. При подъемѣ въ гору—съ той и другой стороны маленькій перелѣсокъ. Издали возвышается оригинальная колокольня монастыря съ синими колоннами и монастырскія стѣны. Входимъ во внутрь двора и слѣдуемъ прямо по направленію къ собору. Соборъ громадный, съ чрезвычайно высокимъ куполомъ, массивный, величественный. Большія окна по сторонамъ льютъ массу

свѣта на бѣлый иконостасъ и рельефныя украшенія храма. Образъ Богоматери находится за правымъ клиросомъ противъ колонны и очевидно теперь, съ открытіемъ мощей св. Ѳеодосія, не имѣетъ прежняго числа поклонниковъ. Риза—бѣдная, украшенная выцвѣтшимъ бумажнымъ вѣнкомъ; на одной изъ ленточекъ, влѣво отъ иконы—обручъ съ надписью: „Пресвятая Богородице, спаси насъ". Помолились мы передъ иконой и, приложившись, прочитали на ней начертанныя эмалью слова: „сей святый образъ Божіей Матери, именуемыя Ильинскія Черниговскія написанъ 1662 года. Чудодѣйственное теченіе слезъ на оном честномъ образѣ видимо было 1662 года съ 16 по 24 число мѣсяца апрѣля Въ 1662 году было нашествіе татаръ на градъ Черниговъ, но къ сему чудотворному образу не могли прикоснуться руки нечестивыхъ сарацинъ". Сопровождающій насъ церковникъ увѣряетъ, что этотъ образъ не поддается никакой фотографіи. Влѣво отъ чудотворной иконы, за клиросомъ недавно сооруженная икона св. Ѳеодосія Черниговскаго съ роскошнымъ навѣсомъ и лампадой. Она—вся блещетъ золотомъ и, очевидно, на ней сосредоточено все попеченіе клира. Поклонившись и этой святынѣ, спускаемся внизъ, въ подземелье, гдѣ покоится знаменитый ученый, Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Въ склепѣ, освѣщенномъ однимъ окномъ, лежитъ сажени въ двѣ длины гладкая каменная плита съ громаднымъ распятіемъ въ изголовьи. Ваза съ цвѣтами, давно поблекшими и икона Спасителя - единственное украшеніе послѣдняго жилища знаменитаго архіепископа. Тутъ же и двѣ другихъ каменныхъ плиты, одна болѣе изящная и новая, подъ ней покоится извѣстный Самарѣ Преосвященный Сергій (бывшій профессоръ Московской духовной академіи, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ).

Осмотръ нашъ конченъ. Не спѣша выходимъ за монастырскія стѣны и, спускаясь съ горы, возвращаемся въ городъ, отъ нечего дѣлать еще ближе приглядываясь къ здѣшнимъ обычаямъ. Патріархальность въ Черниговѣ необыкновенная; все, очевидно, дѣлается по домашнему и даже, навѣрно, серьезныя дѣла производятся „хозяйственнымъ способомъ". На главныхъ улицахъ разгуливаютъ свиньи; дорога идетъ такими буераками, что вѣ-

роятно грязь сохраняется здѣсь даже въ самое сухое лѣто. Надписи о помѣщеніи второстепенныхъ присутственныхъ мѣстъ можно читать надъ самыми жалкими мазанками; рядомъ съ заборной литературой: «русская фруктовая лавка, квасъ, *кислощи*» и проч. Очевидно городъ не пережилъ еще свой деревянный періодъ. Случись пожаръ, и онъ сгоритъ весь, до тла. — Подходимъ къ центру и спрашиваемъ: «гдѣ главная улица»? „Главной улицы у насъ нѣтъ,—отвѣчаетъ жидокъ,—у насъ всѣ главныя». Центръ города—около соборовъ. Это, кажется, самое лучшее мѣсто во всемъ Черниговѣ, по крайней мѣрѣ по внѣшнему виду. Зданія семинаріи, женской гимназіи, присутственныхъ мѣстъ могли бы слѣлать честь всякой губерніи. Есть даже,—гдѣ-то мы видѣли,—электрическій фонарь. Но улица рядомъ съ нимъ грязная, немощеная, заросшая травой, точь въ точь проселочная дорога въ какомъ нибудь селѣ. Трава по мѣстамъ разрослась до такой степени, что можно пускать на нее цѣлое пастбище. Вмѣсто людей, нервно спѣшащихъ по своимъ дѣламъ, здѣсь въ одномъ мѣстѣ ходитъ теленокъ, въ другомъ—лошадь, привязанная недалеко отъ экипажа, который оставленъ тутъ же, на улицѣ, вмѣсто постоялаго двора. И такая идиллія всего въ двухъ шагахъ отъ самаго бойкаго мѣста, отъ городскаго бульвара. Бульваръ маленькій, занимаетъ въ длину всего только одинъ кварталъ; въ дни большихъ праздниковъ, когда подъ тѣнью старинныхъ деревьевъ собираются здѣсь всѣ Черниговцы, навѣрно, тѣснота и толкотня бываетъ страшная. Невдалекѣ очень хорошее зданіе почты, большое, чистенькое, благоустроенное. Пишемъ нѣсколько писемъ... Далѣе—Черниговскіе магазины, въ полномъ смыслѣ универсальные. Здѣсь продается вмѣстѣ все—отъ тонкихъ заграничныхъ кружевъ до совершенно русскаго дегтя и колесной мази. Приказчики, какъ мы убѣдились по личному опыту, не пускаютъ покупателей въ магазинъ, а опрашиваютъ на улицѣ, что имъ нужно. Исключеніе составляетъ торговля книгами, гдѣ путешественникамъ оказываютъ всякія любезности. Въ общемъ городъ производитъ впечатлѣніе захолустной деревни, и мы крайне удивлены были когда вспом-

пили, что въ этотъ глухой край проведена желѣзная дорога. Зачѣмъ? Что отсюда можно вывезти, кромѣ мелкихъ сплетенъ и повѣстей о безконечныхъ ссорахъ Ивановъ Ивановичей съ Иванами Никифоровичами?

Пять часовъ. До отъѣзда часъ остается. Перегоняя пару лошадей, везущихъ цѣлый возъ маленькихъ ребятъ съ мамашами и нянюшками, стремимся со скоростью доброй тройки на берегъ, въ „купальню русской содержательницы“ и, послѣ разныхъ гимнастическихъ и эквилибристическихъ упражненій въ деснинской водѣ, переходимъ на пароходъ, предварительно откупивъ всѣ ягоды на пристани. Отъ жидовской компаніи встрѣчаетъ насъ на дорогѣ зазывальщикъ: «къ намъ пожалуйте! у насъ есть уже человѣкъ шесть»... Одинъ за другимъ мѣрно раздаются свистки, и нашъ пароходъ, конвоируемый маленькимъ пароходикомъ, лодками катающихся черниговцевъ и собакой, плывущей къ хозяину, тихо отходитъ отъ пристани.

Послѣдній взглядъ, послѣдній привѣтъ вамъ, черниговскіе храмы, послѣдній поклонъ вамъ, древнія святыни. Сколько сильныхъ чувствъ, сколько новыхъ, бодрыхъ мыслей вы вызываете въ сознаніи! Вы являетесь могущественнѣйшей врачебницей не только недуговъ тѣлесныхъ, но и духовныхъ, не только единичнаго, но и національнаго, и всероссійскаго горя. Сотни людей ежедневно притекаютъ къ мощамъ святителя, тысячи грѣховъ мысленно полагаютъ предъ его гробницей и получаютъ «ослабу»; множество недужныхъ тѣснится въ этихъ тѣсныхъ храмахъ, напрягая свои послѣднія силы, чтобы подойти къ святому мѣсту, и силы эти не истощаются, а увеличиваются и умножаются по мѣрѣ затраченныхъ усилій. Десятки пѣвцовъ, служителей и приспѣшниковъ цѣлый день поютъ здѣсь молитвословія и поминаютъ имена приходящихъ, но и ихъ силы не ослабѣваютъ, не препятствуютъ благоговѣйному пѣнію и истовому отправленію службы церковной. Въявь, во очію, въ концѣ нашего темнаго вѣрою столѣтія исполняется слово Спасителя, что *не оживетъ зерно, если не умретъ.* И тутъ — чѣмъ больше умираетъ, чѣмъ болѣе затрачивается силы, тѣмъ больше оживаетъ эта сила, тѣмъ дѣлается

она напряженіе. Это, вѣроятно, общій законъ духовной жизни, — чѣмъ больше усилій, тѣмъ выше полетъ, тѣмъ больше сознаніе силы. Такимъ путемъ создается великій процессъ оздоровленія людей, не только больныхъ тѣломъ, но и захудавшихъ душою, не только «слѣпыхъ, хромыхъ, разслабленныхъ, жилами носимыхъ четырьми», но и нравственно ослабѣвшихъ и отупѣвшихъ умственно и потерявшихъ чувствительность. Такихъ, вѣроятно, больше еще, чѣмъ больныхъ тѣлесно, и имъ необходимѣе эта религіозная врачебница, чѣмъ всѣмъ другимъ, одержимымъ физическими недугами. Съ этой точки зрѣнія сила, исходящая отъ мощей новопрославленнаго святителя—не только сила *исцѣляющая*, но и *созидающая*, творческая. А всякій актъ творчества есть, безъ сомнѣнія, соединеніе воедино отдѣльныхъ частей, разрозненныхъ внѣшними условіями, и потому хотѣлось бы сказать, что св. мощи для всѣхъ притекающихъ—средоточное мѣсто общенія и единенія во имя Божіе. Здѣсь нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго,—нѣтъ различій національныхъ, сословныхъ, племенныхъ: всѣ дѣти одного Отца Небеснаго. Много лѣтъ пройдетъ надъ открытыми для поклоненія мощами святителя, прежде чѣмъ сполна осуществится эта истина, и не будетъ никогда въ распоряженіи человѣка внѣшнихъ средствъ, чтобы провѣрить степень проникновенія этой идеи въ массу людей, но нѣтъ сомнѣнія, что она — самое дорогое, самое цѣнное сокровище. Проведеніе въ жизнь этой мысли есть, несомнѣнно, созиданіе не только личнаго благополучія, покоящагося на общеніи любви съ ближними и дальними, но и счастья родины, имѣющаго въ основѣ своей тоже единеніе отдѣльныхъ членовъ въ одномъ цѣломъ, но и особенно – блага церкви, сыны которой связаны между собою тѣсными узами единой вѣры въ Отца вселенной. Это всеобщее оздоровленіе, состоящее въ соединеніи отдѣльныхъ духовныхъ атомовъ, душъ и сердецъ вѣрующихъ, особенно необходимо для здѣшняго края, гдѣ племенная вражда доходитъ до ненависти, даже на первый взглядъ, гдѣ правовѣрный бьетъ неправовѣрнаго безъ жалости, среди бѣла дня, только потому, что этотъ послѣдній не принадлежитъ къ господствующей націи. Глубоко вѣримъ,

что молитвеннымъ заступничествомъ святителя, медленнымъ, проникающимъ по каплѣ, вліяніемъ его чудотвореній, все больше и больше будетъ сглаживаться эта ненависть и отчужденность, больше мира и всепрощенія будетъ на лицѣ земли Черниговской. И это главное. Остальное все приложится: будетъ совмѣстный, энергичный трудъ, и увеличится благосостояніе, и усилятся средства, и новый городъ выростетъ. Такъ уже отчасти и есть на самомъ дѣлѣ: наполовину выросъ новый городъ, и каждая часть земли, которую онъ занимаетъ, отвоевана славою святыхъ останковъ подвижника. Съ этой точки зрѣнія совершенно правъ тотъ изъ насъ, который сказалъ, что „Черниговъ разбогатѣлъ съ открытіемъ мощей св. Осодосія". Несомнѣнно, онъ разбогатѣлъ, но не только экономически, а и обогатился духовнымъ богатствомъ. И это— *второе чудо* останковъ святителя; но оно ужъ не есть дѣло рукъ исключительно Божіихъ, а вмѣстѣ и человѣческихъ, при помощи Божіей. Дѣло рукъ Божіихъ оно только постольку, поскольку благодать содѣйствуетъ человѣческой силѣ учительной: проповѣданію слова Божественнаго съ каѳедры священниками, передачѣ проповѣди слушателями „усты ко устомъ", распространенію среди богомольцевъ писаній отеческихъ. Самое же это дѣло— и проповѣдь, и изустный разсказъ, и склады книгъ для распространенія ихъ въ народѣ есть уже дѣло личной энергіи и воли каждаго дѣятеля, но какъ бы оно ни было мало, даже если бы оно не стоило и одной тысячной таланта, то и тогда мы были бы вправѣ назвать его средствомъ для *воскрешенія жизни*, а духовная жизнь — процессъ органическій: пробудится въ маломъ, перейдетъ и во многое, какъ дрожжи въ закваскѣ...

За размышленіями не замѣтили, какъ далеко остался позади и наконецъ совсѣмъ скрылся изъ вида Черниговъ. Опять таже водная поверхность и чудный, исключительный въ нынѣшнюю холодную весну, вечеръ. Десна, какъ зеркало. Деревья цѣликомъ отражаются въ водѣ. Смолистый ароматъ окрестнаго лѣса наполняетъ нашъ лѣтній балконъ. Вдали показывается рыбацкая лодка; весло блеснуло на солнышкѣ: разъ, два, три. Лодка подвигается ближе... Собравшись за чайнымъ столомъ, вспоминаемъ такой же ясный

вечеръ во время поѣздки по Волгѣ въ минувшемъ году, около Плеса. Вечеретъ. На берегу, по опушкѣ лѣса, разожженъ костеръ. Голубой дымъ отражается въ водѣ—рядомъ съ золотистыми, перистыми облачками. Запахъ дыма напоминаетъ деревенскій овинъ и молотьбу хлѣба. У костра двое мальчиковъ: одинъ собираетъ сухія деревья, другой поддерживаетъ огонь. Ниже костра свѣсились къ самой водѣ древесные корни. Луна серпикомъ показывается на горизонтѣ и свѣтится въ зеркальной поверхности воды, между деревьями и нѣжными радужными очертаніями заката. Не шелохнетъ. Только развѣ рыба всплоснется гдѣ нибудь въ сторонѣ, да пароходъ плавно стучитъ, поспѣвая въ Кіевъ. Пассажиры почти все тѣже, что ѣхали и въ тотъ путь. Большинство перезнакомились другъ съ другомъ и расположились совершенно по-семейному, кто за чаемъ, кто за разговорами. Время отъ времени устраивается импровизированная пристань, безъ конторки, прямо къ берегу. Въ одномъ мѣстѣ очень живописная остановка: на лугу, около сотни копенъ сѣна, вблизи села и деревни. Нѣсколько экипажей ожидаютъ пассажировъ; лошади мѣрно звучатъ своими бубенцами, усиленно отмахиваясь отъ комаровъ и мошекъ. Совсѣмъ деревня!.. Дальше—мѣсто глухое, дикое. Уже поздній часъ вечера. На свободѣ юношество занимается „научными вопросами“: семинаристы спорятъ съ гимназистомъ о преимуществахъ произношеній греческаго текста по Рейхлину и Эразму, спорятъ долго, съ увлеченіемъ достойнымъ подражанія отстаивая каждый свой способъ выговора. Накричавшись вволю, расходятся въ разныя стороны и укладываются спать. На сонъ грядущій неугомонный преподаватель читаетъ юношѣ цѣлую лекцію о художественныхъ достоинствахъ живописи Васнецова. Тотъ едва сдерживается, чтобы не заснуть на срединѣ разсказа, но, слыша безпрестано повторяемый учительскій окрикъ: „не спите“? пересиливаетъ себя и дослушиваетъ до конца. Поэтически настроенные молодые люди опять спятъ подъ звѣздами, на палубѣ.

21 іюня утро. „Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ“... Широкая водная гладь, освѣщаемая яркимъ сіяніемъ утренняго солнышка. Вдали, въ молочномъ туманѣ Кіевъ. Далеко блеститъ

высокій шпиль Лаврской колокольни. Двѣ богомолки: одна монашка, другая черничка встали на носу и кланяются до земли старинному стольному городу. Матросъ убираетъ грязный флагъ. Пассажиры насторожились въ ожиданіи скорой остановки Намъ предстоитъ трудная задача: пріѣхавъ въ восемь часовъ, поспѣть на пароходъ, который отходитъ въ половинѣ восьмого. Капитанъ успокоиваетъ увѣреніемъ, что непремѣнно поспѣемъ.

ИЗЪ КІЕВА ВЪ КРЫМЪ.

8 часовъ утра. До отхода парохода внизъ по Днѣпру осталось двѣ минуты. Въ это время нужно было получить багажъ на Черниговской конторкѣ и забрать билеты. Просимъ о. Ректора идти ходатайствовать, чтобы задержали уходящій пароходъ на нѣсколько минутъ. Агентъ, въ виду нашей большой толпы, соглашается исполнить просьбу и мы, не спѣша, перебираемся на сосѣднюю пристань и на низовый пароходъ „Княгиня Ольга Святая“. Пароходъ большой, но однодечный и также неблагоустроенный, какъ и Черниговскій. Разница только въ томъ, что здѣсь помѣщенія перваго и второго класса, кромѣ трюма, занимаютъ собою носовую и кормовую часть парохода. Верхняя палуба также предоставлена всѣмъ пассажирамъ, только въ передней части поставлены лавочки, а надъ капитанскимъ мостикомъ, вмѣсто будки, протянутъ тентъ. Только что мы вошли на пароходъ и усѣлись кое-какъ, безъ порядка, поставить свои чемоданы, раздался послѣдній свистокъ и пароходъ отошелъ отъ рѣшетчатой пристани. Минуемъ конторку перевоза съ маленькимъ пароходикомъ, носящимъ громкое названіе „Самолетъ“, еще нѣсколько пристаней и ѣдемъ подъ высокой Кіевской горою...

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ.
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Минуемъ Аскольдову могилу. Цѣлый рядъ крестовъ въ полгорѣ рельефно вырисовывается при утреннемъ освѣщеніи. Близко Лавра. Звонятъ къ поздней обѣднѣ. Мелодичные удары сред-

няго колокола то стихаютъ, то усиливаются, далеко разносясь надъ Днѣпромъ. На солнышкѣ блестятъ грандіозныя постройки лаврскихъ храмовъ, живописныя, утонувшія въ зелени, ближнія и дальнія пещеры и тотъ балконъ монастырской гостинницы, съ котораго мы по вечерамъ любовались на Днѣпръ. Дальше—несравненный видъ Выдубецкаго монастыря и... послѣдній поклонъ Кіеву. Ласкающій звонъ лаврскихъ колоколовъ все еще слышенъ въ разрѣженномъ утреннемъ воздухѣ. Долго не можемъ оторвать глазъ отъ величественной панорамы все болѣе и болѣе удаляющагося отъ насъ города. Воспоминанія глубокой старины и чудныя картины роскошныхъ домовъ и храмовъ на высокомъ, утонувшемъ въ зелени, берегу, волнуютъ и оживляютъ утратившіе чувствительность нервы. Кіевъ—это нестарѣющая, вѣчная красавица, съумѣвшая чудомъ какимъ-то сохранить въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія свою первобытную свѣжесть. Съ развитіемъ культуры она только перемѣнила древнее ожерелье на роскошный, украшенный брилліантами, европейскій костюмъ, а дѣвственная прелесть лица у ней осталась таже, что и въ старую пору. Въ чемъ ея секретъ—кто знаетъ, и кто можетъ разгадать на пространствѣ цѣлаго десятка столѣтій...

На пароходѣ слышится „служба“, спѣшная, скороговорная, будто торопливо и неблаговѣйно молебенъ поютъ. Прислушиваемся и присматриваемся, откуда долетаютъ голоса... По палубѣ медленно движутся двое молодыхъ нищихъ: одинъ слѣпой, со стеклянными глазами, другой зрячій (а можетъ быть и оба зрячіе), собираютъ милостыню. Слѣпой одѣтъ въ кафтанъ изъ грубаго коричневаго сукна, съ вышитой русской рубашкой, и подпоясанъ зеленымъ кушакомъ. На ногахъ опорки; чрезъ плечо грязный мѣшокъ, въ рукѣ заржавленная жестяная чашка для сбора подаяній. Читаетъ на-распѣвъ: „Подаждь вамъ, Господи, тѣлесное здравіе и душевное спасеніе, просвѣщеніе и оставленіе грѣховъ, спаси же, Господи, всѣхъ благотворящихъ, которые милостыню подавали, прими же, Господи, ваши дары до чести, до хвалы, до раю свѣтлаго, до упокоя блаженнаго, помяни, Господи, вашихъ родителей и сродниковъ рабовъ Божіихъ (имя рекъ—перечисляетъ

наугадъ всѣ имена, которыя припомнитъ), идѣже нѣсть болѣзнь и печаль и воздыханіе, но жизнь безконечная. Сотвори имъ, Господи, вѣчную память и вѣчное царство нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ. Аминь Еще молимся о здравіи и спасеніи рабовъ Божіихъ" (опять наугадъ перечисляетъ всѣ знакомыя имена)... Окончивъ молитву и получивъ подаяніе, слѣпой, на нашъ вопросъ, не знаетъ ли онъ еще чего нибудь въ этомъ родѣ, минуту думаетъ и потомъ говоритъ, что знаетъ наизустъ акаѳистъ Іисусу и Божіей Матери...

Итакъ, цѣлая самозванная служба, сочинилъ его досугъ, темная фантазія, на основаніяхъ церковныхъ чиноположеній. И ничего, слушаютъ: мы—потому что оригинально, кіевляне — потому что привыкли и жалѣютъ убогаго. Для нихъ это—родной типъ, потомокъ того „калики перехожаго", который въ былую пору пѣлъ что-нибудь подобное подъ окнами краснаго солнышка - князя Владиміра.

Вслѣдъ за слѣпымъ подходитъ къ намъ здоровенный бритый хохолъ, „дѣтина непобѣдимой злобы", какъ встарину говорили, и наклоняясь къ каждому, таинственно разсказываетъ о своемъ печальномъ положеніи. Разсказъ никого не трогаетъ, не подаютъ ни гроша; нѣкоторые совѣтуютъ приняться за работу. Хохолъ заключаетъ свои слова благожеланіемъ: „Спаси васъ, Господи, и на томъ світі", и переходитъ къ сердобольнымъ дамамъ. Невдалекѣ отъ насъ цыганка ругается съ мужикомъ до ожесточенія, почти до драки. Какой только грязи они не собрали! Обозвали другъ друга всѣми скверными именами, которыя были въ запасѣ... Нашъ добродушный капитанъ, малоруссъ чистой крови, долго слушаетъ эти цвѣты краснорѣчія, наконецъ, въ интересахъ пассажировъ, находитъ нужнымъ прекратить площадную брань. Но онъ такъ милъ и незлобивъ, несмотря на высокій ростъ и почтенный свой возрастъ, что не производитъ на глупую бабу никакого впечатлѣнія, и на него же теперь сыплются тѣ эпитеты, которыми она награждала ненавистнаго хохла. Видя, что ничего не подѣлаешь съ „мятежнымъ сердцемъ", капитанъ позвалъ своего помощника и тотъ сразу же такъ усмирилъ цыганку, что та, доселѣ, навѣрно, вовсе не знавшая, что значитъ обижаться, по-

чувствовала себя обиженной и замолчала, а потомъ, черезъ минуту, увидѣвъ мимо проходившаго нашего о. духовника, обратилась къ нему за защитой. „О. благочинный“ „отклонилъ ходатайство“, сказалъ ей что-то вродѣ: „сиди и не ругайся“... Снова цѣлый градъ негодованій, теперь уже по адресу всего священнаго сословія: „Апостолы вы эдакіе... Что дальше слѣдовало за этимъ внушительнымъ вступленіемъ—мы не слушали, да и не стоило слушать... Ну, народъ!..

Внизу, въ сторонѣ отъ людей, молятся два еврея: повернули фуражку козырькомъ назадъ, надѣли „урим и тумим“, перевязали руки повыше локтя ремнями, накинули на себя бѣлыя покрывала съ темно-синими полосами, оборотились къ стѣнѣ лбомъ и стали мѣрно покачиваться на мѣстѣ, наклоняя голову. Сначала молитва не клеилась: сидѣвшіе рядомъ развлекали молившихся непонятными намъ разговорами; потомъ стали входить въ экстазъ все больше и больше... Обстановка торжественная, живо напоминающая событія и людей ветхозавѣтныхъ...

Первая станція Триполье. Масса простого народа, толкая и давя другъ друга до полусмерти, спѣшно вышла съ парохода на рѣшотчатую пристань; еще большая, и еще болѣе стремительно вошла на пароходъ. Все простонародье: жиды, хохлы...

Послѣ краткой остановки ѣдемъ дальше. День жаркій. Солнышко южное. Досель ровные луговые берега Днѣпра начинаютъ возвышаться. Направо пошли горы. А Днѣпръ все такой же чистый, зеркальный. Только постоянная, тянущаяся вдоль лѣваго берега, песчаная полоса портитъ впечатлѣніе серебряной рѣки, которой такъ восхищался Гоголь. Батюшка споритъ съ командой „о льготахъ“: деньги здѣсь берегутъ и льготъ не полагается. Раешникъ—жидъ изъ выкрестовъ, прилично одѣтый, убѣждаетъ о. ректора въ пользѣ райка и въ просвѣтительномъ значеніи раешничества. Рѣка пустынная. Нѣтъ и тѣни той эстетики и оживленія, которая на Волгѣ. Изрѣдка развѣ покажется вдали дымокъ и просвиститъ встрѣчный пароходикъ, до безобразія переполненный пассажирами, или попадется навстрѣчу пара грязныхъ барокъ съ дровами.

Съ кормы раздается хохлацкая пѣсня, веселая, разухабистая.

Голоса—хоть въ оперу. На встрѣчной баркѣ съ чрезвычайнымъ раздраженіемъ лаетъ собака на нашъ пароходъ, все болѣе и болѣе приближаясь къ борту. На берегу бабы разстилаютъ полотна - бѣлить на солнцѣ. Нашъ пароходъ идетъ плавно, почти совсѣмъ безъ сотрясенія. Когда смотришь впередъ по теченію рѣки, кажется будто стоитъ онъ на мѣстѣ. Ландшафты незавидные. Правый берегъ горный, обрывами, лѣвый песчаный; но на томъ и другомъ въ этомъ мѣстѣ почти совершенно никакой растительности. Рѣдко - рѣдко селеніе увидишь гдѣ нибудь въ сторонѣ берегового откоса,—совершенная противоположность Волгѣ, гдѣ на каждомъ шагу села и деревни. И чудный, зеркальный Днѣпръ безъ жизни, безъ человѣка, теряетъ всю свою обаятельную прелесть. Видно, что здѣсь когда то жили люди, а потомъ перекочевали они на югъ и востокъ и осталась послѣ нихъ одна голая пустыня и дикія скалы. Рѣдко—рѣдко гдѣ нибудь вдали покажется церковь, промелькнутъ на горизонтѣ двѣ три мельницы, десятокъ - другой домовъ по оврагамъ, чаще увидишь заводъ, принадлежащій еврею эксплоататору, который смотритъ на Божій міръ, какъ на источникъ личной корысти и дѣлаетъ только то, что нужно для пріобрѣтенія капитала. Всякая эстетика, все, что душу утѣшаетъ, что краситъ жизнь, изгнано отсюда навсегда и безвозвратно. Даже инородческія деревни у насъ, въ восточной полосѣ, и тѣ гораздо лучше, несравненно лучше здѣшнихъ еврейскихъ поселеній, гдѣ все запущено и напоминаетъ собою больного, изъ котораго болѣзнь давно вытянула жизненную силу. Тоску наводятъ подобные виды. И что всего удивительнѣе, эта дикая, полумертвая, сожженная палящимъ солнцемъ природа начинается почти сразу же послѣ Кіева, роскошнаго, цвѣтущаго, утонувшаго въ зелени Кіева. Тамъ—Русь, здѣсь жидовская земля. При Варягахъ, при Новгородскихъ нашихъ предкахъ, которые ѣздили „погостить“ въ Константинополь, навѣрно, было веселѣе на этихъ берегахъ... Мрачное настроеніе измѣняетъ дикій до смѣшного вой матроса, который мѣряетъ фарватеръ: „Глібоко“! Глібо-око! Пол-на-метки! Пол-на-метки! Девьять! Девьять“!

Еще пристань. Старинный городъ Переяславль. Народу еще

больше садится на пароходъ. Это уже прямо какая то озвѣрѣвшая толпа оборванцевъ, которые, какъ пущенное за загородку стадо, не разбираютъ, куда идутъ и что ломаютъ на пути. Жалкій сотскій съ желѣзной бляхой, поставленный „для порядка“, не въ силахъ сдержать и двухъ человѣкъ. Шумъ, безобразія, площадная брань на трехъ или четырехъ діалектахъ...

Вечеръ. Половина шестого. Песчаная полоса миновала. Берега зазеленѣли; по горамъ протянулись поля. На одномъ изъ возвышеній, напоминающемъ въ миньятюрѣ Кіевскія горы, раскинулся г. Каневъ: двѣ церкви, бѣлые дома, сады и деревья. Пароходъ, покачиваясь, безшумно поворачиваетъ къ зеленой пристани, переполненной народомъ. Опять такая же толкотня и давка. Цѣлыя сотни новыхъ пассажировъ ждутъ своей очереди. На постоянные окрики полицейскихъ и матросовъ: „не толпытесь, не толпытесь“ — никто не обращаетъ вниманія. На нижней палубѣ собралось такъ много народу, что всѣ стоятъ, прижавшись другъ къ другу: ни лечь, ни сѣсть нельзя. Наскоро покупаемъ черешень и спѣшимъ на верхнюю палубу занять свои мѣста. Днѣпръ здѣсь широкій, не меньше версты. Близко къ тому берегу бѣлыя лодочки плывутъ, сверкая веслами; невдалекѣ— маленькій пароходъ и нѣсколько сукноваленъ. Въ виду вечернихъ картинъ устраиваемъ чай подъ тентомъ. На южной жарѣ мысль работаетъ лѣниво, рука пишетъ медленно. Что и дѣлать больше, какъ не чай пить?..

Немного ниже Канева—могила Шевченки. На высокомъ берегу Днѣпра, на курганѣ, обнесенномъ рѣшоткой, стоитъ большой крестъ, окруженный рощей деревьевъ. Отъ могилы—дорожка къ Днѣпру; за крестомъ и оградой высматриваютъ изъ зелени бѣлыя хаты. Внизъ тянется полоса лѣса; кругомъ – поля со всѣхъ сторонъ. Вдали, на горѣ, хуторъ и кое гдѣ, по оврагамъ, разбросаны одинокія деревья, каштаны или грецкій орѣшникъ. Очень издалека видно это мѣсто, а оттуда, съ горы, горизонтъ, вѣроятно, еще обширнѣе.

Ниже, по теченію Днѣпра, въ полгорѣ устроены два домика по всѣмъ правиламъ современной техники, очевидно усадьба

какая нибудь. Недалеко отъ нея—образцовая пасѣка въ лощинѣ сплошь покрытой лѣсомъ. Кругомъ—безконечная даль: открывается видъ на необозримое пространство,—на горы, деревни, хутора и все заднѣпровье...

Солнышко низко опустилось надъ зеленой полосой праваго берега рѣки и клонится къ закату. Издали кажется, будто виситъ оно надъ гладкой, перерѣзываемой лишь волнами парохода, водной поверхностью. Свѣтлымъ столбомъ, раздѣленнымъ на десятки частей пароходскими волнами, отражается оно въ водахъ Днѣпра и даетъ отблескъ на всей поверхности, взволнованной уходящимъ вдаль пароходомъ. Столбъ дѣлается все меньше и наконецъ совсѣмъ пропадаетъ. Солнце на половину скрылось за прибрежнымъ лѣсомъ, разсѣивая по сторонамъ мелкіе, на подобіе пыли, золотые лучи. Потянулъ легкій вѣтерокъ съ рѣки. Стало темнѣть. Солнце сѣло, оставивъ за собой красную, кровавую полосу надъ водой и лѣсомъ,—явленіе оригинальное, виданное только здѣсь, на югѣ. На сторонѣ противоположной закату показались голубыя горы, красиво выдѣляющіяся среди гладкой и ровной водной поверхности. Вдали островокъ зеленѣетъ на водѣ и, какъ всегда, въ трудномъ мѣстѣ, плоты загородили фарватеръ. Костеръ привѣтливо горитъ на нихъ, рядомъ съ сторожевой избушкой. Съ носу парохода слышится однообразное: „пол-наметки“. Воздухъ пахнетъ сѣномъ и цвѣтущей рожью. На правомъ берегу далеко возвышается бѣлый обелискъ, памятникъ, поставленный какимъ то меценатомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ тысячу лѣтъ тому назадъ дѣлалъ высадку Святославъ съ дружиной. Юношество занялось татарской грамматикой, учатъ слова, готовясь къ путешествію въ крымскихъ горахъ. Двое отдѣлились отъ остальныхъ; одинъ изъ нихъ, со свойственнымъ ему неподражаемымъ юморомъ, разсказываетъ, какъ серьезному и сумрачному хохлу отъ свиста паровика паромъ въ лицо ударило... Съ кормовой части слышится хоровая пѣсня. Парубки и дівчата поютъ что-то съ необычайной экспрессіей и одушевленіемъ. Бросаемъ свои дѣла, кстати и стемнѣло ужъ: читать трудно, и идемъ слушать. Сначала издали становимся, чтобы не вспугнуть пѣвцовъ, потомъ подходимъ

ближе и наконецъ садимся рядомъ съ ними, по-турецки, на палубѣ и просимъ пѣть медленнѣе, чтобы можно было записать слова. „Юноша“ гдѣ то моментально добылъ свѣчку, чтобы виднѣе было записывать. Хохлушки сначала перекоряются, кому разсказывать и трусятъ. „Вона лѣпше разскажетъ“... Наконецъ, ободряемые парубкомъ, поютъ или диктуютъ намъ слова; многаго мы не понимаемъ, переспрашиваемъ, перевираемъ. Тѣ смѣются надъ нашимъ произношеніемъ и нашимъ неумѣньемъ. Старшій паробокъ, очевидно грамотный, беретъ на себя роль корректора и поправляетъ то, что мы записали невѣрно; затѣмъ по своему поясняетъ дівчатамъ, какъ изъ этихъ записей составляются книжки. Тѣ, вытаращивши глаза, слушаютъ, опять диктуютъ пѣсни и опять поютъ. Мѣсяцъ свѣтитъ сверху; звѣзды показались на небосклонѣ. На западѣ и востокѣ золотые тоны вечерней зари; вблизи парохода широкая, зеркальная водная поверхность... А пѣсня льется все сильнѣе и одушевленнѣе. Не передать и хорошему нашему хору той первобытной прелести, которую можетъ слышать неизбалованное ухо въ этомъ дикомъ, лѣсномъ мотивѣ. Тутъ поетъ или плачетъ сама природа; нѣтъ здѣсь вычурныхъ словъ, которыми переполнены наши записанные съ натуры пѣсенники. Да и то, что самъ записываешь, на бумагѣ уже теряетъ первоначальную прелесть и красоту мелодичнаго малорусскаго произношенія, и когда начинаешь читать записанное съ грубымъ, приволжскимъ акцентомъ, хохлушки смѣются во всю голову. Есть что то странное, неуловимое въ словахъ пѣсни и въ аккордахъ мотива, что можетъ быть воспроизведено только въ такой степени, въ какой скульпторъ или художникъ воспроизводитъ оригиналъ. Похоже... да, похоже, но и только. И мнѣ кажется, что если бы на нашемъ мѣстѣ - туристовъ, записывающихъ безъ умѣнья и искусства, такъ сказать, pro domo sua, „хозяйственнымъ способомъ“ все, что попадется подъ руку,—если бы на нашемъ мѣстѣ былъ первый русскій композиторъ, который могъ бы сію же минуту переложить на ноту эти мотивы, то и онъ, думается, не уловилъ бы всей прелести этой одушевленной, задушевной пѣсни. Пѣсня на Днѣпрѣ вышла бы лучше, чѣмъ по по-

тамъ, также точно какъ дикій ландшафтъ гдѣ нибудь на сѣверѣ лучше, чѣмъ самый хорошій искусственный зимній садъ. И хорошо, а... жизни мало.

Столпившіеся паробки на своемъ оригинальномъ нарѣчіи замѣчаютъ, что будто мы покойниковъ хоронить собрались со свѣчками. Общій смѣхъ и веселье необычайное. И опять невольно возникаетъ критическая мысль... Какая глубокая разница между этими простыми душами и тѣми, кто сидитъ вонъ тамъ, въ первомъ классѣ. Тамъ другъ на друга звѣрями смотрятъ, оберегаютъ свое самолюбіе, свое положеніе, здѣсь —всѣ вмѣстѣ: довѣрчивый взглядъ, ласковая рѣчь,—все просто, непосредственно, безхитростно. Нѣтъ никакихъ препятствій къ общенію душъ, нѣтъ между этими людьми первыхъ, болѣзненныхъ недотрогъ, которые всю жизнь боятся, какъ бы до нихъ „чистой“ души не коснулся кто „грязными руками“... Истинное, рѣдкостное наслажденіе доставилъ намъ этотъ вечеръ простодушнаго разговора съ неграмотными людьми... А сколько ласковыхъ словъ на простонародномъ малороссійскомъ языкѣ! Интересно бы знать, проникаютъ-ли эти святыя слова въ палаты гордыхъ, „неповельможныхъ пановъ“?...

Подходитъ матросъ и замѣчаетъ, что наше пѣніе мѣшаетъ спать (неизвѣстно кому), а свѣтъ мѣшаетъ править. Повинуемся и возвращаемся каждый на свое мѣсто.

Ночь на Днѣпрѣ. Огни костровъ и звѣзды. Впереди безбрежная водная даль. Совершенно соглашаемся на этотъ разъ съ Гоголемъ, что „чуденъ Днѣпръ при теплой лѣтней ночи“... Скоро Черкасы. Вдали показываются уже огни пристаней. Двое изъ нашихъ, басъ и теноръ, поютъ въ полголоса: „Нелюдимо наше море“, а на носу матросъ стонетъ по прежнему „пол-наметки“, стараясь попасть въ тонъ нашей пѣснѣ. Въ Черкасахъ, по обычаю, толкотня и давка, какъ на Ходынкѣ, и опять таже брань и сквернословіе. Въ толпѣ едва не задавили хромого. Наши знакомые пѣвцы и пѣвицы, попрощавшись, оставили пароходъ и ушли на пристань.

Миновавъ городъ, располагаемся на ночлегъ на верхней палубѣ. Дымъ, какъ свѣтлый столбъ облачный, при лунномъ освѣ-

щеніи, отъ пароходской трубы высоко поднимается къ небу. Прямо надъ головою разстилается звѣздный пологъ. „О. благочинный“ лежитъ лицомъ кверху и занимается астрономіей. Предъ его взоромъ открываются милліоны міровъ: „небесные часы“ — Большая Медвѣдица, семь яркихъ звѣздъ въ сочетаніи похожемъ на ковшикъ; недалеко отъ нея—Кассіопея, созвѣздіе, которое древніе арабы рисовали въ видѣ царевны, сидящей на тронѣ; далѣе—бѣлая, похожая на блестящій алмазъ, Вега, въ созвѣздіи Лира: желтый, ласкающимъ свѣтомъ свѣтящій Арктуръ... Остальные на сонъ грядущій болтаютъ безъ умолку на разныхъ языкахъ: выучились говорить по-нѣмецки, по-хохлацки, по-татарски, по-всячески.

22 іюня. Спали плохо. Во-первыхъ было сыро, во-вторыхъ стопъ стоялъ всю ночь у якоря: „пол-наметки, девьять, восемь“... доходило даже до пяти. На разные голоса пытался пѣть свою странную пѣсню матросъ: то басомъ, то теноромъ, и на разные тоны: то трагически, съ ругательствомъ, то заунывно, протяжно, почти жалобно, то громче, то тише, то—совсѣмъ по секрету, такъ что капитану приходилось переспрашивать: сколько? Мѣстами матросъ обрывалъ свою пѣсню, мѣстами пересыпалъ ее отборной, крупной руганью,—истинный художникъ! Кто-то глубокомысленно замѣчаетъ, что „ни одинъ соловей на одномъ тонѣ не пропоетъ цѣлую ночь, кольми паче матросъ“. Капитанъ то и дѣло останавливалъ гуляющихъ по палубѣ, просилъ не ходить, не мѣшать править, и особенно „не палить огня“. Часа въ четыре утра около машины собрались парубки и пѣли молебенъ съ тремя акаѳистами: Спасителю, Божіей Матери и св. Макарію. Сами за священниковъ, сами за дьяконовъ, сами за чтецовъ и псаломщиковъ, все какъ слѣдуетъ благообразно, хотя и не по чину. Пѣніе стройное, благоговѣйное, лица набожныя, сосредоточенныя.

Въ 8 часовъ утра пріѣхали въ Кременчугъ. Теперь мы—въ центрѣ промышленной жизни Придпѣпровья. Миновали пустынные, ненаселенные берега и вступаемъ въ мѣстность, гдѣ все живетъ и движется. Еще около Черкасъ было замѣтно, что здѣсь есть какой-то сильный жизненный нервъ; теперь это стало видно еще болѣе. Города, встрѣчающіеся на пути, одинъ другого лучше, и

по бойкости и оживленію во всякомъ случаѣ превзойдутъ наши сѣверные. Всюду электричество, трамваи, о которыхъ и не снилось нашимъ уѣзднымъ городамъ, масса фабрикъ, заводовъ, начинающихся построекъ и всюду толкотня и движеніе. Кременчугъ стоитъ на лѣвомъ, низкомъ кремнистомъ берегу и издали еще обращаетъ на себя вниманіе своимъ громаднымъ желѣзнодорожнымъ мостомъ чрезъ Днѣпръ, роскошными зданіями и аллеями искусственно насаженныхъ деревьевъ. Особенно красивъ мысъ рѣки направо отъ моста съ двумя большими церквами и богатыми постройками. Прямо подъ городомъ, вблизи станціи „электрички“ пароходскія пристани и нѣсколько пароходовъ: „Рыцарь“ (жидовскій), „Петръ Великій“ и „Быстрый“, очевидно полицейскій. Часъ ранній, не прошла еще утренняя свѣжесть, и настроеніе можно бы было сравнить съ тѣмъ, которое бываетъ у школьника при пріѣздѣ послѣ продолжительнаго ваката въ городъ, гдѣ все выкрашено, вычищено, поправлено. Чувство бодрости, энергіи и силы преобладаетъ предъ остальными... Издали слышится похоронный звонъ; ему аккомпанируетъ послѣдній свистокъ парохода. Тдемъ дальше. Тихо шелестя, проходитъ нашъ пароходъ подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ и выѣзжаетъ на полный рѣчной просторъ. Позади остаются дымящіяся фабрики Кременчуга; на горизонтѣ всюду песокъ и вода, и лишь изрѣдка показываются, лаская взоръ свѣжей зеленью, поля и пригорки. Наши помѣстились на носу и смотря въ воду, тянутъ какую-то унылую пѣсню. Вдали дымится пароходъ, нѣсколько лодокъ, мельницъ, село подъ горою. Цѣлыя гряды камней виднѣются по срединѣ рѣки. Налѣво, около бѣлыхъ домиковъ малороссійскаго типа, стоитъ полицейскій пароходъ съ надписью „Кременчугъ“, маленькій, изящный, будто молодая, бѣлоснѣжная лебедь. Еще нѣсколько верстъ—и на правой сторонѣ рѣки старинная усадебка, чистенькая, будто вымытая. Бѣлыя зданія, старинныя развѣсистыя деревья: тополи и липы. На балконѣ стоятъ мирные обыватели и смотрятъ на Днѣпръ и мимопроходящій пароходъ. Внизу, по подгорью, стадо свиней: мальчикъ гонитъ ихъ въ воду. Еще деревня съ бѣлоснѣжными малороссійскими мазанками, окруженными зеленью, точь въ точь такими, какими ихъ на картинкахъ пишутъ.

Носовая часть парохода мало по малу превращается въ семинарскую занятную. Всѣ читаютъ книги и газеты, по Самарскому обычаю вслухъ, учебнымъ речитативомъ, будто уроки на завтра учатъ. Впереди сидятъ двое на лавочкѣ, оба развалившись, третій лежитъ поперекъ ихъ,—ноги на колѣняхъ одного, голова на колѣняхъ другаго: жалуется, что ему жарко и неудобно. Сидящій на-лѣво читаетъ книгу вслухъ; остальные пытаются заснуть подъ звуки мѣрнаго чтенія. Чтеніе на минуту прерывается. Сидящій обезпокоенъ и кричитъ съ просонокъ: „Читай“! Лекторъ ему успокоительно отвѣчаетъ: „Не стоитъ! Все равно спишь“. Солнышко еще жарче, берега Днѣпра еще песчанѣе. Немного помедля, проходятъ по пароходу, собирая подаяніе, двое цыганъ съ какимъ-то оригинальнымъ музыкальнымъ инструментомъ: одинъ совсѣмъ еще мальчикъ—надорваннымъ голосомъ поетъ про барыню, которая его погубила, другой—уже значительно пожившій и видавшій виды, аккомпанируетъ пѣнію. Ни пѣвецъ, ни музыкантъ, однакожъ, не встрѣчаютъ сочувствія въ публикѣ. Вслѣдъ за ними проходитъ маленькій нищій, жалкій, оборванный и со слезами на глазахъ благодаритъ, получивъ „копѣечку“. Какой-то хохолъ въ сторонѣ лѣниво поетъ пѣсню. Жизнь развернулась во всю ширь. Чувствуемъ себя свободнѣе, чѣмъ дома.

Берега Днѣпра становятся все болѣе и болѣе оживленными: по правую сторону среди зелени садовъ—села, деревни, хутора лѣпятся у самой воды. Выше нихъ—поля: на половину сжатыя полосы ржи и зеленѣющія яровыя. Вблизи деревень сельскія сцены: лошади на привязи, крестьянскія дѣти на берегу рѣки; по мѣстамъ встрѣчается оригинальный малорусскій экипажъ съ громадной телѣгой, запряженной парой лошадей. Наши собрали „военный совѣтъ“: прикрѣпили зонтъ надъ срединой стола, взяли всѣ табуретки съ верхней палубы и, вооружившись картами и путеводителями, „приступили къ обсужденію вопросовъ дальнѣйшаго пути“. Предсѣдательствуетъ батюшка, полулежа на подушкѣ... На самомъ интересномъ мѣстѣ разговора правильное теченіе мысли собесѣдниковъ прерываетъ матросъ жалобнымъ стономъ: „глыбо-око“! Всѣ смѣются и уже больше не возвращаются къ серьезнымъ темамъ.

Близко къ порогамъ. То и дѣло на рѣкѣ попадаются каменныя гряды. Мѣстами цѣлыя скалы выглядываютъ изъ воды, въ сажень и больше. По берегамъ также масса камней разныхъ цвѣтовъ: желтые, черные, сѣрые. Кое-гдѣ они разложены кубиками, очевидно предназначены къ отправкѣ... Зѣваемъ по сторонамъ и отъ скуки „считаемъ воронъ“. Попадается навстрѣчу пароходъ съ названіемъ „Боярынъ“. Но этотъ „Боярынъ“ нашему, волжскому и въ лакеи не годится: никакого въ немъ величія нѣтъ.

Утомившись однообразіемъ видовъ и внѣшнихъ впечатлѣній, присматриваемся, что дѣлается въ мужицкомъ царствѣ, на кормѣ парохода. Тамъ, около слѣпого старика—бандуриста собралась большая толпа,—слушаютъ его игру и пѣніе. Мотивъ чисто русскій, заунывный, будто у насъ иногда на Волгѣ усталые мужички запоютъ—не то пѣсню, не то былину Только здѣсь еще лучше: инструментъ не поетъ, а плачетъ: душа русская стонетъ въ заунывныхъ аккордахъ. Черезъ минуту все пароходское населеніе во власти пѣвца: смолкли смѣхъ и шутки, всѣ притихли, многіе задумались... Слѣпой пѣлъ про жизнь человѣческую, про страшный судъ, про Сіонскую гору, про праведныхъ и грѣшныхъ, про то, какъ грѣшныя души будутъ плакать, что „вечера прогуляли, за молитвой не стояли“... Содержаніе такъ обычно. Но сила великая въ этихъ рвущихъ сердце мотивахъ и никто, да, думаю, и самъ бы пѣвецъ не сказалъ, въ чемъ его секретъ, отчего самая простая его пѣсня заставляетъ всѣхъ задуматься, отчего бабы и дѣвчата при его пѣніи ронятъ на землю горькія слезы. Отецъ Ректоръ выразилъ желаніе, чтобы бандуристъ перешелъ съ кормы къ намъ и всѣмъ намъ вмѣстѣ спѣлъ что-нибудь божественное. Слѣпой получивъ приглашеніе, очень польщенъ былъ просьбой „большого батюшки“, быстро оборвалъ на послѣднемъ стихѣ свое сказанье, и съ поспѣшностью, съ какою позволялъ ему старческій возрастъ, началъ перевѣшивать черезъ плечо бандуру, собираясь идти и отыскивая маленькую дѣвочку, свою провожатую... Щедро посыпались монеты въ желѣзную чашку старика. Горячо благодарилъ онъ жертвователей: «Спаси, Господь небесный, прими ваши молитвы до престола херувимскаго, избавь Господи отъ

скорби и печали, пошли вамъ, Господи, многолѣтствіе за милостыню вашу»...

Духовному концерту, впрочемъ, не суждено было осуществиться. Едва добрелъ слѣпой до половины дороги „къ батюшкѣ“, какъ пароходъ уже подошелъ къ пристани, на которой нужно было ему сходить, и черезъ минуту бандуристъ затерялся въ толпѣ...

Берега Днѣпра еще оживленнѣе. Мѣстами на нѣсколько верстъ не перемежаются хутора и деревни. И рѣчная жизнь шире здѣсь, чѣмъ въ верховьяхъ: на всемъ теченіи попадаются на встрѣчу лодки, барки, плоты. Одинъ изъ нихъ засѣлъ на мели, и мужики стаскиваютъ его съ крикомъ и руганью. Рѣка течетъ „крестомъ“, перерѣзываясь на всемъ почти пространствѣ зелеными островами. Вдали виднѣется городъ Верхнеднѣпровскъ. За нимъ, съ лѣвой стороны показывается на большомъ пространствѣ голубой дымъ, будто цѣлое облако. Издали принимаемъ его за пожаръ, но одинъ изъ туземцевъ, „бывалый человѣкъ“ и нашъ спутникъ объясняетъ, что это чугунно-литейный заводъ на ст. Запорожье, Екатеринославской жел. дор. Долго смотримъ на это доселѣ невиданное зрѣлище, пока не отвлекаетъ вниманіе цѣлая гряда камней, разсѣянныхъ поперекъ рѣки, почти на всей ширинѣ. Фарватеръ здѣсь чрезвычайно узкій и теченіе по камнямъ и между камнями необыкновенно быстрое. Нашъ пароходъ даетъ тревожные свистки и проѣхавъ порогъ, осторожно пропускаетъ мимо себя встрѣчный, буксирный пароходикъ съ названіемъ „Вѣра“. Недалеко отъ камней на мелкомъ руслѣ пристроилась цѣлая вереница сукноваленъ, штукъ двадцать, если не больше.— Мы сначала принимали ихъ за водяныя мельницы, но тотъ же самый бывалый человѣкъ объяснилъ, что на нихъ выдѣлываютъ грубое деревенское сукно... Минуту спустя, собесѣдникъ перемѣнилъ тему разговора и разъяснилъ намъ, какъ счастливо сегодня „убили они съ товарищами... день“ за картами, жалѣя, что нельзя было также „убить“ и вчерашній,— „такъ непріятенъ онъ былъ“... Книжка пишущаго эти строки положительно начинаетъ интересовать публику средней руки. То и дѣло спрашиваютъ: „что записываете“? „Все-ли записали“? Одна

дама настойчиво совѣтуетъ записать анеста въ Черниговскомъ лѣсу, какъ онъ сидѣлъ на деревѣ, очень де ужъ поэтично. Апатичный хохолъ—капитанъ, всюду оказывавшій вниманіе нашей компаніи, сочувственно треплетъ меня по плечу и хочетъ сказать что-то пріятное, но никакъ не подберетъ словъ для одобренія; только расплывшаяся въ улыбкѣ его добродушная физіономія выражаетъ: „старайся“ — де! Около пароходской трубы парубки и дівчата поютъ заунывную пѣсню съ веселымъ припѣвомъ, напоминающимъ нашу „барыню“.

Приближаемся наконецъ къ заводу. Это — воистину „темное царство“. Весь берегъ на далекомъ пространствѣ заражепъ углекислотой. Десятки трубъ выпускаютъ дымъ, одинъ бѣлый, другія черный. Даже на пароходской палубѣ трудно дышать отъ этой гадости. Масса купающихся встрѣчаетъ пароходъ съ крикомъ и визгомъ. Нѣсколько человѣкъ плывутъ на саженкахъ по направленію къ пароходу. Днѣпръ для нихъ—таже ванна, хотя и недоброкачественная, потому что вода разбавляется въ этомъ мѣстѣ цѣлымъ водопадомъ отработаннаго пара. Заводъ — небольшой городокъ съ прекрасными зданіями, большимъ костеломъ и, вѣроятно, еще большей синагогой. Но и не смотря на эти благоустроенные дома молитвы, здѣсь самая удобная почва для перевоспитанія человѣка въ звѣря: ни свѣта, ни Божьяго солнышка не видятъ здѣшніе обыватели; всюду дымъ и копоть.

Ѣдемъ дальше. Вечеретъ На горизонтѣ изъ зеленыхъ деревьевъ берега зеркальный крестъ церкви блеститъ и переливается на солнцѣ. Дымовая труба на пароходѣ коптитъ невозможно, закрывая дымомъ и самое солнце. Солнце кажется за нимъ кровавымъ шаромъ, будто смотришь на него чрезъ закопченое стекло. Встрѣчается нѣсколько пароходовъ; на послѣдней баркѣ, прицѣпленной къ одному изъ нихъ, на покатой крышѣ утвержденъ шестами вагонъ, чтобы не скатился въ воду на своихъ колесахъ. Днѣпръ сохраняетъ свой типическій характеръ: горный правый берегъ безлѣсный, густо населенный, съ полями и лугами на далекое пространство, лѣвый — лѣсной, безлюдный и ровный. Села, деревни и на десятки верстъ одни и тѣже ландшафты. На мой во-

просъ: „далеко-ли до Екатеринослава“? матросъ отвѣчаетъ: „верстовъ двѣнадцать“ Сажусь на самомъ носу парохода, на якорномъ канатѣ, пишу и смотрю вдаль. На правомъ берегу безъ конца тянутся селенія; высоко на горѣ возвышается красивая зеленая церковка съ оградой, поповскіе или помѣщичьи дома въ зелени и масса построекъ; поднимается теплый, ласкающій вѣтерокъ; вода шумитъ, разбиваясь о пароходъ,—вода черная съ бѣлой пѣной на всемъ пространствѣ, по которому мы ѣхали. Песчаная отмель, плоты и масса народу на плотахъ: одни сторожатъ ихъ, другіе удятъ рыбу. На носу, на канатѣ, якорь качается, мѣрно, въ тактъ съ движеніемъ парохода. Спрашиваю матроса, отчего бѣлая пѣна на рѣкѣ при такой тихой погодѣ? Отвѣчаетъ подумавши: „вода крутитъ“. Еще бѣлая церковка подъ горою; надъ ней, почти надъ самой колокольней, желтѣетъ небольшая полоса ржи. За рѣкою, въ заливѣ три дерева, будто развѣсистыя пальмы, красиво выдѣляются среди зелени и отражаются въ водѣ. Днѣпръ ровный, широкій, разлился на громадное пространство. Мѣсто это напоминаетъ немного виды Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря на Волгѣ, только съ лѣвой стороны нѣтъ ни церквей, ни домовъ: одинъ лѣсъ. А Днѣпръ здѣсь положительно величественъ: „безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину“,—шире Волги подъ Самарой. Зеленый маякъ стоитъ въ сторонѣ и на немъ въ начинающейся полутьмѣ тихо и привѣтливо горитъ фонарь. Проѣзжаемъ рядомъ съ нимъ, едва не сдвинули съ мѣста. Матросъ спѣшно отворилъ дверь и бросился къ наметкѣ. Еще не мѣрявши, кричитъ: „пол-наметки“.. А наметка ушла въ воду до самаго верха,—прозѣвалъ: проѣхали мелкое мѣсто. Поднимаемся на верхнюю палубу. Какъ грязно здѣсь показалось послѣ созерцанія красотъ природы: очевидно, не метено и не мыто по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, хотя вода и рядомъ съ пароходомъ. Чего только тутъ нѣтъ: „діготь, цибуля, тютюнъ“, сѣмечки, косточки вишень, окурки, спички, объѣдки колбасы... А до какой степени облѣзла краска всюду—и сказать нельзя, вѣроятно этотъ пароходъ ни разу не красили съ тѣхъ поръ, какъ онъ построенъ.

Близко Екатеринославъ. Еще поворотъ—и городъ будетъ видно. Сидимъ и ждемъ. Но вмѣсто города, въ темнотѣ поздняго вечера, съ берега открывается невиданная нами никогда картина. Двадцать пять, если не больше, высокихъ фабричныхъ трубъ выпускаютъ кверху густые клубы дыма, но онъ не идетъ подъ облака, а разстилается по землѣ, на далекое разстояніе, производя впечатлѣніе страшнаго пожарища. Мѣстами съ силой, заставляющей вздрогнуть, вырывается изъ этой массы громадное пламя. И рядомъ съ этимъ „адомъ кромѣшнымъ“ ласкающая картина электрическаго освѣщенія: цѣлая вереница электрическихъ огоньковъ, переливаясь сверкаютъ зеленоватымъ свѣтомъ, въ перемежку съ газовыми огнями. Издали напоминаетъ этотъ видъ дорогое ожерелье изъ алмазовъ съ рубинами. Влѣво на горизонтѣ поднимается луна, и столбы дыма при ея тускломъ свѣтѣ кажутся еще фантастичнѣе. Вся эта картина отражается въ водахъ Днѣпра и въ какія чудныя краски тамъ окрашивается и въ какіе тоны измѣняется, того не описалъ бы ни поэтъ, ни художникъ. Мы всѣ не можемъ глазъ оторвать отъ рѣдкостнаго зрѣлища,—столпились около борта и наперерывъ смотримъ въ бинокль, восхищаясь каждый разъ, когда вырвется пламя изъ доменной печи. Капитанъ уже не разъ умѣрялъ наши восторги напоминаніемъ, что мѣшаемъ править: „Сѣдайте! Посѣдайте“!.. Наконецъ самъ подошелъ къ намъ съ энергическимъ приказаніемъ: „Да будьте же такъ любезны, посѣдайте. То бо больно опасно мѣсто“. Мысль объ опасности приводитъ поэтовъ въ чувство, да и картина, когда подъѣхали близко, уже утратила свой фантастическій характеръ... Мирно бесѣдуемъ, вспоминаемъ, что завтра день Владимірской Божіей Матери, что въ этотъ вечеръ прошлый годъ въ Соловкахъ служили всепощную; и что завтра у раскольниковъ праздникъ на берегу озера Свѣтлояра, гдѣ скрытъ невидимый градъ Китежъ *)... Екатеринославъ совсѣмъ близко. Видны уже строенія, набережная; въ темнотѣ вырисовываются очертанія желѣзнодорожнаго моста съ фурами вверху и быстро мчащимся желѣзнодорожнымъ поѣздомъ внизу. По рѣкѣ мелькаютъ ма-

*) Село Владимірское. Макарьевскаго уѣзда Костромской губерніи.

ленькіе пароходики; около приствней стоятъ большіе. Въ задне-провьѣ огни свѣтятся. Въ темнотѣ ничего не разберешь: получается какое-то сказочное царство:

Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ.

На пристани давка, какъ и вездѣ, хотя мы и не стремимся уйти съ парохода раньше другихъ. Нѣкоторые пассажиры выходя съ парохода, держатъ билетъ въ зубахъ, кассиръ протягиваетъ руку ко рту и вынимаетъ билеты. Оставляемъ свой багажъ въ распоряженіи о. духовника, который отправляется съ нимъ на вокзалъ, а сами идемъ къ станціи трамвая. Во время пути слышится отчаянный свистокъ полицейскаго: „жулика поймали“!.. Наше ближайшее намѣреніе было осмотрѣть городъ, проѣхавъ на электричкѣ туда и обратно по главной улицѣ Екатеринослава — „Екатериновскому проспекту“; не сообразили мы только на первый разъ, что это лучше было сдѣлать днемъ, и что ночью изъ вагона, освѣщеннаго электричествомъ, ничего не видать въ темнотѣ. Но и это не бѣда, все равно, время дѣвать некуда:—ѣдемъ. Настроеніе у всѣхъ жизнерадостное: шутки, разсказы... Быстро входимъ въ вагонъ, занимаемъ всѣ мѣста, располагаемъ въ свою пользу кондуктора и мчимся „съ быстротою молніи“ все впередъ и впередъ. Видъ на проспектъ, особенно вдаль, чудный: двѣ аллеи прямыхъ какъ стрѣла и десятки электрическихъ солнцъ: будто мы гдѣ нибудь подъ тропиками, въ Калькуттѣ. Кондукторъ веселый: не жалѣетъ электрической энергіи, чтобы прокатить самарцевъ во все удовольствіе. Только и слышишь: „жжж“! и чувствуешь, что невѣдомая сила уноситъ тебя въ далекое, неизвѣстное пространство. Доѣхали до самой границы города и на той же конкѣ ѣдемъ обратно. Кондукторъ на этотъ разъ уже менѣе увлекается, ѣдемъ тише, и предоставляетъ намъ полную возможность хотя издали разсмотрѣть „проспектъ“. Во время остановки около Потемкинскаго дворца и сада хотѣли выйти изъ вагона и отправиться на городское гулянье, но такъ какъ часъ былъ поздній, то большинство голосовъ отклонило этотъ проэктъ. На обратномъ пути видѣли соборъ, зданіе

семинаріи, духовнаго училища, гимназію, губернаторскій домъ, редакцію „Приднѣпровскаго Края“ роскошныя строенія частныхъ владѣльцевъ. „Поѣздъ“ благополучно доставилъ насъ къ вокзалу; удовольствіе проѣхать четырнадцать верстъ по самому длинному проспекту въ Россіи стоило ровно четыре копѣйки (со скидкой для учащихся)... Разыскиваемъ въ вокзалѣ о. ректора и о. духовника и сѣшимъ успуть нѣсколько часовъ, чтобы завтра раннимъ утромъ, до отъѣзда можно было успѣть въ послѣдній разъ выкупаться въ Днѣпрѣ.

23 іюня. Утро. Громадные часы на Екатеринославскомъ вокзалѣ показываютъ безъ двадцати минутъ четыре. На платформѣ, околовагоновъ, сутолока и давка страшная. Бѣгаемъ и мы, какъ угорѣлые, изъ угла въ уголъ, стараясь поскорѣе попасть въ вагонъ и занять мѣста получше и поудобнѣе. Кондукторъ, ростомъ въ сажень и толщиною въ два массивныхъ „дяди“ дѣятельно содѣйствуетъ этому доброму намѣренію. Намъ предоставляется совершенно отдѣльное отъ другихъ, хотя и очень тѣсное, помѣщеніе № 385 „для дамъ“, едва достаточное для того, чтобы уложить въ порядкѣ нашъ багажъ. Но горевать не стоитъ: до узловой станціи „Синельниково“, съ пересадкой на Севастополь, всего два съ небольшимъ часа пути, а тамъ—новые вагоны. Страдаютъ только тѣ изъ насъ, которымъ не удалось успуть въ эту ночь. Въ вагонъ входитъ какая-то хорошо одѣтая барыня, въ увѣренности, что это вагонъ „дамскій“ и со свойственной нѣкоторымъ дамамъ кичливостью и запосчивостью, сначала тихимъ ворчаньемъ выражаетъ недовольство нашимъ присутствіемъ въ этомъ вагонѣ, затѣмъ мало по малу увлекается своей ролью, раздражается, хлопаетъ дверями и „требуетъ кондуктора“. Мы совершенно спокойно выслушавъ цѣлый потокъ одушевленныхъ комплиментовъ, почтительно объяснили, что мѣсто это намъ именно кондукторомъ и предоставлено и когда послѣ этого важная особа, сдѣлавъ презрительную гримасу, обнаружила желаніе уйти изъ вагона, разступились и даже отворили двери... Держали себя на этотъ разъ положительно джентльменами. Дальше все шло обычно. Солнышко взошло на пыльномъ горизонтѣ Екатеринослава, газетчики ста-

ли продавать газеты, звонки начали бить: *разъ*, *разъ*, *разъ* (безъ предварительной трели, не какъ въ нашей сторонѣ)... Наши отъ скуки развлекаются: одни чтеніемъ, другіе „озорствомъ“. Читаютъ и комментируютъ рѣчь Германскаго императора по поводу убіенія посла въ Китаѣ, неспавшіе будятъ товарищей, принявшихся вторично спать, проводя по лицу волосинкой. Наиболѣе энергичные корреспонденты разыскиваютъ почтовое отдѣленіе, но находятъ его запертымъ, бо—часъ утра ранній... Третій звонокъ. Начинаемъ двигаться, постепенно усиливая скорость. Переѣзжаемъ величественный мостъ чрезъ Днѣпръ и въ послѣдній разъ издали смотримъ на Екатеринославъ. На разстояніи версты-двухъ онъ очень напоминаетъ нашу Самару: тѣже некрасивыя красныя зданія, также большая рѣка подъ отлогимъ берегомъ, таже пыль столбомъ, что и у насъ. Только маленькій соборъ съ острой колокольней да громадные темные сады на концѣ города говорятъ, что это южный городъ. Черезъ 10 минутъ поѣздъ остановился у первой станціи—Верхне-Днѣпровскъ. Какая здѣсь чистота всюду! Какъ роскошны эти бѣлыя малороссійскія хаты, окруженныя пирамидальными тополями и густой зеленью бѣлыхъ акацій!... Ѣдемъ почти параллельно съ Днѣпромъ, заботливо озираясь вокругъ, не видно ли пороговъ, но намъ говорятъ, что пороги далеко будутъ, верстъ 13—15 ниже Екатеринослава. Желѣзный путь идетъ пригорками. По сторонамъ пестрѣютъ хлѣбныя поля, рядомъ съ рельсами цвѣты картофеля и большія шапки подсолнечниковъ. Сѣнокосъ во всемъ разгарѣ: въ вагонъ врывается букетъ свѣжаго сѣна. Переѣзжаемъ рѣку „Самару“. Наши, услышавъ знакомое имя и недовѣряя слуху, переспрашиваютъ кондуктора, какъ названіе рѣки. Еще станція. Скучающіе желѣзнодорожники, для развлеченія, привязали къ хвосту собаки на бичевкѣ кондукторскую бляху и пустили ее на волю съ этимъ украшеніемъ. Собака боится и бѣжитъ сама отъ себя съ лаемъ, быстрѣе курьерскаго поѣзда. Станціонная прислуга провожаетъ пса добродушнымъ хохотомъ. Ѣдемъ дальше.

...Блеснетъ жилье, блеснетъ едва,
А тамъ поля, опять поля...

Въ Синельниковѣ съ вещами вышла цѣлая путаница. По нераспорядительности кондуктора и нашей собственной, пассажиры одновременно входили въ вагонъ и выходили изъ вагона. Въ нашемъ маленькомъ купэ по этому случаю собралось человѣкъ двадцать, всѣ съ вещами и всѣ спѣшимъ куда-то. При такой тѣснотѣ оказалось невозможнымъ никакое движеніе. Сообразили, наконецъ, что лучше передать багажъ чрезъ окно. Но и тутъ вышла нѣкоторая непріятность. Только мы успѣли переложить свои вещи на платформу, съ намѣреніемъ снести ихъ въ вокзалъ, какъ намъ загородилъ дорогу подошедшій по первому пути поѣздъ въ Ростовъ н/д., и мы очутились загороженными вагонами съ обѣихъ сторонъ. Опять пришлось перелѣзать черезъ поѣздъ. По командѣ „о. благочиннаго“ начинаемъ „гуськомъ“ переходить и переносить вещи черезъ площадку вагона, тычемся, толкаемъ другъ друга. Совершенно сонныя мухи. . Остановка полтора часа. Свободное время разнообразится интересными свиданіями. На желѣзнодорожной платформѣ подходитъ къ намъ одѣтый въ синюю блузу бойкій молодой человѣкъ и спрашиваетъ, куда мы ѣдемъ. Мы говоримъ: „въ Крымъ“. „Я таврическій семинаристъ“, рекомендуется намъ юноша, „совѣтовалъ бы вамъ осмотрѣть“... и т. д. Мы несказанно рады были такому живому путеводителю, обступили его со всѣхъ сторонъ и начали разспрашивать про южный край. Подъ вліяніемъ его одушевленныхъ рѣчей, въ горячихъ головахъ слушателей возникали новые планы, смѣлые проэкты и предположенія. Услышали, напр., что есть въ Крыму мѣсто, гдѣ солнце восходитъ не на востокѣ, а на западѣ, и сейчасъ же рѣшили, что пойдемъ смотрѣть новое чудо природы. Намъ говорятъ: „для этого нужно будетъ сдѣлать верстъ девяносто пѣшаго пути“. „Что-жъ, отвѣчаемъ: девяносто такъ девяносто, силъ хватитъ. Болѣе почетныхъ путешественниковъ и багажъ помѣстимъ въ экипажѣ, а сами пойдемъ пѣшкомъ“. Двое, впрочемъ, протестуютъ противъ этого отчаяннаго проэкта, ссылаясь на свое безсиліе, но ихъ протестамъ не придаемъ значенія, предполагаемъ и ихъ помѣстить на татарскихъ арбахъ во время пути, чтобы не плакались Встрѣчный товарищъ, однокурсникъ старшихъ нашихъ спутниковъ, со-

общилъ намъ, далѣе, цѣлый кодексъ предписаній, куда идти въ Крыму, что смотрѣть, что купить, сколько платить и какъ торговаться; хвалилъ магазины въ Ялтѣ и весьма неодобрительно отзывался о разрозненности торговли въ Бахчисараѣ. „Въ Бахчисараѣ три полѣна дровъ, лукъ, спички—магазинъ“.. Въ четверть часа остановки, юноша спѣшной и торопливой скороговоркой разсказалъ намъ, такимъ образомъ, не только все о Крымѣ, но и сообщилъ свою біографію. Родомъ онъ галичанинъ и только случайно какъ то попалъ въ русскую семинарію, кончилъ въ ней курсъ и ѣдетъ держать экзаменъ въ С.-Петербургскую духовную академію Черезъ четверть часа, предъ отходомъ поѣзда въ Ростовъ п/д, мы попрощались съ нимъ, сопровождая поклонъ свой благожеланіями и разбрелись въ разныя стороны. Большинство отправилось въ дер. Синельниково и въ поле. Ароматичный воздухъ степи и просторъ кругомъ освѣжили душевныя силы и укрѣпили организмъ, надорванный дальней дорогой... На обратномъ пути покупаемъ зеленые абрикосы и вишни, quant. satis, ut fiat cholera nostras.

Отъ Синельникова къ Александровску путь—хоть и не смотри въ окно: одна и таже голая, безбрежная степь на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ и даже сотенъ верстъ. Изрѣдка лишь попадаются селенія съ зелеными желѣзными и черепичными крышами, деревянный огородикъ или черная полоса проселка пересѣкаетъ желѣзный путь. На всемъ остальномъ пространствѣ безконечная зеленая даль, граничащая съ бирюзовымъ небомъ. Ближе къ городу Александровску, на ровномъ пространствѣ степи начинаютъ все чаще и чаще попадаться „оазисы“ бурой зелени среди пестрыхъ равнинъ безконечнаго поля: хуторокъ, обсаженный кругомъ пирамидальными тополями и акаціями, партія жницъ, убирающихъ ячмень, жатвенная машина, пара сивыхъ воловъ съ телѣгой, стадо гусей, напуганныхъ поѣздомъ. Изрѣдка блеснетъ среди зелени серебряной лентой степная рѣчка. Невдалекѣ виднѣется синяя даль: это Днѣпръ, освободившійся отъ пороговъ и несущій теперь свободно и широко свои могучія воды въ Черное море; по картѣ мы сдѣлали такимъ образомъ прямой уголъ въ

сто пятьдесятъ верстъ и обогнули все пространство большихъ пороговъ, которые начинаются верстъ на пятнадцать ниже Екатеринослава и тянутся до самаго Александровска. На вокзалѣ въ Александровскѣ встрѣтилъ насъ одинъ изъ нашихъ преподавателей (В. И. Б.), собиравшійся раздѣлить нашу Крымскую поѣздку. Нашъ дорожный костюмъ изодранный и запыленный, шелъ совершенно въ разладъ съ его безукоризненнымъ костюмомъ, но на этотъ разъ намъ не передъ кѣмъ было стѣсняться за свое убожество; кругомъ ни души знакомой и никому до насъ дѣла нѣтъ.

Проѣхали вокзалъ. Съ этого мѣста пути открывается очень живописный общій видъ на городъ съ красными крышами домовъ и двумя церквами, на Днѣпръ и Заднѣпровье. Рѣка течетъ подъ самымъ городомъ. Черезъ нѣсколько верстъ послѣ станціи начинается бывшая Запорожская сѣчь, теперь вся уже заросшая лѣсомъ. Кондукторъ показываетъ „плавни“ *) и рукава Днѣпра, гдѣ прежде въ лодкахъ укрывались Запорожцы и откуда дѣлали свои набѣги. Отсюда до главнаго русла Днѣпра будетъ не менѣе трехъ верстъ. Живо вспоминается привольная запорожская жизнь и запорожскіе герои, ихъ вѣрованія, міросозерцаніе, нравы, обычаи. Будто всталъ изъ могилы Тарасъ Бульба, „одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ, когда вся Россія была опустошена, выжжена до тла набѣгами монгольскихъ хищниковъ, когда лишившись дома и крова, сталъ здѣсь отваженъ человѣкъ; когда на пожарищахъ, въ виду грозныхъ сосѣдей и вѣчной опасности, селился онъ и привыкалъ глядѣть имъ прямо въ очи, разучившись знать, существуетъ-ли какая боязнь на свѣтѣ“ **). Будто ожили вновь неизмѣнные защитники вѣры православной, съ ихъ несложнымъ катихизисомъ, предлагаемымъ каждому вновь приходящему.

...„Что во Христа вѣруешь“? „Вѣрую“, отвѣчалъ приходившій“. „И въ Троицу Святую вѣруешь“? „Вѣрую“! „И въ церковь ходишь“? „Хожу“! „А ну, перекрестись“! Пришедшій крестился ***).

*) Мѣста, которыя весной заливаетъ водою.
**) „Тарасъ Бульба“, изд. Маркса, стр. 10.
***) Ibid, стр. 35—36.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти люди для насъ—безусловно родные. Не смотря на раздѣляющее насъ пространство вѣковъ, у насъ съ ними одни и тѣже интересы жизни—стоять на стражѣ вѣры православной. Разница только въ средствахъ къ достиженію цѣли: они въ старую пору бились штыками и саблей, намъ предстоитъ дѣлать завоеванія мирнымъ оружіемъ. Но эта святая непосредственность, эта неподражаемая энергія въ преодолѣніи препятствій, эта сила воли въ борьбѣ съ самимъ собою за выработанные ранѣе принципы—положительно трогательны и достойны всякаго подражанія и для тѣхъ, кто воюетъ съ мирнымъ оружіемъ въ рукахъ. И наше дѣло шло бы гораздо успѣшнѣй, если бы у насъ побольше было такихъ закаленныхъ характеровъ, какъ Тарасъ Бульба...

Мысль прерывается неожиданнымъ замѣчаніемъ хохла: „что это вы весь свѣтъ хочете позапісывать“?

Плавни кончились. Днѣпръ остался далеко позади. Съ лѣвой стороны желѣзной дороги кольцомъ извивается холмъ. Направо—синѣетъ даль и вдали, на горизонтѣ, показывается и пропадаетъ дымокъ: очевидно пароходъ идетъ. У самыхъ рельсовъ—гряды кукурузы, отдѣленные отъ поля и лѣса плетнемъ. Выѣзжаемъ наконецъ на ровное мѣсто. Изрѣдка попадаются селенія и большія села. Сторона безлѣсная, и чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ меньше дерева: дома каменные, крыши черепичныя, загородки глиняныя. По сторонамъ дороги время отъ времени встрѣчаются родныя картины: въ одномъ мѣстѣ тройка лошадей везетъ жатвенную машину, въ другомъ—хохолъ, размахиваясь во всю силу, коситъ хлѣбъ, а баба идетъ и убираетъ покошенное; хохлушка на дежурствѣ у будки стоитъ съ зеленымъ флагомъ въ рукахъ. Дальше - все тоже: полное однообразіе—„насыпи узкія, столбики, рельсы, мосты“...

Послѣ полудня вознаграждаемъ себя за безсонную ночь. Одни улеглись на занятыхъ мѣстахъ внизу, другіе пытаются помѣститься на боковыхъ лавочкахъ, но эти послѣднія оказываются запертыми на ключъ и волей—неволей приходится просить кондуктора, чтобы онъ отперъ ихъ. Кондукторъ, вмѣсто ключа, предложилъ

намъ какой-то параграфъ правилъ, по которому желѣзнодорожнымъ пассажирамъ третьяго класса спать послѣ обѣда не разрѣшается и пояснилъ намъ, что требованіе наше „совершенно незаконное“, и что „съ 8 час. утра до 8 вечера всѣ лавочки должны быть заперты“, даже и тѣ, которыя отперты теперь. Сказано это было такъ энергично и внушительно (замѣчательно дерзкій народъ въ этой сторонѣ), что намъ уже и самимъ не хотѣлось повторять начатую просьбу. Устроились кое-какъ на отпертыхъ лавочкахъ и спали знатно. Проспали даже Мелитополь, на который возложены были большія „гастрономическія надежды“. Достигли предѣловъ Таврической губерніи. По сторонамъ все еще тянется тоже безконечное поле, только будто немного оживилось оно мелькающими тамъ и здѣсь на горизонтѣ селами. Поѣздъ то и дѣло идетъ мостами и насыпями, и при условіи несохраненія равновѣсія, совершенно возможно полетѣть внизъ головой на дно какой-нибудь степной рѣки и побывать въ подводномъ царствѣ, какъ это во оно время случилось съ новгородскимъ богатымъ гостемъ Садко. Ласкающій тихій вѣтерокъ, какая-то нѣжащая мягкость теплаго воздуха и букетъ тополей и свѣжаго сѣна, врываясь въ окно вагона, настраиваетъ насъ на веселый ладъ и дѣлаетъ совершенно счастливыми. Какъ хотите, природа великое дѣло... Наши сосѣди по вагону добыли гдѣ-то желтаго щенка. Маленькій, смѣшной забрался онъ подъ лавку и грызетъ хлѣбную корочку, поддерживая ее обѣими лапами и недовѣрчиво смотря на насъ, боясь, какъ бы мы ее не отняли. Въ сосѣднемъ купэ евреи читаютъ книгу, въ которой то и дѣло мелькаютъ слова Geld и Hold. Сойдя съ верхней лавочки благодушествую и пою „божественное“ и беззаботнымъ пѣніемъ своимъ обращаю вниманіе своего спутника, крымскаго школьнаго учителя. Переждавъ, пока я кончу, онъ спрашиваетъ меня, при какой церкви я состою псаломщикомъ? Оказалось, не при какой. „А этотъ батюшка кто“? Это — ректоръ семинаріи. Спутникъ мой дѣлаетъ большіе глаза и старается стушевать неловкое начало знакомства.

Приближается Сиваш, знаменитый питомникъ лихорадочныхъ бациллъ. Вдали показались болота, зеленаго цвѣта съ ка-

кимъ-то мѣдновато-розовымъ непріятнымъ оттѣнкомъ. Въ сторонѣ Азовское море. Болѣе предусмотрительные изъ насъ развязываютъ чемоданы и принимаютъ хину, менѣе предусмотрительные, легкомысленные и видавшіе виды пьютъ чай, чтобы лучше лихорадка пристала; говорятъ, къ потнымъ она лучше пристаетъ. На ближайшей станціи, подражая намъ, думаютъ приняться за чай и наши руководители. Происходитъ „семейный совѣтъ“ въ слѣдующемъ родѣ. „О. благочинный“ достаетъ большой чайникъ и говоритъ, что сейчасъ большая станція и можно будетъ запастись водой. Ректоръ протестуетъ: — „вода гнилая тамъ, изъ Сиваша“... „Вотъ и попробуемъ, отвѣчаетъ „отецъ благочинный“ и идетъ на платформу. Вода, дѣйствительно, оказалась гнилая, и вмѣсто чая, у насъ вышла „уха изъ сивашскихъ микробовъ“, гораздо худшая, конечно, чѣмъ изъ шекснинскихъ или сурскихъ стерлядей. Виды также неутѣшительны. Съ правой стороны закатъ солнышка, тусклый, непривѣтливый; самое солнце напоминаетъ нечищенный мѣдный самоваръ. Дальше, по сторонамъ дороги пошли соляныя озера, отдѣленныя одно отъ другого узкой полоской земли и разрѣзанные пополамъ какими то перегородками. Вода краснова-тая, сплошь покрытая ржавчиной съ бѣлой, грязной пѣной у берега. Воздухъ гнилой, дышать трудно съ непривычки. По мѣстамъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ саженъ идетъ мостъ, низкій, безъ пролетовъ, утвержденный почти надъ самой землею.

Послѣ заката солнышка сразу же стемнѣло. Тьма быстро здѣсь наступаетъ, не какъ на сѣверѣ въ прошломъ году. Сивашъ проѣхали. Точно гора съ плечъ. Только непріятное какое то ощущеніе во всемъ организмѣ: будто и въ самомъ дѣлѣ мы веземъ отсюда лихорадочныхъ бациллъ. Ночь тихая, крымская. Небо бирюзовое, луна, звѣзды. Въ воздухѣ — запахъ травъ и мягкая, нѣжащая теплота, какую можно ощущать только на югѣ. Недалеко отъ станціи вновь просимъ кондуктора отпереть лавочки, и вновь слышимъ тотъ же отвѣтъ. Почему? — спрашиваемъ. Время не вышло. Смотримъ на часы: наши показываютъ ровно восемь. Кондукторъ открываетъ свои и говоритъ, что у него „безъ шести минутъ“ восемь, и прибавляетъ при этомъ, что нужно согласіе

товарищей, чтобы открыть лавочки. «Товарищи», конечно, тутъ же выразили свое согласіе и въ восемь часовъ двѣ секунды первая верхняя лавочка была отперта, а за ней и всѣ остальныя. На станціи Таганашъ ѣдимъ крымское національное кушанье «чибуреки» и сразу же послѣ станціи ложимся спать, наблюдая тѣни мѣсяца и вдыхая сильный ароматъ только что сжатой ржи и душистыхъ цвѣтовъ.

БАХЧИСАРАЙ.

24 іюня. Половина второго утра. Купальская ночь темная, звѣздная, торжественная, точно пасхальная. Кто-то замѣчаетъ въ избыткѣ чувствъ, что завтра Христовъ день и сейчасъ къ заутренѣ ударятъ. Батюшка нашъ, точно добрая няня, будитъ своихъ питомцевъ ласковыми словами, и только къ непослушнымъ, вродѣ пишущаго эти строки, прилагаетъ рѣшительныя мѣры, стаскиваетъ за ноги. Такихъ не много. Большинство совсѣмъ не спали, ожидая все время какихъ-то новыхъ, небывалыхъ ощущеній. Станція Бахчисарай маленькая, чистенькая, уютная. На платформѣ ни пылинки. Всюду бѣлый камень; близко зелень деревьевъ. Горы повисли надъ бѣлѣющимъ станціоннымъ домикомъ.

Сопровождаемые наставленіемъ одного изъ пассажировъ относительно удовольствія пить кофе въ гостинницѣ Чубук-чи, мы оставляемъ своихъ спутниковъ, о. ректора и его сына—гимназиста спящими въ вагонѣ (ихъ поѣздъ повезетъ до Севастополя), а сами спѣшно забираемъ свои вещи и высаживаемся въ Бахчисараѣ. Съ вещами цѣлое горе: некуда ихъ дѣвать, хоть съ собой неси, а до города полверсты. Формализмъ на желѣзной дорогѣ ужасный: берутъ на храненіе только то, что „слѣдуетъ съ поѣздомъ“, а частную собственность не принимаютъ и за большую плату. На нашу усиленную просьбу о багажѣ, здоровенный „оберъ“, въ пенснэ и съ важностью достойной министра, нехотя объясняетъ намъ, что у нихъ нѣтъ такихъ порядковъ, чтобы принимать чужія вещи. „У насъ принимаютъ только багажъ, т. е. то, что оплачено, а чужія вещи мы принять не можемъ... Это ваши личныя вещи“, добавляетъ онъ немного подумавъ. Мы, конечно, не

имѣли никакой надобности въ подобныхъ подробныхъ разъясненіяхъ и, поспѣшивъ оставить кондуктора философствовать въ одиночку, обратились къ сторожу. Тотъ оказался внимательнѣе и вскорѣ послѣ отхода поѣзда разыскалъ намъ „татарина въ фескѣ“, который взялся хранить нашъ багажъ. Но и на этотъ разъ мы держали себя истыми пошехонцами, не умѣющими шагу ступить на чужой землѣ. Трудно передать словами ту нѣмую сценку, которая вышла при появленіи въ дверяхъ вокзала развязнаго татарина. Не сообразили сразу, какъ нужно съ нимъ говорить: по-русски — татаринъ не пойметъ, по-татарски мы ни слова не знаемъ. Посмотрѣли другъ на друга минуту, помолчали, потомъ отецъ духовникъ нашелся и спросилъ, сколько стоитъ храненіе багажа въ сутки. Татаринъ отвѣтилъ. Опять неловкое молчаніе, опять не знаемъ о чемъ говорить. . Черезъ минуту батюшка снова находится: обращается къ татарину съ хитрой улыбочкой, будто хочетъ секретъ разсказать, потомъ на секунду будто раскаивается въ своемъ намѣреніи и предлагаетъ татарину ничего не значущій и ненужный вопросъ: „какъ тебя зовутъ“? Тотъ молодцовато встряхиваетъ фескою и отвѣчаетъ: „Аблыкинъ“! Получивъ столь драгоцѣнное свѣдѣніе, „о. благочинный“ уже на этотъ разъ съ совершенно излишней фамильярностью, къ которой Аблыкинъ, конечно, совсѣмъ не привыкъ, начинаетъ уговаривать его ласковыми словами, что вотъ, дескать ты, любезный другъ Аблыкинушка, теперь веди насъ къ себѣ въ гости... При словѣ „гости“ татаринъ отчаянно хлопаетъ глазами, очевидно вовсе не понимая, что сей сонъ значитъ... Не дожидаясь конца сцены, мы беремъ свои вещи и идемъ черезъ вокзалъ къ маленькому, устроенному въ южномъ вкусѣ зданію съ надписью: „Кофейня Варшава“ и складываемъ свой багажъ. Здѣсь все намъ чужое: и лица и обстановка. Одинъ только громадный черный котъ съ бѣлымъ пятномъ на шеѣ нашъ старинный знакомый. Привѣтствуемъ его: „кись—кись“! и онъ съ писком лѣзетъ на руки. Земляка разыскали...

Дѣлать больше нечего: на улицѣ темно, Бахчисарай осматривать рано: ничего не увидишь. Садимся вокругъ столиковъ,

приглядываемся къ обстановкѣ и принимаемся за чай. Въ кофейнѣ преобладаетъ красный цвѣтъ: красныя занавѣски, красныя скатерти, красная кисея для покрышки отъ мухъ съѣстныхъ припасовъ и посуды. Самоваръ грѣютъ намъ гораздо проще, чѣмъ въ нашихъ краяхъ. Не сдвигая съ мѣста, наливаютъ воду чрезъ воронку въ отверстіе для пара, накладываютъ углей и соединяютъ трубу съ желѣзнымъ рукавомъ, проведеннымъ въ стѣну. Скоро и удобно... Во время чая услаждаетъ нашъ слухъ игрой на цитрѣ какой-то татаринъ, не то гость, не то слуга хозяина Мотивъ унылый, безсодержательный. Отъ нечего дѣлать „юнота" беретъ путеводитель и, смотря въ словарь, ведетъ съ татариномъ довольно бойкій разговоръ на татарскомъ языкѣ, комментируя по-русски татарскія фразы. Татаринъ очень доволенъ, слыша родную рѣчь.

Начинаетъ свѣтать. Пора собраться въ путь, чтобы на утреннемъ холодкѣ совершить переходъ въ горы. Прощаемся до полудня съ Аблыкимомъ и мѣрнымъ шагомъ, среди ряда пирамидальныхъ тополей, идемъ въ городъ. Дорогой пересѣкаемъ горную рѣчку. Часъ ранній, на востокѣ заря занимается. Въ сторонѣ слышенъ лай собаки. Собака злая, крымская. На деревьяхъ стрекочутъ воробьи. Кто-то замѣчаетъ, что „Бахчисарайскіе воробьи голосистые, на манеръ соловьевъ". Переходъ до города не больше полверсты, и мы уже въ городѣ, а все еще не вѣрится, что это городъ. Зданія и улицы маленькія, покосившіяся, примыкаютъ одно къ другому сплошь. Предъ каждымъ изъ нихъ устроено нѣчто вродѣ террасы: очевидно жизнь здѣсь идетъ больше на улицахъ, чѣмъ въ домѣ. Почти на каждомъ шагу бѣлые минареты и зданія мечетей, и только одна православная церковь во всемъ городѣ. Пройдя тріумфальную арку и рядъ лавочекъ, останавливаемся около мраморнаго фонтана, увѣнчаннаго главою съ полумѣсяцемъ и по внѣшнему виду напоминающаго собою скрижали завѣта. На немъ читаемъ надпись по-русски и по-арабски: „*Благодареніе Творцу*. Фонтанъ этотъ сооруженъ мусульманами Бахчисарая въ память чудеснаго спасенія Государя Императора Александра III и его августѣйшей семьи 17 октября 1888 года". Затѣмъ идемъ дальше. Городъ еще не просыпался: безчисленные

бахчисарайскіе „магазины“ заперты; въ рѣдкомъ развѣ изъ нихъ заботливый крымскій татаринъ встрѣчаетъ восходъ солнца за чашкой чернаго, какъ и онъ самъ, кофе. Надъ городомъ стоитъ цѣлый собачій концертъ: начинаютъ маленькія шавки—дисканты и альты, имъ гдѣ-то вторятъ вдали тенора, и уже совершенно спокойно аккомпанируютъ гдѣ-нибудь за подворотней басы и баритоны. Гдѣ-то въ сторонѣ, далеко, слышна октава. Мелочь пытается сдѣлать нападеніе на насъ, но сразу же отступаетъ,—испугавшись нашихъ палокъ, спѣшитъ за ворота и оттуда провожаетъ насъ нескрываемымъ негодованіемъ. Предлагаемъ музыкантамъ переложить на ноты эти оригинальные аккорды.

По пути минуемъ знакомую затерявшуюся среди татарской обстановки русскую вывѣску: „казенная винная лавка № 29-й“ и подходимъ къ гостинницѣ „Фонтанъ“. По сторонамъ входа въ это зданіе красуются двѣ лаконическихъ надписи: „Шашлыки“, „Чебуреки“. Внимательно всматриваемся въ нихъ и проходимъ „во внутрь двора“. Дворъ здѣсь находится внутри построекъ и отличается въ такой же мѣрѣ чистотою и изяществомъ, въ какой не поражаютъ зрителя нагроможденныя одно на другое тѣсныя, низенькія зданія. Земля утрамбована и посыпана пескомъ; всюду зелень, дикій виноградъ на шестахъ, на каждомъ шагу цвѣтники; посрединѣ двора фонтанъ съ каменнымъ водоемомъ. По сторонамъ столики подъ полотняными навѣсами,—мѣста для посѣтителей. Спрашиваемъ здѣсь, можно-ли устроить завтракъ, и получаемъ отказъ: часъ слишкомъ ранній. А ждать некогда: надо спѣшить къ ханскому дворцу, чтобы нанять проводника и, пока не наступила жара, успѣть побывать въ дальнихъ окрестностяхъ города. Вблизи гостинницы, которая примыкаетъ къ ханскому дворцу, встрѣтилъ насъ самъ знаменитый Мусюютъ, лучшій знатокъ бахчисарайскихъ окрестностей. Весь черный, небольшого роста, въ плисовомъ потертомъ пиджакѣ, десятилѣтнихъ шароварахъ и опоркахъ, надѣтыхъ на толстые, грубой шерсти чулки, онъ былъ положительно смѣшонъ. Но услужливость его и попытка говорить свободно на русскомъ языкѣ, котораго онъ вовсе не зналъ, говорить только для того, чтобы доставить намъ удовольствіе, невольно располагала въ его

пользу. Ради торжественнаго случая Мусюютъ самъ взялся провожать насъ въ горы, не довѣряя своимъ подручнымъ. Онъ посовѣтовалъ намъ оставить въ саклѣ лишнюю одежду, ручаясь за полную сохранность вещей и отправиться въ путь налегкѣ. Такъ мы и сдѣлали, но, вѣроятно и самъ татаринъ не радъ былъ своему совѣту. Налегкѣ мы бѣжали со скоростью доброй тройки, далеко оставляя за собою проводника, а онъ то и дѣло объяснялъ батюшкѣ, что „здѣсь подъемъ будетъ“, и невольно замедлялъ свой старческій шагъ, сожалѣя, что миновали дни его юности, когда онъ шибче насъ бѣгалъ. Чѣмъ выше въ гору, тѣмъ жалче становился нашъ проводникъ: бѣлки выкатились, загорѣлая шея и безъ того толстая, выдѣлилась на бритомъ затылкѣ еще больше и грозила апоплексическимъ ударомъ. Мусюютъ сталъ значительно отставать отъ насъ, неизмѣнно увлекая съ собою о. духовника своими несложными разсказами съ постояннымъ присловьемъ: «понялъ батюшка»? и вновь увѣряя насъ, что «здѣсь подъемъ будетъ» и что нельзя на подъемѣ идти такъ быстро. Но чѣмъ круче были горы, и чѣмъ сильнѣе препятствія, тѣмъ мы скорѣе бѣжали. Нашего чичероне, теперь уже наполовину раздѣтаго, вели подъ руки наши сердобольные товарищи...

Подъемъ кончился. Голыя скалы смѣняются зеленью; невдалекѣ пестрѣетъ поле пшеницы. Подъ ногами у насъ Бахчисарай, съ бѣлыми домами и высокими минаретами мечетей; вправо Чуфутъ—Кале и мѣстность Успенскаго монастыря, вдали Чатырдагъ и на горизонтѣ, напоминающемъ темную спиеву лѣса, Черное море. Настроеніе прекрасное. Вольно, легко дышется. Далеко по окрестности разносится стройная пѣсня. Чудный баритонъ, аккомпанируемый десяткомъ молодыхъ голосовъ съ одушевленіемъ выводитъ: „Та на чужбинi та въ тяжкiй неволi“...

Дали отдохнуть Мусююту и -дальше... Начался спускъ. Путь идетъ перелѣскомъ, среди деревьевъ и колючаго кустарника. Въ воздухѣ утренняя свѣжесть и острый запахъ богородицкой травы. Мѣстами попадаются камни. На нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлаемъ привалъ въ ожиданіи проводника, который началъ уставать еще больше и то и дѣло отыскиваетъ поводъ для остановки: то показываетъ, то объясняетъ что нибудь совсѣмъ не интересное.

У подошвы Тепе—Керманъ проводникъ окончательно утомляется и уже становится не въ силахъ сопровождать насъ кверху. Оставляемъ его внизу, а сами „беремъ скалу приступомъ“, подъ команду руководителей Дѣло нелегкое. Когда вбѣжали кверху, бѣдный нашъ Мусюютъ показался намъ такимъ маленькимъ и жалкимъ, что и смотрѣть не хотѣлось. Устали въ значительной степени, особенно тѣ, у кого легкіе слабы. Сильные и здоровые сразу же оправились и забрались въ глубь пещеры. „Дядя“ въ это время обезсмертилъ свое имя; перевѣсилъ черезъ плечо ремень, подпоясывавшій его русскую косоворотку и начерталъ на скалѣ: „Самарскіе семинаристы. 1900. 24 іюня“. Выбираемся наконецъ изъ пещеры всѣ на балконъ и, случайно взглянувъ кверху, видимъ, какъ свѣсилась надъ нами почти неприступная крѣпость. Хотѣли и ее взять штурмомъ, но „о. благочинный“ охладилъ наши порывы. Пошли въ обходъ, спутались съ дороги, спрашивали сверху Мусююта, тутъ ли идемъ и получивъ указанія, взобрались все таки на самую вершину горы. Отсюда открывается видъ на всю вселенную. Снизу проводникъ кричитъ: „алтарь, алтарь“!... Долго не можемъ разсмотрѣть, откуда доносится къ намъ этотъ голосъ, наконецъ видимъ нашего Мусююта внизу, похожаго на маленькаго игрушечнаго солдатика и немало дивимся тому неподражаемому искусству, съ какимъ природа, какъ по телефону, передаетъ намъ голосъ на такое громадное пространство. Безстрашные юноши лѣзутъ на обломки скалъ, ежеминутно рискуя... если не жизнью, то костюмомъ и о. духовнику стоитъ великихъ усилій сдерживать увлекающихся. Послѣ долгихъ поисковъ нашли наконецъ, среди убѣжища змѣй и ящерицъ, старинную, высѣченную въ скалѣ и теперь уже полуразрушенную церковь. На этой громадной высотѣ она производитъ впечатлѣніе положительно чарующее. Въ церкви довольно хорошо сохранился алтарь (колонны и стѣны), три окна и двѣ двери. Въ стѣнахъ и теперь еще замѣтны углубленія бывшихъ гробницъ, а въ углу доселѣ стоитъ старинная купальня. На полу въ безпорядкѣ человѣческія кости, останки когда то здѣсь погребенныхъ. Камни отъ времени позеленѣли, пожелтѣли, подернулись плѣсенью... Фото-

графъ увѣковѣчилъ снимкомъ наше пребываніе въ этомъ таинственномъ мѣстѣ.

Съ горы спустились внизъ, взяли опять Мусюта и, упростивъ въ возможной степени свой костюмъ потянулись въ гору, къ такъ называемой Іосафатовой долинѣ. Вдали дымился Чатыр-дагъ, на такомъ близкомъ разстояніи, что у людей болѣе наивныхъ возникла мысль: „не зайти ли сегодня и туда кстати“, но до горы оказалось верстъ сорокъ—пятьдесятъ... Математики изучаютъ на практикѣ законъ инерціи: бросаютъ внизъ маленькіе камешки и слѣдятъ за тѣмъ, какъ на лету они увеличиваютъ скорость. За этими невинными занятіями и безконечнымъ разговоромъ и споромъ, незамѣтно подходимъ къ расположенному въ полгорѣ Караимскому кладбищу. Масса памятниковъ, утопающихъ въ зелени, стоятъ по обѣ стороны узкой тропинки, по которой мы зигзагами спускаемся внизъ. Между ними нѣтъ ни одного деревяннаго, какъ на нашихъ кладбищахъ: всюду бѣлый камень или даже мраморъ. Всѣ памятники лѣпятся одинъ на другомъ: кладбище тѣсное, старинное, относящееся началомъ своимъ къ первымъ вѣкамъ по Р. Хр. или даже до Р. Хр. Профессору Хвольсону, знаменитому гебраисту, удалось здѣсь открыть памятники и надписи начала IV, половины III и даже перваго вѣка по Р. Хр. Выше, на горѣ, могильныя плиты не блещутъ богатствомъ и изяществомъ украшеній, по чѣмъ ниже спускаемся, тѣмъ величественнѣе и лучше монументы. То и дѣло встрѣчаете вы среди густой, превышающей человѣческій ростъ, травы и высокихъ кустарниковъ и деревьевъ большіе мраморные обелиски, украшенные урнами, барельефами и чашами. У выхода семейный склепъ знаменитаго караимскаго ученаго археолога Авраама Фирковича, который былъ свѣдущимъ хозяиномъ во всей здѣшней старинѣ и кладбищенскихъ надписяхъ. Почти у самыхъ воротъ стоитъ маленькая каменная сакля съ полнымъ домашнимъ хозяйствомъ, пріятно поражающимъ вниманіе путника послѣ осмотра унылаго кладбища: цвѣты съ палисадникомъ, на дворѣ дѣти, цыплята и собака, первая собака въ Бахчисараѣ, которая на насъ не лаетъ. Солнышко начинаетъ палить. Въ воздухѣ по прежнему

носится острый запахъ душистыхъ травъ. Предъ нами—новый подъемъ по высѣченной въ камнѣ дорогѣ и такъ называемый „Воздушный городъ“.

Воздушный городъ (по татарски Чуфутъ-Кале, іудейская крѣпость) представляетъ собою массу полуразвалившихся старинныхъ, необычайной массивности и прочности построекъ, на самой вершинѣ громадной скалы, и потому имѣетъ полное право носить свое громкое названіе. Издали дѣйствительно кажется, будто всѣ эти строенія висятъ въ воздухѣ. „Городъ“ окруженъ громадной стѣной, во внутрь которой ведутъ обитыя заржавленнымъ желѣзомъ ворота, уже давно незатворявшіяся. За ними, съ правой стороны, виднѣются кучи мусора и развалины стѣнъ, а налѣво открывается прекрасный видъ на Бахчисарай и окрестности.

Войдя въ центръ „мертваго города“, предварительно осмотру, разыскиваемъ сторожа и просимъ его напоить насъ водою. Сторожъ, изящный юноша, хорошо знакомый Мусюту, живетъ въ саклѣ вблизи дворца, построеннаго на случай пріѣзда Высочайшихъ особъ. Онъ ведетъ насъ сначала къ себѣ въ домъ, затѣмъ во дворецъ. Какъ хорошо въ его саклѣ: все выбѣлено, выкрашено, мѣдная посуда на полкахъ блеститъ какъ золото; нигдѣ ни пылинки, ни одной вещи въ безпорядкѣ. У насъ и въ зажиточномъ домѣ не сыщешь такой чистоты. Чередуясь другъ съ другомъ и отдыхая, выпиваемъ здѣсь болѣе полкувшина воды и благодаримъ хозяина. И сакля, и дворецъ расположены на самомъ высокомъ утесѣ, на обрывѣ, какъ говорятъ у насъ. Дворецъ не представляетъ собою ничего интереснаго: тѣ-же залы, гостиныя, уборныя, что и въ каждомъ богатомъ барскомъ домѣ, мебель краснаго дерева, тѣ-же, что и всюду, зеркала и драпри; только камины въ стѣнахъ да въ изобиліи турецкіе диваны напоминаютъ намъ, что здѣсь царитъ вкусъ скорѣе восточный, чѣмъ національный русскій. Прошли мы разъ—другой по этимъ пустымъ покоямъ, осмотрѣли портреты въ залахъ, записали нѣсколько строкъ на письменномъ столѣ въ кабинетѣ, полюбовались съ террасы на окрестности и перешли къ осмотру памятниковъ собственно крымской старины. Прежде всего мы посѣтили пещеру, гдѣ въ старую

пору, во второй половинѣ XVII вѣка, содержались тяжкіе государственные преступники (Боярин Шереметевъ, кн. Ромодановскій и др.); затѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ остановились и довольно долго разсматривали тюрбе, склепъ, гдѣ находится гробница знаменитой Непкеджанъ, ханской дочери. Здѣсь уже совершенно восточная обстановка и восточные же религіозные и литературные мотивы Надъ входомъ въ тюрбе написано: „Мухамедъ (да будетъ съ нимъ миръ!) сказалъ: этотъ міръ есть жилище суеты; будущая же жизнь—вѣчна. Да будетъ прославленъ Тотъ, кто вѣчно великъ и милостивъ къ своимъ рабамъ смертнымъ и тлѣннымъ. Мухамедъ (да будетъ съ нимъ миръ!) сказалъ: эта жизнь есть нива для будущей жизни. Еще онъ сказалъ: настоящая жизнь есть часъ, употребляйте его на служеніе Богу. Еще онъ сказалъ: спѣшите молиться и покаяться прежде смерти“. На каменной плитѣ надъ гробницей сохранилась дата: „Эта гробница знаменитой государыни Непкеджанъ — ханымъ, дочери Тохтамышъ — хана, скончавшейся мѣсяца рамазана 841“.

Переходимъ отсюда въ еврейскую синагогу. Это первая синагога, которую намъ приходится видѣть на своемъ вѣку. По типу она весьма напоминаетъ и православный храмъ, и католическій костелъ. Синагога раздѣляется на три части: алтарь, мѣста для молящихся и отдѣленіе со скамейками для старшихъ и тѣхъ, кто оплакиваетъ родныхъ, недавно умершихъ. Отдѣльно, на хорахъ, отгороженныхъ рѣшеткою, потайныя мѣста для женщинъ. Наше вниманіе обратила въ синагогѣ занавѣсь съ изображеніемъ надъ короной скрижалей завѣта и надписями, отрывками изъ священнаго текста; затѣмъ — свѣтильники на жертвенникахъ и три люстры старинной работы, спускающіяся сверху. Спѣшно, бѣглымъ взглядомъ, осмотрѣли мы еврейское святилище и поспѣшили дальше — къ христіанской святынѣ, свѣточу православія во всемъ Крыму.

Успенскій монастырь, куда лежалъ нашъ путь, гораздо ближе отъ Чуфутъ-Кале, чѣмъ Тепе-Керменъ, и дорога къ нему идетъ уже не въ гору, а подъ гору. Разсчетливый Мусюютъ, очевидно, на этотъ разъ щадитъ наши усталыя ноги. Быстро, и безъ особенныхъ негодованій со стороны проводника, сбѣжали мы съ вы-

сокой скалы и только тогда, когда значительно спустились внизъ и подняли глаза кверху, на дворецъ и домикъ, увидѣли, на какой страшной высотѣ мы были въ воздушномъ городѣ. Громадная, съ большимъ выступомъ скала, подъ которой мы шли, казалось, каждую минуту готова была обрушиться и похоронить насъ на вѣки Невольно чувствуемъ свое ничтожество предъ этимъ грознымъ величіемъ природы и удивляемся привычнымъ къ этой громадѣ животнымъ, которыя совершенно спокойно, безъ всякаго страха, переходятъ съ утеса на утесъ, забираются въ пещеры и отыскиваютъ траву всюду, гдѣ можно найти.

Миновавъ грозныя скалы и послѣдній разъ взглянувъ на городъ, висящій въ воздухѣ, мы вступаемъ въ цвѣтущее царство, идемъ мимо татарской молельни роскошнымъ паркомъ Успенскаго монастыря. Далеко позади — нашъ бѣдный Мусюютъ: совсѣмъ мы его измучили. У воротъ парка сидятъ нѣсколько туристовъ и послушникъ. Боясь сбиться съ пути и потерявъ изъ виду своего проводника, спрашиваемъ ихъ, вѣрно ли идемъ въ Успенскій монастырь и къ Бахчисараю и при извѣстной скорости поспѣемъ-ли на полуденный поѣздъ въ Севастополь. Туристы и монахъ отвѣчаютъ, что вѣрно идемъ и поспѣемъ. Какъ жаль на этотъ разъ, что мы должны всюду спѣшить, чтобы поспѣть во время. Но въ тысячу ли разъ лучше было остаться здѣсь еще на день, на недѣлю, прожить въ этомъ монастырскомъ уединеніи полъ ваката, подумать, почитать, понаслаждаться природой, посидѣть вотъ на этомъ обрывѣ, помечтать, посмотрѣть вонъ оттуда внизъ, гдѣ подъ ногами лежитъ цѣлая деревушка съ бѣлѣющими домиками среди зелени громаднѣйшихъ пирамидальныхъ тополей. Но „хронометръ" (маленькіе черные часы, похожіе на мимозу, имѣющіе способность останавливаться при каждомъ къ нимъ прикосновеніи) показываетъ, что ни думать, ни мечтать нельзя, а необходимо спѣшить, спѣшить, спѣшить. И мы спѣшимъ, насколько позволяютъ намъ уставшія ноги. Если поспѣть на вокзалъ къ двѣнадцати, то необходимо удвоить скорость и сдѣлать самый бѣглый лишь осмотръ монастыря, но у насъ есть спасительная тайная надежда на часы о. духовника, единственные во всей нашей компаніи, имѣющіе право

называться хронометромъ, часы, которые всегда показываютъ настоящее время и всегда идутъ на часъ впереди сравнительно съ нашими. Спрашиваемъ Его Высокоблагословеніе, сколько времени, получаемъ отвѣтъ, вычитаемъ часъ и дѣлаемъ выводъ, что „сломя голову“ бѣжать не стоитъ. Спустились по лѣстницѣ въ лощину. Здѣсь, немного въ сторонѣ отъ дорожки, подъ высокимъ, утопающимъ въ зелени обрывомъ, стоитъ сакля и невдалекѣ отъ нея, весь въ цвѣтахъ, ключъ чистѣйшей холодной воды, увѣнчанный крестомъ на верху. Какой-то сердобольный обыватель, увидѣвъ, что мы пьемъ, по-русскому обычаю, воду пригоршнями, принесъ намъ стаканъ и... право, никогда еще не казалась намъ холодная вода такой пріятной на вкусъ, какъ въ это утро, послѣ безсонной почти почи и продолжительныхъ утреннихъ путешествій. Напившись, идемъ далѣе. Виды кругомъ все красивѣе и причудливѣе. На самой дорогѣ деревянная часовня съ зеленой крышей и желтымъ крестомъ на голубой главѣ. Надъ самымъ входомъ ея—икона Успенія. А вотъ и самый монастырь.

Съ трепетнымъ сердцемъ я приступаю къ описанію этой рѣдкостной по своей красотѣ святыни. Чувствую, что слабо слово мое, для того, чтобы передать другому всю дивную красоту этой мѣстности, выбранную для своихъ уединенныхъ подвиговъ святыми и добродѣтельными людьми этого края. И не буду пытаться воспроизвесть писаніемъ тѣхъ сложныхъ, задушевныхъ чувствъ, которыя переполняютъ сердце, когда мы впервые, уставши осматривать чуждую и холодную старину и суровую горную природу, приходимъ сюда въ этотъ цвѣтущій уголокъ, къ тихой пристани и заступленію Владычицы міра; когда смотримъ, какъ здѣсь, всюду утопая въ зелени, будто прилѣпленные къ горной скалѣ, блестятъ золотыми главами христіанскіе храмы... Всюду стучитъ молотъ, разбивая каменную стѣну; вездѣ видна заботливая рука рабочаго, который умѣетъ не вырвавши съ корнемъ зеленое дерево, не сорвавши цвѣтокъ, положить камень въ основаніе новаго зданія. Въ самомъ дѣлѣ: какъ все здѣсь умѣло сдѣлано. Вотъ предъ вами первая церковь на пути, верхъ изящества, совершенство современной техники и— рядомъ съ ней, рядомъ съ оградой первобытная цѣлина лѣсной

заросли, густыя деревья, которыя обрамляютъ храмъ и придаютъ ему неописуемую прелесть. Близко къ нему, среди зелени—фонтанъ, украшенный образами... Далѣе, лѣстница декорированная натуральными растеніями, такъ хорошо, какъ не съумѣлъ бы сдѣлать и садовникъ, нарочно приглашенный въ зимній садъ аристократическаго дома За ней, налѣво – маленькая площадка, и на ней игрушечная почти колокольня и домикъ игумена, тоже скорѣе похожій на келью, чѣмъ на домъ, и передъ окнами цвѣтникъ, гдѣ чудомъ какимъ то живутъ наши сѣверные друзья – маленькія елка и сосенка, издалека принесенные сюда и, быть можетъ, пользующіеся большимъ уходомъ и заботой, чѣмъ роскошно разросшіеся южные цвѣты... Наконецъ—это уже совершенно надъ вашею головою—въ громадной скалѣ, свѣсившейся надъ цвѣтникомъ, еще церковь, будто она совсѣмъ виситъ въ воздухѣ и ежеминутно готовится упасть внизъ съ этой неприступной выси. Лики Богоматери, святыхъ угодниковъ и большая лампада предъ ними въ видѣ фонаря, невольно ласкаютъ вашъ взоръ и освѣщаютъ сердечныя очи мирнымъ свѣтомъ. Направо отъ игуменской кельи слышны звуки священныхъ пѣснопѣній. Въ сосѣдней церкви идетъ служба, и хоръ монаховъ, при рѣдкостномъ горномъ резонансѣ, превращается въ громадную капеллу. Прислушиваемся сначала издали, стоя на колокольнѣ, и мечтая о томъ, какъ хорошо бы было послушать ночной порой въ горахъ звонъ колокола; затѣмъ подходимъ ближе, входимъ въ пещерную церковь, встаемъ въ ряды и молимся. Молитва наша въ это утро была краткая: пришли мы до начала акаѳиста и не достояли его до конца: по мірскому, помнили и заботились „о многомъ“, о предстоящемъ намъ осмотрѣ ханскаго дворца и о часовомъ пути отъ монастыря до вокзала.

Съ великимъ огорченіемъ оставили мы это „гнѣздо ласточки“, сожалѣя о томъ, что по незнанію, не пришли сюда ранѣе дикаго Тепе—Кермена и стариннаго разрушеннаго Чуфутъ-Кале, и не пробыли здѣсь все утро. Но и здѣсь судьба, очевидно, была къ намъ благосклонна: строго сохраняя послѣдовательность перехода отъ дурного къ хорошему, она озаботилась познакомить насъ сначала съ языческимъ, чтобы потомъ въ осязательныхъ образахъ

представить намъ прелесть христіанства. Мусюютъ только былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Промысла, всякую душу направляющаго къ свѣту. Мы бѣгло осмотрѣли Успенскій монастырь, но можетъ быть и это къ лучшему: при быстромъ обзорѣ сохранилась въ сознаніи картинка, которая можетъ быть потускнѣла бы, потеряла свои цвѣта при болѣе внимательномъ осмотрѣ... Спѣшимъ дальше... Нашъ проводникъ опять исчезъ.—„Мусюютъ!.. Эй, гдѣ ты, Мусюютъ“?...

Но дорога теперь прямая, и мы можемъ попасть въ Бахчисарай и безъ проводника. Мусюютъ, однакожъ, отыскивается, на этотъ разъ подбодрившійся и принаряженный и мы немало удивлены, когда видимъ, что почти каждый встрѣчный отдаетъ ему почтительный поклонъ, а мальчикъ пастухъ, по его приказанію, сгоняетъ съ дороги даже цѣлое стадо. Очевидно, нашъ бѣдный чичероне въ Бахчисараѣ лицо немаленькое...

Идемъ къ воротамъ святой обители. Всюду таже зелень по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ сторонѣ пирамидальные тополи и горный ручей. Икона Успенія и Господа Вседержителя охраняютъ входъ надъ вратами.

Сразу же за стѣнами монастыря начинается городъ. Спачала идутъ по наружной стѣнѣ монастырскія лавочки, потомъ частные дома. Послѣ монастырской тишины и пѣнія монаховъ невольно рѣжетъ ухо крикъ татарчатъ, купающихся въ водѣ. Одна за другою открываются уличныя сценки. Маленькая дѣвочка несетъ мальчугана за плечами. Маленькій всадникъ съ достоинствомъ озирается вокругъ. Близъ стѣнъ домовъ попадается на встрѣчу нѣсколько татарокъ, каждая покрыта бѣлымъ покрываломъ, а лицо наполовину завязано бѣлымъ платкомъ. Шествуютъ важно, въ спокойствіи чинномъ... напоминая намъ, съ непрывычки, изображеніе Лазаря. Близко ханскій дворецъ. Получасовая остановка и—путь до вокзала. Любовно прощаемся съ Мусуютомъ, благодаримъ его за хлопоты и, слѣдуя обычаю всѣхъ туристовъ, испрашиваемъ себѣ позволеніе осмотрѣть жилище старыхъ хановъ. Не знаемъ только, чего смотрѣть здѣсь: все или слишкомъ обычно, или слишкомъ непонятно и мало—знакомо. Обстановка совершен-

но чуждая и не внушающая неспеціалисту никакого интереса ни со стороны бытовой, ни со стороны археологической. Однакожъ входимъ, въ сопровожденіи одного изъ стражей. Пыльная, обветшалая лѣстница ведетъ кверху. Одна за другою проходимъ комнаты пріемныя и гостиныя, останавливая вниманіе на утвари и каминахъ, оригинально въ каждой комнатѣ вдѣланныхъ въ стѣну, видимъ комнату, откуда ханъ, по словамъ проводника, наблюдалъ справедливо ли судятъ, проходимъ въ золотой кабинетъ, гдѣ „ханскія жены фрукты и сладости купали“ и наконецъ идемъ къ „фонтану слезъ“, описанному Пушкинымъ въ извѣстномъ стихотвореніи *). Фонтанъ также ничѣмъ не знаменитъ, кромѣ соединенныхъ съ нимъ историческихъ сказаній. По внѣшнему виду, это большая голландская печь, украшенная израсцами, среди которыхъ утверждены три большихъ и семь малыхъ крановъ съ лѣнивыми струйками довольно грязноватой воды. Фонтанъ стоитъ въ углу крытаго стекломъ двора, недалеко отъ комнаты, бывшей темницы полячки Маріи Потоцкой, которая, попавъ въ теремъ, не хотѣла промѣнять католичество на мусульманство. Дальше слѣдуетъ ничѣмъ неинтересная комната, гдѣ „ханъ отдыхалъ въ лѣтніе дни“, купальня ханскихъ женъ, судная зала и наконецъ гаремъ. Проводникъ сопровождалъ наше пребываніе здѣсь подробными объясненіями, особенно для насъ стѣснительными въ виду близости лицъ женскаго пола. Съ террасы гарема любовались на спѣлыя вишни, бо было время обѣда, а татаринъ на вокзалѣ угостилъ насъ плохо, да и прошли мы не-мало мѣста. Просимъ проводника показывать дворцы скорѣе и останавливаться только на главномъ, затѣмъ быстро осматриваемъ остальные покои и выходимъ въ садъ.

Какъ ни нужно намъ было спѣшить на вокзалъ, тѣмъ не менѣе долго не могли мы оторвать зачарованнаго взора отъ ханскаго садика. Цвѣтники, необычайно симметрично и въ разныхъ формахъ расположенные кустарники букса, а главное холодная вода въ водоемѣ, похожемъ на чашу, и фонтанъ, напоминающій стеклянный колпакъ, невольно останавливаютъ наше утомленное вниманіе.

*) Сочиненія Пушкина, изд. 1897 г., стр. 70—80.

Осмотръ конченъ. Хотѣли побывать еще въ мечети, но насъ не пустили, да и рады были мы, что не пустили: устали, — впечатлѣнія коломъ приходится вбивать въ голову.

Близко къ полудню. Отъ ханскаго дворца до вокзала двадцать минутъ. Идемъ, вѣрнѣе, бѣжимъ той же улицей, что и утромъ на зарѣ. Теперь здѣсь уже необычайное оживленіе: торгуютъ всѣмъ, чѣмъ только можно торговать; тѣснота, грязь, громкій говоръ и пыль такая, какой мы даже и въ Самарѣ не видали,—известковая, ядовитая. Лавочекъ здѣсь тысячи и продавцовъ, навѣрно, больше, чѣмъ покупателей. Не меньше и вывѣсокъ; есть между ними даже такія, которыя можно смѣло отнести въ область археологіи. На одной изъ нихъ читаемъ: „Парикмахерская. Цирюльникъ такой то номеръ“. Многіе продавцы сидятъ безъ дѣла: пьютъ кофе, курятъ трубку или читаютъ газету. Двое торговцевъ — старый, сѣдой старикъ и маленькій татарченокъ разыгрались, ловятъ другъ друга.

Вскорѣ мы пришли на станцію и, какъ всегда, раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Опять — въ объятія Аблыкина. При дневномъ свѣтѣ онъ потерялъ свою привлекательность, да и мы, усталые отъ дороги, не расположены больше быть любезными. Расплачиваемся за храненіе вещей, холодно прощаемся, тащимъ свои чемоданы въ вокзалъ и ждемъ часа отъѣзда сначала въ залѣ перваго класса, а потомъ на платформѣ. Ровно въ двѣнадцать часовъ на горизонтѣ, въ ущельи, между горами показалась черная змѣйка, стала расти, приближаться и наконецъ съ шумомъ и грохотомъ предстала предъ нами въ видѣ пассажирскаго поѣзда, который повезетъ насъ въ Севастополь...

Половина перваго. Нашъ отъѣздъ изъ Бахчисарая безусловно торжественный. Въ одномъ вагонѣ съ нами ѣдетъ оркестръ: флейта, барабанъ и духовая труба, и услаждаетъ нашъ слухъ отрывкомъ изъ оперы „заткни уши и бѣги вонъ“. Мотивъ напоминаетъ лезгинку, но исполняется съ такой экспрессіей, что даже кондукторъ, привыкшій на желѣзной дорогѣ ко всякимъ концертамъ, возмущается и „принимаетъ мѣры къ прекращенію безпорядковъ въ вагонѣ“. По обѣ стороны поѣзда поля, — скошен-

ныя копны овса или ячменя — не различишь издали; по мѣстамъ попадаются копны неубраннаго сѣна. Вдали — Байдарскія ворота и ущелье покрытое синей дымкой Нѣсколько въ сторонѣ ряды пирамидальныхъ тополей. Среди желтѣющей жнивы бѣлой лентой извивается каменистая дорога. Горная рѣчка струится невдалекѣ, едва — едва перебѣгая по камешкамъ. На возвышеніяхъ тамъ и здѣсь пріютились по мѣстамъ каменныя бѣлыя сакли, окруженныя со всѣхъ сторонъ цвѣтниками и садиками. Миновавъ нѣсколько станцій, въѣзжаемъ въ ущелье. Поѣздъ мчится подъ самой горой и на такомъ близкомъ разстояніи отъ выступа, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ успѣваетъ сорвать зеленую вѣтку, протянувшуюся въ окно вагона. Стѣны — съ той и другой стороны, и такія высокія, что какъ будто даже нѣсколько темнѣе стало въ вагонѣ. На страшной высотѣ перекинутъ желѣзнодорожный мостъ; сердце сжимается, когда смотришь внизъ изъ окна вагона. На минуту выѣзжаемъ на вольный просторъ съ прекраснымъ видами на окрестности. Вдали на горизонтѣ виднѣется Черное море. Пристальнымъ взоромъ можно даже различить корабли, движущіеся въ разныхъ направленіяхъ... Въ нашемъ вагонѣ вдругъ, среди бѣла дня, начали зажигать фонари. Удивленные этимъ необычнымъ явленіемъ, говоримъ кондуктору, что ночь еще далеко. Тотъ отвѣчаетъ дѣловымъ тономъ: „сейчасъ туннель“...

На-дняхъ я читалъ описаніе туннели, сдѣланное какимъ-то поэтомъ, настолько преувеличенное и слащавое, что послѣ этого пропадаетъ совсѣмъ желаніе описывать чудо желѣзнодорожной техники Дѣло въ дѣйствительности обстоитъ гораздо проще, чѣмъ пишутъ. На вашихъ глазахъ поѣздъ врывается въ какое-то чудовищное жерло, скованное по бокамъ, по камню, громадными желѣзными болтами, идетъ въ этомъ темномъ пространствѣ внутри земли минутъ пять — десять, потомъ снова выѣзжаетъ на волю. Не испытали мы ни страховъ, ни ужасовъ въ этой темнотѣ среди бѣла дня; впрочемъ и вообще мы „обстрѣлялись“ за время дороги, привыкли ко всякимъ сильнымъ впечатлѣніямъ и пріобрѣли драгоцѣнную способность не удивляться ничему новому. На слѣдующей туннели становимся еще смѣлѣе: наполовину выставляемъ-

ся изъ окна и внимательно разсматриваемъ сырыя стѣны подземелья. Поѣздъ снова съ шумомъ вбрасывается въ жерло; навстрѣчу намъ летятъ и заслѣпляютъ глаза пыль, камешки и мелкія щепки; кто-то пытается острить, преувеличивая впечатлѣнія, говоритъ, что „полѣньями черти кидаются“... Очень интересно на послѣднемъ зигзагѣ, который дѣлаетъ поѣздъ, посмотрѣть, какъ среди темноты, въ которую пробивается свѣтъ изъ конца туннели, вылетаютъ изъ локомотива клубы дыма и разсѣиваются подъ сводами туннели. Поѣздъ мчитъ еще быстрѣе. На минуту мелькнулъ передъ глазами Инкерманскій монастырь, свѣсившійся на высокой скалѣ; показалась и опять пропала морская бухта. Послѣ Инкермана небольшая остановка,—послѣдняя станція предъ Севастополемъ,—станція такая же маленькая и чистенькая, какъ и всѣ желѣзнодорожныя станціи въ Крыму. Всюду цвѣтники, зелень деревьевъ, бѣлыя зданія, сложенныя изъ одного камня и надиво чисто облицованныя. Общее пріятное впечатлѣніе уютности дополняютъ фигуры монаховъ, явившихся сюда для сбора на монастырь. Поѣздъ опять вибрируетъ между скалами съ такой быстротой, что не успѣваешь схватывать впечатлѣнія: мелькнетъ предъ глазами красивый ландшафтъ: часовня на горѣ съ золотыми главами среди зелени, двѣ-три сакли на какомъ-нибудь замысловатомъ уступѣ,—мелькнетъ на одну минуту и пропадетъ сразу же, не успѣешь даже моментальную фотографію снять. Морская бухта показывается то справа, то слѣва поѣзда, невольно останавливая на себѣ непривычный взоръ цвѣтомъ морской воды, причудливо мѣняющимся на солнцѣ... Съ трескомъ въѣхали въ послѣднюю туннель, и чувствуемъ себя уже совершенно какъ дома. О. духовникъ и „дядя В.“ наполовину высунулись изъ окна и съ большимъ рискомъ для себя пытаются достать стѣну искусственной пещеры, въ темнотѣ путаются и одушевленно смѣются. Это—послѣднее удовольствіе за продолженіе длиннаго пути. Выѣзжаемъ на свѣтъ и предъ нами открывается дивная картина: море и Севастополь. Какъ онъ хорошъ, этотъ городъ! Ни одной лачуги, ни одного полуразвалившагося деревяннаго зданія. Всюду роскошныя каменныя постройки, удивительно красивой архитектуры, мѣстами напоминаю-

щей древній греческій стиль. И не только дома, но и службы и всѣ остальныя сооруженія сдѣланы изъ камня и непремѣнно обтесаны до чрезвычайной гладкости и выкрашены въ бѣлую краску. Одно только несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе производитъ въ этомъ городѣ, это – скудость зелени, но и тутъ положительныя чудеса дѣлаетъ южное солнышко: прозябаютъ деревья даже на скалахъ, гдѣ всего какая-нибудь четверть земли сохранилась между камнями.

Слово „Севастополь“ всѣ послѣдніе дни было для насъ магическимъ. Съ этимъ названіемъ города мы соединяли понятіе о раѣ земномъ, и чѣмъ ближе мы приближались къ нему, тѣмъ трогательнѣе и нѣжнѣе становились наши чувства. Быть можетъ сама природа въ значительной степени содѣйствовала развитію этого настроенія: теплый, ласкающій вѣтерокъ, лучи солнышка, совершенно чуждые того жгучаго зноя, къ которому мы привыкли въ степныхъ селеніяхъ, легкая влажность моря,— все это чрезвычайно сильно дѣйствовало на усталый организмъ, располагая къ отдыху и въ тоже время въ значительной степени понижая энергію. Мы не привыкли жить въ этой нѣжащей атмосферѣ; она намъ очень вредна, несмотря на всю внѣшнюю пріятность и мягкость; намъ полезнѣе степной буранъ, осенняя слякоть, дождь и непогода...

СЕВАСТОПОЛЬ.

Севастопольскій вокзалъ въ день нашего пріѣзда имѣлъ видъ въ высшей степени торжественный. Все городское духовенство, въ крестахъ и регаліяхъ, собралось на площадкѣ подъ навѣсомъ встрѣчать своего Владыку, пріѣхавшаго служить въ Херсонскій монастырь. Въ толпѣ этихъ духовныхъ особъ былъ и нашъ отецъ ректоръ, прибывшій сюда еще утромъ и теперь отыскавшій уже намъ помѣщеніе въ одной изъ городскихъ церковно-приходскихъ школъ. Это первое и единственное во время всего пути одолженіе, которое намъ сдѣлали южные жители; во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ всякіе расходы по содержанію и найму мѣста для ночлега нами были принимаемы на свой счетъ. Впрочемъ, и это одолженіе обусловливалось случайностью,—любезнымъ вниманіемъ

къ намъ со стороны о. благочиннаго, котораго ректоръ встрѣтилъ на вокзалѣ и случайно разговорился. Послѣ предварительныхъ привѣтствій, испрашиваемъ у ректора позволеніе остаться на морѣ часъ или два и затѣмъ всей гурьбой отправляемся въ желѣзнодорожную ванну, платимъ здѣсь „на чай“ и сидимъ въ водѣ ровно часъ. Это первая глупость, которая была сдѣлана въ Севастополѣ. Многимъ изъ нашей компаніи, даже людямъ сильной комплекціи, она стоила десятка безсонныхъ ночей, а пишущему эти строки — полутора мѣсяцевъ серьезной болѣзни. Съ самаго начала, впрочемъ, морское купанье не сказалось никакими непріятными послѣдствіями. Въ первые часы, выйдя изъ воды, всѣ чувствовали себя совершенно обновленными, будто другіе люди стали; непривычное только ощущеніе нѣги во всемъ организмѣ нѣсколько измѣняло обычное дѣловое настроеніе... Сегодняшній день положительно удачный: „купались во облакѣ и въ морѣ“: утромъ въ горахъ, подъ облаками, вечеромъ въ морской бухтѣ.

Возвратившись черезъ часъ изъ купальни на вокзалъ, долго еще ожидали прибытія, „руководителей“, отправившихся приготовить намъ мѣсто ночлега. Отъ скуки разыскали земляка — великоросса, нашего извозчика—ломовика, и въ полудремотѣ слушали его длинную, съ прикрасами, повѣсть о крымской природѣ: о томъ, какъ здѣсь, на южномъ берегу Крыма, зимы не бываетъ, какъ хлѣбъ до Троицы сжинаютъ, какъ мѣряли глубину южной бухты и намѣряли двѣсти саженъ: любитъ красное словечко русскій человѣкъ, даже отца съ матерью, говорятъ, не пощадитъ для него. Послѣ долгихъ странствій явился изъ экскурсіи о. духовникъ и обычнымъ своимъ присловьемъ „скорѣй, скорѣй“! воротилъ намъ прежнюю бодрость. Живо уложили свои вещи и быстро на электрическомъ трамваѣ поднялись въ гору, а затѣмъ пѣшкомъ уже пошли къ Петропавловской церкви, знаменитой тѣмъ, что она есть точнѣйшая копія съ стариннаго греческаго храма Тезея. Завтра предстоитъ освященіе этой церкви, и потому здѣсь всюду вымыто, вычищено, убрано. На каменномъ дворѣ ни пылинки нѣтъ. Привѣтствуемые добродушнымъ лаемъ двухъ маленькихъ шавокъ, мы вошли въ зданіе церковной школы и остановились въ недоумѣніи:

это ли церковно-приходская школа? Такихъ школъ нѣтъ у насъ, да, пожалуй, по чистотѣ и опрятности и семинарію такую не вдругъ сыщешь. Всюду образцовый порядокъ и убранство; въ переднемъ углу художественной работы образъ Покрова Богоматери съ большой синей лампадой; по стѣнамъ географическія карты и портреты государей и архіереевъ. Свѣту масса: четыре громадныхъ окна, обращенные на югъ, освѣщаютъ комнату. Мы пожалѣли занимать своими вещами начисто убранный классъ и помѣстились въ столовой. Мебели здѣсь не было, если не считать чайный столъ съ нѣсколькими стульями: мѣста много, достанетъ не только для помѣщенія нашихъ чемодановъ, но и для импровизированнаго ночлега прямо на полу. Устроившись, идемъ обѣдать въ ближайшую изъ городскихъ гостинницъ. Обѣдъ былъ на этотъ разъ хотя и съ абрикосами, но далеко не первоклассный. Во время обѣда узнаемъ, что на дняхъ пріѣхали въ Крымъ окончившіе курсъ воспитанники семинаріи и ученицы Епархіальнаго училища для осмотра Севастополя. Послѣ обѣда и до самаго вечера путешествуемъ по главнымъ улицамъ города, покупая фотографіи и альбомы видовъ Севастополя и всего Крыма. Поздникъ вечеромъ посѣщаемъ почтамтъ, въ надеждѣ получить какую нибудь вѣсточку изъ родныхъ краевъ, но наши родные и знакомые настолько въ этотъ разъ къ намъ невнимательны, что, не смотря на обѣщанія, не прислали ни одного письма. Посылаемъ имъ открытыя бланки съ видами Севастополя и въ досадѣ и огорченіи возвращаемся домой. Поздникъ вечеромъ, уже много времени спустя послѣ заката, гуляемъ по берегу моря, слушаемъ, какъ поютъ вечернюю молитву матросы на крейсерѣ „Москва“ и послѣ долгихъ поисковъ мѣста, дѣлаемъ вторую и уже совсѣмъ непростительную глупость — купаемся вторично. На обратномъ пути долго смотримъ, какъ въ темнотѣ ночи неслышно крадется пассажирскій пароходъ, затѣмъ покупаемъ вишни и черешни и выспрашиваемъ торговца, гдѣ и когда бываетъ сильнѣе качка на морѣ. Въ одиннадцатомъ часу, при открытыхъ окнахъ, въ поэтической обстановкѣ лунной ночи и шумящаго моря, пьемъ чай и, утомленные дневными трудами, ложимся спать ранѣе обычнаго.

25 іюня. Воскресенье. Послѣ ранней обѣдни и спѣшнаго чая одѣваемся по праздничному, пріѣзжаемъ на конкѣ къ Графской пристани и, спустившись внизъ по широкой каменной лѣстницѣ, садимся въ яликъ. Утро ясное; на небѣ ни облачка. Въ воздухѣ чувствуется ласкающая влажность, согрѣваемая нѣжными лучами привѣтливаго южнаго солнышка. Море переливается на солнцѣ разными цвѣтами: темно-синимъ, свѣтлозеленымъ, по мѣстамъ почти бѣлымъ. Лодка легко держится на водѣ, весело всплескиваютъ и разсыпаютъ вокругъ радужные брызги тяжелыя весла. Легкій вѣтерокъ рябитъ на поверхности, слегка покачивая нашъ утлый яликъ. Велимъ плыть къ броненосцамъ.

Чудныя картины открываются вокругъ. Позади и направо южный городъ во всей чистотѣ и великолѣпіи праздничнаго лѣтняго дня; вдали — нѣсколько влѣво — знаменитое Братское кладбище; направо — Малаховъ Курганъ; на поверхности бухты красуются внуки тѣхъ кораблей, которые утоплены были въ тяжелую годину обороны Севастополя. Съ трепетнымъ чувствомъ живѣйшаго интереса спрашиваемъ лодочника, гдѣ броненосцы и, когда онъ показываетъ глазами въ прямомъ направленіи, внимательно всматриваемся въ глаза двумъ морскимъ чудовищамъ, предъ которыми мы съ своей маленькой лодкой кажемся совсѣмъ ничтожными. Остовъ стальнаго корабля съ золочеными гербами на черномъ фонѣ, съ желтыми большими трубами и цѣлой системой военныхъ приспособленій, грозный, неподвижный производитъ впечатлѣніе поражающее и надолго остается въ памяти. Каждый спѣшитъ подѣлиться мыслями съ сосѣдомъ; кто то разсказываетъ, какъ матросы купаются въ морѣ, бросаясь по командѣ съ этого чудовища внизъ головой; лодочникъ знакомитъ другихъ съ здѣшними порядками, объясняетъ, почему нельзя плыть къ броненосцу съ лѣвой стороны и, завидя украшенный крестомъ бѣлый флагъ на кормѣ, говоритъ, что на кораблѣ теперь идетъ обѣдня. Подъѣзжаемъ ближе. Немного жутко съ непривычки. Около кормы корабля, ниже громадной, по черному фону, золотыми славянскими буквами надписи: „Георгій Побѣдоносецъ“ видѣются изъ круглаго стальнаго окна масса свѣчей и чрезъ всплескъ волнъ, слы-

шится чтеніе часовъ предъ литургіей. Часы на пароходѣ бьютъ девять. Мы огибаемъ корабль вокругъ и, причаливая къ лѣстницѣ, просимъ доложить дежурному офицеру. Матросы съ нѣкоторой медлительностью исполняютъ нашу просьбу. Черезъ минуту на краю борта показывается толстая фигура „вахтеннаго“ и на нашу просьбу осмотрѣть броненосецъ, насколько можно любезно, отвѣчаетъ, что къ крайнему сожалѣнію, сейчасъ нельзя этого сдѣлать, потому что у нихъ „идетъ молитва“, но что если намъ будетъ угодно, то мы можемъ пріѣхать для этого часа въ два или позже... Держимъ дальше курсъ къ другому броненосцу — „XII апостоловъ“, также объѣзжаемъ корабль вокругъ, пристаемъ у сходни, и также просимъ разрѣшенія осмотра. Здѣсь экипажъ гораздо веселѣе и любезнѣе; сразу же отвѣтили намъ полной готовностью, и лишь только успѣли мы подняться на тратъ, офицеръ поспѣшилъ распорядиться дать намъ двухъ проводниковъ, которые и повели насъ по всему кораблю. Нужно признаться, что, не смотря на талантливое, вполнѣ научное и образное по изложенію, объясненіе проводника, мы доброй половины не поняли изъ его лекціи объ устройствѣ морского чудовища. Видѣли только, что это—мертвый, мѣдный организмъ, несокрушимой плотности и силы,—организмъ, гдѣ все имѣетъ своей исходной точкой сердце корабля—машину, и гдѣ всякая мелочь приспособлена къ отправленію потребностей цѣлаго, гдѣ ни одинъ винтикъ, ни одна проволока не пропадаетъ даромъ. Проводникъ нашъ показывалъ приспособленія для стрѣльбы, вентиляціи, перегонки соленой воды въ прѣсную, искусство прицѣла орудій, аппараты, по которымъ передаются распоряженія командира съ такимъ разсчетомъ, чтобы всякій человѣкъ закупоренный съ четырехъ сторонъ, могъ знать, что дѣлается на пароходѣ: показывалъ помѣщенія для припасовъ, жилища матросовъ, объяснялъ ихъ бытъ, обязанности, образъ жизни, провелъ насъ по офицерскимъ каютамъ, побывалъ вмѣстѣ съ нами въ канцеляріи корабля, гдѣ рядомъ съ письменнымъ столомъ стоитъ пушка, провелъ насъ на тратъ, на верхнюю мачту, объяснялъ устройство главныхъ орудій, высматривающихъ съ носовой части изъ подъ сфероидальной бѣлой покрышки. Съ сре-

ціальнаго разрѣшенія, мы успѣли записать нѣкоторыя цифры, касающіяся броненосца: „эскадренный броненосецъ XII апостоловъ" длины 49, ширины 9 саженъ, имѣетъ 4250 индикаторныхъ силъ; содержитъ 584 человѣка команды; имѣетъ 20 пушекъ, изъ которыхъ одна, „двѣнадцати-дюймовая" вѣситъ 3103 пуда 20 фунтовъ; броненосецъ снабженъ находящимся на палубѣ складнымъ спасательнымъ аппаратомъ на 180 человѣкъ.

Въ заключеніе намъ показали складную церковь и объяснили, гдѣ и какъ устраивается для богослуженія походный алтарь.

Благодаримъ матросовъ и, сопровождаемые добродушными благожеланіями, ѣдемъ обратно. Въ бухтѣ поднялся вѣтеръ; волненіе усилилось настолько, что нашу лодку бросаетъ какъ щепку изъ стороны въ сторону и брыжжетъ въ лицо водою. Поручаемъ самому сильному изъ насъ „дядѣ" натянуть парусъ. Тотъ пытается его привязать веревкой, парусъ не слушается и вырывается изъ рукъ. „Дядя" ловитъ его и, какъ домашнее ручное животное, уговариваетъ лаской.

Съ парусомъ дѣло вдвое быстрѣе пошло. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже на Севастопольскомъ берегу и наслаждаемся купаньемъ и гимнастикой въ морскихъ волнахъ, а затѣмъ обѣдаемъ на берегу моря... Съ балкона вокзала, на которомъ сервированъ столъ, открывается прекрасный видъ на крѣпость и морскую бухту, поспѣвшую отъ волненія. Волны будто бѣгутъ, догоняютъ другъ друга, другія идутъ имъ на встрѣчу и, разбиваясь, выбрасываютъ кверху цѣлые клубы бѣлой пѣны. Разыгралась страшная стихія и намъ, непривычнымъ людямъ, шутить съ ней не приходится. Иное дѣло матросы: они не боятся никакой погоды, никакихъ волнъ. Вотъ и сейчасъ предъ нами одинъ изъ нихъ плыветъ на другой берегъ въ маленькой лодочкѣ. Жутко смотрѣть, какъ волны подбрасываютъ его кверху и почти заливаютъ лодку, а ему, очевидно, это дѣло привычное: играючи, работаетъ веслами, вступаетъ съ волнами въ рукопашную схватку, идетъ имъ наперерѣзъ, огибаетъ вокругъ и, не смотря на ихъ страшную силу, все-таки достигаетъ до берега. Долго мы съ

сжимающимся сердцемъ слѣдили за этой упорной борьбой и наконецъ только, когда борецъ вышелъ на берегъ, вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ.

Выйдя изъ ресторана, идемъ городскимъ садомъ по берегу моря и спрашиваемъ встрѣчнаго джентльмена, гдѣ біологическая станція. Онъ указываетъ на музыкальную раковину и говоритъ, что дойдя до нея, слѣдуетъ спуститься къ морю. Идемъ въ указанномъ направленіи и входимъ въ домъ, устроенный на самомъ морскомъ берегу, основаніемъ вровень, если не ниже, съ уровнемъ моря. Спускаемся далѣе, по лѣстницѣ въ подводное царство, въ гости къ Водяному царю. Предъ самой лѣстницей, за колоннами помѣщается окруженный перилами главный бассейнъ. Здѣсь живутъ вельможи водяного царства: на полу, въ водѣ, на самомъ днѣ бассейна, лежитъ громадный омаръ (морской ракъ) и съ достоинствомъ озирается кругомъ, сосредоточенно поводя усами; рядомъ съ нимъ пара скатовъ, похожіе на маленькій разноцвѣтный коверъ, съ глазами, напоминающими часы старинной работы, гдѣ на циферблатѣ изображена какая нибудь фигура съ глазами, движущимися вправо и влѣво, соотвѣтственно движенію маятника. Рекомендуемся и отдаемъ поклонъ этимъ важнымъ особамъ и идемъ дальше, знакомиться съ меньшею братіей. По обѣ стороны бассейна, черезъ корридоръ, устроены, въ уровень моря, наполненные проточною водою стеклянные шкафы со свѣтомъ, падающимъ чрезъ окна сверху и здѣсь, въ разныхъ отдѣленіяхъ встрѣчаютъ и привѣтливо провожаютъ насъ морскіе узники. Каждое изъ живущихъ здѣсь морскихъ существъ нашъ проводникъ называетъ по имени и отчеству; нѣкоторыхъ мы сами узнаемъ, какъ старыхъ волжскихъ знакомыхъ. Предъ нами, за стекломъ морской конекъ: поводитъ на насъ глазомъ и останавливается въ недоумѣніи, откуда появилась такая масса народу: дальше — медуза, выплывшая кверху, почти подъ самое окно и спустившаяся внизъ, только лишь мы подошли къ ней. Очень интересное созданіе: съ виду совсѣмъ паутина, а живая: дышитъ и чувствуетъ. Еще дальше — морской ершъ. И здѣсь у него такой же скверный характеръ, какъ на рѣкѣ. Онъ положительно возмущенъ нашимъ

присутствіемъ и, не имѣя возможности выразить въ словахъ свое негодованіе, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ по бассейну, не можетъ успокоиться. Въ слѣдующей витринѣ „ракъ—отшельникъ“ живетъ въ своей норѣ по долгу безъ питья и пищи; осматриваемъ со всѣхъ сторонъ его келью и желаемъ ему успѣшно подвизаться. Недалеко отъ него наши старинные знакомые—осетръ и морская стерлядь. Этимъ мы сами рекомендуемся, безъ помощи проводника. Осетръ—малый веселый и общительный, должно быть молодой еще, близко подходитъ къ намъ, уставляется носомъ въ стекло и смотритъ на насъ во всѣ глаза, очевидно радуясь, что къ нему земляки съ низовой Волги пріѣхали. Остается только устроить рукопожатіе, жаль стекло мѣшаетъ. Но есть здѣсь и злой народъ. Проводникъ показываетъ камболу, морскую змѣйку и объясняетъ, что непремѣнно распухнетъ рука, если она укуситъ...

Это, кажется, самая интересная страничка изъ нашихъ научныхъ наблюденій. Будто всѣхъ насъ помѣстили въ стеклянный колпакъ и опустили въ воду, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Невольно пожалѣли въ этотъ разъ, что мало изучали мы естественныя науки и что смотря кверху, не видѣли того, что дѣлается у насъ предъ глазами, не знали и не понимали, что всякое растеніе, всякое животное живетъ жизнью едва-ли менѣе интересной и менѣе сложной, чѣмъ жизнь человѣческая.

Послѣ осмотра станціи отправляемъ „о. благочиннаго“ и двухъ-трехъ его „слугъ вѣрныхъ“ нанимать извозчиковъ для поѣздки въ Георгіевскій монастырь и въ Херсонесъ, а сами садимся на ближнихъ лавочкахъ и отдыхаемъ, забавляясь праздными разговорами. Черезъ десять минутъ посланные возвращаются съ извѣстіемъ, что „экипажи готовы“, наняты очень дешево (за 15 рублей) и что ямщики просятъ насъ пожаловать. Отвѣчаемъ восторженнымъ выраженіемъ удовольствія. Любому генералу не стыдно было бы на такихъ экипажахъ проѣхать. У насъ въ Самарѣ не найти ничего, сколько-нибудь подобнаго. Пролетка съ соломеннымъ красивымъ кузовомъ, съ фонарями, обитая краснымъ сукномъ, съ четырьмя обычными мѣстами въ двукопномъ экипажѣ и съ пятымъ позади; бѣлый зонтъ во всю длину экипажа, укрѣпленный

на столбикахъ; цвѣтной коверъ подъ ногами и пара рослыхъ вороныхъ лошадей въ блестящей упряжи: совершенно аристократическій экипажъ!... Занимаемъ мѣста, располагаясь какъ въ мягкомъ креслѣ и приказываемъ себя везти чрезъ главную улицу города. Это — праздникъ на нашей улицѣ, послѣ продолжительныхъ трудовъ и лишеній. Какъ будто мы возвысились въ своихъ глазахъ. Даже о. духовникъ измѣнился: пропало озабоченное выраженіе на его лицѣ и смѣнилось благодушіемъ и сознаніемъ собственнаго достоинства. Морское купанье на него дѣйствуетъ положительно благотворно: помолодѣлъ на пять лѣтъ... Выѣхали за городъ. Миновали каменныя постройки и ѣдемъ каменной пустыней. Зелени совсѣмъ нѣтъ: все выжжено палящимъ солнцемъ. Въ сторонѣ сжатыя копны хлѣба, груды камней и изрѣдка лишь попадется на пути садикъ или полоска виноградника, защищенная отъ воровъ каменной стѣной съ осколками стекла вверху, или столбами съ колючками на проволокѣ. На горизонтѣ съ одной стороны синее море, съ другой Чатырдагъ, все еще величественный, не смотря на то, что до него сто двадцать верстъ разстоянія. Вѣтерокъ, пыль подымается. Извозчикъ пускается въ воспоминанія о Севастопольской оборонѣ: показываетъ намъ мѣста, гдѣ были соединенныя войска французскія, англійскія и итальянскія и говоритъ, что до Крымской компаніи здѣсь, на всемъ пространствѣ были сады, и что союзныя войска все мѣсто обратили въ пустыню; показываетъ затѣмъ вдали кладбище французовъ и объясняетъ, что всякій разъ, когда потомки здѣсь похороненныхъ пріѣзжаютъ почтить ихъ поминовеніемъ, севастопольцы встрѣчаютъ чужеземныхъ гостей съ честью, устраиваютъ имъ вечера и обѣды. Вѣтеръ крѣпчаетъ. Озабоченный предстоящей намъ поѣздкой въ Ялту, извозчикъ показываетъ по направленію къ Херсонесу и сочувственно замѣчаетъ: „поѣдете въ Ялту, около Херсонесскаго маяка трепыхнетъ“... Разговоръ далѣе переходитъ на мѣстныя темы; извозчикъ жалуется на дороговизну жизни въ Севастополѣ (сѣно стоитъ 75 коп. пудъ) и говоритъ, что только и отдыхаютъ они въ дни пріѣзда Высочайшихъ особъ, когда ихъ наряжаютъ по праздничному и платятъ большія деньги. Разсказываетъ, что зимы здѣсь со-

всѣмъ не бываетъ, снѣгъ выпадаетъ два раза въ годъ и всякій разъ на удивленіе богатымъ и бѣднымъ севастопольцамъ. Богатые, говоритъ онъ, если и ночью снѣгъ выпадетъ, сейчасъ будятъ всѣхъ дѣтей своихъ ѣхать кататься по первопутку, а бѣдные спѣшатъ убрать его въ свой погребъ. Весна здѣсь бываетъ въ мартѣ, и только въ этомъ мѣсяцѣ трава зеленѣетъ, а въ апрѣлѣ и въ маѣ уже все выжжено солнцемъ—вотъ какъ теперь,—показываетъ онъ кругомъ на дикій бурьянъ въ сторонѣ и на несжатую, затерявшуюся среди пустыни полоску ячменя... За разговорами незамѣтно проѣхали одиннадцать верстъ. Еще въ половинѣ дороги показавшаяся за горою колокольня Георгіевскаго монастыря стала приближаться все больше и больше и наконецъ показалась совсѣмъ близко рядомъ съ обнесенными оградой монастырскими строеніями. Снаружи монастырь не представляетъ ничего привлекательнаго: обыкновенный соборный храмъ, лавочка, корпуса братіи. Насъ встрѣтилъ у подъѣзда послушникъ и повелъ внутрь ограды, показывая въ порядкѣ древнія святыни. Побывали мы вмѣстѣ съ нимъ въ двухъ церквахъ, видѣли въ коридорѣ келлій икону Георгія Побѣдоносца на стеклѣ, посмотрѣли на старинную живопись, лампады и орнаменты, но ни на одной изъ нихъ не остановились съ должнымъ вниманіемъ. За продолженіе длиннаго пути столько мы видали храмовъ и старинныхъ иконъ, что всѣ они перепутались въ памяти и не скажешь теперь навѣрное, къ которому вѣку каждая изъ нихъ относится. Дальше проводникъ повелъ насъ въ третью церковь, выдѣланную въ пещерѣ, и видя, что мы доселѣ съ малымъ лишь вниманіемъ осматривали старинные памятники, вскользь и мимоходомъ обмолвился при своихъ объясненіяхъ, что эта церковь временъ Климента Римскаго. Стоило ему произнести эти слова, какъ вдругъ сразу же пропала вся наша усталость и мы съ чрезвычайной тщательностью разсмотрѣли и запомнили всякое углубленіе, всякій уступъ въ алтарной нишѣ, сохранившейся отъ перваго вѣка. Трудно передать словами чувства, которыя мы испытали. Живо воскресли въ нашемъ сознаніи всѣ, какія только были намъ извѣстны, картины жизни первыхъ христіанъ—отъ потаенныхъ моленій въ катакомбахъ и до креста и колесованій на пло-

щадяхъ и улицахъ. Лихорадочно работавшее воображеніе рисовало фантастическія сцены одна за другой; казалось, дано намъ было въ этотъ моментъ перенестись за два тысячелѣтія назадъ и умными очами видѣть первыхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, умѣвшихъ силою слова обращать къ истинной вѣрѣ сотни новыхъ послѣдователей, видѣть первыхъ послѣдователей новой вѣры, охватившей тогда весь греко-римскій міръ, простершейся своимъ вліяніемъ даже на окраины всемірной имперіи. Удивленный вдругъ пробудившимся у насъ интересомъ, монахъ разсказываетъ, что въ пяти верстахъ отъ этого мѣста, недалеко отъ Балаклавы, есть балка, съ которой брошенъ былъ въ море первый римскій епископъ (ее увидимъ на пути въ Ялту), что вотъ на этомъ мысѣ *), который такъ рельефно выставляется изъ моря, виднаго съ монастырской набережной, въ старину, три тысячи лѣтъ тому назадъ, было языческое святилище богини дѣвственницы, которой приносили въ жертву всякаго чужестраннаго мореплавателя, попавшаго въ эти края; что здѣсь же, въ центрѣ языческаго религіознаго культа, впервые раздавалась одушевленная проповѣдь св апостола Андрея Первозваннаго, настолько успѣшная, что меньше чѣмъ чрезъ столѣтіе на мѣстѣ ея было выстроено семьдесятъ пять храмовъ, найденныхъ еп. Климентомъ на пути къ мѣсту ссылки своей въ Инкерманскія каменоломни. Послушникъ продолжалъ далѣе свой разсказъ сообщеніемъ свѣдѣній объ основаніи монастыря, показывалъ намъ громадную, выдавшуюся изъ моря скалу и говорилъ, что въ 891 году застигнутымъ бурей путникамъ, по молитвѣ ихъ, явилась здѣсь икона Великомученика Георгія Побѣдоносца. Благодарные за чудесное избавленіе отъ опасности путники перенесли ее на берегъ и, какъ гласитъ монастырское преданіе, „основали монастырь во славу Божію и во имя св. Георгія, при пещерномъ храмѣ, существовавшемъ на семъ мѣстѣ уже съ 1-го вѣка по Рождествѣ Христовѣ“. На мѣстѣ чуднаго явленія образа, на верху скалы стоитъ теперь бѣлый крестъ: съ верху кажется, что отъ него до берега не болѣе сажени, а монахъ утверждаетъ, что семьдесятъ саженъ и прибавляетъ, при

*) Мысъ—Фіолентъ.

этомъ, что „море ужасно какъ украдаетъ разстояніе“,—можно простымъ глазомъ видѣть пароходъ на разстояніи 50 верстъ.

Спѣшимъ внизъ, чтобы имѣть возможность ближе разсмотрѣть знаменитую скалу. Благодаримъ монаха и идемъ по тропинкѣ подъ гору. Издали кажется, что спускъ всего нѣсколько саженъ, но чѣмъ дальше идемъ, тѣмъ разстояніе, будто, все больше и больше увеличивается. Миновали въ полгорѣ два дачныхъ домика (одинъ резиденція Таврическаго епископа, съ прекраснымъ видомъ на море), а все еще далеко до конца. Берегъ весь заросъ зеленью, а по землѣ усыпанъ разноцвѣтными мелкими камешками, которыхъ здѣсь также много, какъ у насъ на Волгѣ крупныхъ песчинокъ. Налѣво вдали скала какъ будто бронзовая при вечернемъ освѣщеніи: ближе къ намъ—гигантскіе утесы, заржавѣвшіе, будто поросшіе мхомъ. Впереди на стоверстное пространство съ трехъ сторонъ открывается синее безбрежное море. Вѣтеръ крѣпчаетъ, море сердится, съ ревомъ выбрасывая на берегъ бѣлыя волны, одна другой больше, одна другой стремительнѣе. Издали кажется, что это не мертвая, безсознательная стихія, а живая и сильная, „сердцемъ чувствующая“, способная негодовать и глубоко возмущаться. Прислушайтесь вы къ этому своеобразному ропоту, и я увѣренъ, онъ загипнотизируетъ васъ скорѣе всякой музыкальной мелодіи; не разберешь этихъ звуковъ, не передашь ихъ на нотахъ, потому что не человѣческимъ голосомъ они произносятся, а чувствуешь, что есть въ нихъ что то близкое сердцу, то вотъ будто заплачетъ кто то вдали, то будто ударитъ гроза, то послышится ровный шумъ—не то дождь идетъ, не то лѣсъ шумитъ: и этимъ разнообразнымъ звукамъ размѣренно и сердито аккомпанируетъ громадная береговая волна. Быстро идетъ она къ берегу, съ шумомъ, какъ живая, разбивается о прибрежную скалу или близлежащіе камни и опять устремляется въ море. Болѣе смѣлые изъ нашей партіи, чуждые созерцательныхъ настроеній и способности отыскивать живую душу тамъ, гдѣ она не является непосредственно,—дѣлаютъ своеобразное примѣненіе разсердившейся морской стихіи: раздѣваются и устраиваютъ оригинальное купанье въ

морскихъ волнахъ. Волны выше человѣческаго роста, но ни почемъ они нашимъ удалымъ молодцамъ. Привыкшіе съ дѣтства къ водѣ, они шутятъ, заигрываютъ съ ними: сначала несмѣло бѣгутъ на встрѣчу волнѣ и убѣгаютъ назадъ, когда она догоняетъ, потомъ бросаются ей въ объятія, и она утаскиваетъ ихъ опять съ собою въ море, для того чтобы черезъ минуту снова возвратить на берегъ. Что дальше, то выше становятся волны; что выше волны, то больше наслажденіе. Со всей силой налетаетъ на васъ пѣнистый валъ и отбрасываетъ далеко на берегъ; секунду спустя, вода съ шумомъ бѣжитъ назадъ и увлекаетъ васъ опять съ собою. Не успѣете вы пробыть и двухъ секундъ въ свободномъ положеніи, какъ новый валъ бѣжитъ вамъ навстрѣчу, опять выбрасываетъ васъ на берегъ, и опять увлекаетъ съ собою, за нимъ третій, послѣ третьяго четвертый. А послѣ четвертаго вы начинаете входить въ азартъ, теряете всякое самообладаніе, волнуетесь, спѣшите на встрѣчу морскому прибою... Онъ опять, еще сильнѣе, сбиваетъ васъ съ ногъ, вы ловите его руками, обнимаете морскую волну, а она безпощадно закрываетъ васъ съ головой и перебрасываетъ вверхъ ногами. Кое какъ вы снова поднимаетесь на ноги. Не успѣли встать и найти точку опоры, какъ новая волна, съ еще большей силой бросается на васъ. Раньше вы сами ее ловили, сами начинали съ ней опасную игру, обнимали ее, шутливо, съ искрящимся взоромъ простирали къ ней руки, а теперь она сама вами владѣетъ, влечетъ васъ, куда вы не хотите, и вы въ безсиліи падаете, подъ стремительностью морскаго теченія. Ждете, затѣмъ, отдыхаете на усѣянномъ камнями, какъ зернами, морскомъ берегу, и опять, еще разъ, пробуете свои силы. Снова боязливо, какъ до огня, дотрогиваетесь вы до нея, ложитесь на землю, тихо, вверхъ лицомъ ползете къ ней. . но тѣмъ она грознѣе, чѣмъ вы осторожнѣе... Она забрызгиваетъ васъ морской пѣной, снова увлекаетъ съ собою, — васъ сильнаго человѣка, быть можетъ философа, вновь приводитъ въ азартъ, заставляетъ плыть между волнами и снова, теперь уже совсѣмъ, выбрасываетъ на берегъ. Вы цѣпляетесь за камни, чтобы отбой не увлекъ васъ опять въ море... Вы немного озябли, но глав-

ное — накупались. Настроеніе веселое. Нѣсколько правда устали, но пріятная нѣга во всемъ, ощущеніе будто смыли вы съ себя всю житейскую грязь и сдѣлались совершенно новымъ человѣкомъ—дѣлаетъ совершенно нечувствительнымъ утомленіе физическое. Ласкающій шумъ моря, будто зимою, въ степи, порывы вѣтра, дополняетъ впечатлѣніе и мѣшаетъ вамъ оторвать восторженный взоръ отъ бушующей стихіи. „Цѣлый бы день не ушелъ отсюда“,—добродушно замѣчаетъ нашъ пессимистъ, еще такъ недавно говорившій, что если бы зналъ, сроду бы не пошелъ по этой скверной дорогѣ на море.

Вѣтеръ крѣпчаетъ все больше. Море разыгрывается все громче и громче. Волна еще дальше достигаетъ до берега и совсѣмъ хочетъ выброситься кверху на противоположной скалѣ, гдѣ утвержденъ св. крестъ. Но высоко, очень высоко до него, не достать ей до вершины скалы. Тѣмъ сильнѣе ударяетъ она въ береговые утесы и, разбиваясь отъ нихъ, съ досадой возвращается въ море... А вдали, за водянымъ пространствомъ, видимымъ невооруженному глазу, будто синій лѣсъ, покрытый „мглою туманною“ и этотъ туманъ—чѣмъ выше, тѣмъ больше рѣдѣетъ и наконецъ совсѣмъ сливается съ небомъ. Тамъ, за этимъ горизонтомъ, въ направленіи св. креста, утвержденнаго въ скалѣ, за этимъ моремъ, бушующимъ съ такою силой, тамъ Іерусалимъ, Александрія, Аѳины, всѣ тѣ святыя мѣста, гдѣ вотъ уже много вѣковъ свѣтится свѣтъ христіанства, гдѣ онъ ярко свѣтилъ еще въ ту отдаленную пору, когда до этихъ красивыхъ береговъ доходилъ только слабый отсвѣтъ Христова ученія... Волны еще больше усиливаются, достигая камня, на которомъ я сижу и, смотря вдаль, пишу эти строки. Небо чистое, а вдали слышны раскаты грома, будто гроза разыгралась: то въ вечерней прохладѣ разбивается пѣнистый валъ о скалу, окрашенную пурпурнымъ закатомъ. Съ горы, отъ монастыря доносится тихій звонъ колокола. На небѣ свѣтитъ луна. Позади свѣсились грозныя скалы. На необъятной высотѣ одной изъ нихъ крестъ и келья пустынника, которому только разъ или два въ недѣлю приносятъ пищу. Невольно хочется въ этотъ моментъ уйти отъ людей и наединѣ побесѣдовать съ дикой природой...

Осторожно, чтобы не помѣшать моимъ мечтамъ, подходитъ ко мнѣ доселѣ наслаждавшійся грозной стихіей о. духовникъ и по секрету напоминаетъ, что уже шесть часовъ и пора ѣхать. Смотримъ еще, вмѣстѣ съ нимъ, въ морскую даль и слушаемъ музыку моря, затѣмъ поднимаемся тысячу триста шаговъ кверху, пьемъ воду изъ ключа въ стѣнѣ, украшеннаго иконами и лампадой, и присоединяемся къ компаніи купальщиковъ, которые теперь вблизи братскихъ келлій сидятъ за чайнымъ столомъ и оживленно разговариваютъ. На столѣ самоваръ, ягоды, черный хлѣбъ, соль. Спѣшно наливаютъ намъ по стакану и просятъ пить скорѣе. Чай необыкновенно вкусенъ послѣ морскаго купанья. Въ воздухѣ запахъ сжатаго хлѣба и сѣна Виды кругомъ еще чудеснѣе: подъ ногами и вдали Черное море, внизу на обрывѣ золотыя главы часовни, утопающей въ зелени. Надъ моремъ появились облака; какъ дымъ, плаваютъ они въ безграничномъ пространствѣ, свѣшиваясь и закрывая собою весь горизонтъ. Издали доносится шумъ морскихъ волнъ, смѣшиваясь съ шелестомъ ближайшихъ деревьевъ, растущихъ по склонамъ и уступамъ горы. Нѣсколько человѣкъ, окончивъ чай, смотрятъ въ бинокль, какъ дикій козелъ взбирается по страшной крутизнѣ на неприступную скалу...

Лирически настроенный читатель! Если у васъ есть свободное время, непремѣнно здѣсь побывайте. Хороша Волга, и Бѣлое море хорошо, и Соловки прекрасны, а здѣшняя природа, а даль этого моря, а дикія волны и шумъ морскаго прибоя, вмѣстѣ съ своеобразнымъ наслажденіемъ купанья,—лучше этого нѣтъ, кажется, ничего на свѣтѣ... Здѣсь навѣрно, и есть та счастливая страна, о которой писалъ Геродотъ, что тамъ вѣчное лѣто, что люди не страдаютъ тамъ никакими болѣзнями, и доживъ до глубокой старости, не умираютъ, а, пресытившись жизнью, съ высокой скалы свергаются въ волны...

Тучи рѣдѣютъ. Темнѣютъ, рвутся облака. Издали слышится призывный голосъ: „К. А—чъ уходимъ! Прощайтесь“!

— Прощай, тихая пристань! Навѣрно, не увидимся больше... Спѣшно идемъ назадъ чрезъ поперечный и продольный коридоръ

монастырскихъ корпусовъ и отдаемъ послѣдній поклонъ монастырю, желая душевнаго спасенія монаху о. Саввѣ, показывавшему намъ монастырскія достопримѣчательности. Послѣдній въ свою очередь сопровождаетъ насъ пожеланіемъ добраго здоровья и счастливаго пути. Размѣщаемся затѣмъ въ экипажахъ и ѣдемъ въ Херсонесъ. На закатѣ солнца за далекимъ моремъ, мирно бесѣдуемъ о тѣхъ знаменательныхъ для этой обители дняхъ Севастопольской годины, когда иноплавныя войска христіанскихъ странъ охраняли отъ турокъ православную святыню, отпускали средства на ея содержаніе и ревностно оберегали святое мѣсто отъ осквернения. Извозчикъ разсказываетъ, какъ однажды католики—солдаты даже самого султана не пустили въ храмъ, прежде чѣмъ онъ снялъ свою чалму. Одинъ изъ иностранныхъ генераловъ—ревнителей даже пожелалъ быть погребеннымъ подъ стѣнами одного изъ храмовъ монастырскихъ. Продолжаемъ дальше бесѣду о флорѣ Георгіевскаго монастыря. Ректоръ знакомитъ насъ съ породами растительности по склону берега Чернаго моря, перечисляетъ и дѣлаетъ описанія кипариса, винограда, туи, уксуснаго дерева. Въ одномъ мѣстѣ даже останавливаемъ экипажъ, чтобы сорвать для демонстраціи вѣтку послѣдняго. Любуемся затѣмъ картиной заката, отражающагося въ морѣ золотымъ пожаромъ и будто электрическими огнями въ окнахъ Севастополя. Въ сторонѣ „разсыпалось и лежитъ въ безпорядкѣ стадо. Вдали бѣлѣютъ стѣны города". Благодушествуемъ и поемъ любимый канонъ великой субботы.

Незамѣтно приближается Херсонесъ. Далеко видно его большой, блестящій отдѣлкой и украшеніями крестообразный соборный храмъ. По правую сторону дороги, въ сумракѣ быстро надвигающейся ночи, выдѣляются сѣрою массой выкопанныя изъ земли городскія стѣны. Кипарисы, дубы, акаціи, разросшіяся вблизи монастырскихъ келлій, сообщаютъ этому уголку своеобразную прелесть и пріятное оживленіе. Большая икона въ святыхъ воротахъ благословляетъ наше благополучное прибытіе. Немало дивимся грандіозности сооруженій и искусству архитектора, и спѣшимъ за всенощную, на которой присутствуетъ Преосвященный Николаій, Епископъ Таврическій. Церковь освящена тысячами огней, краси-

во отражающихся на бѣломъ мраморѣ стѣнъ и горящихъ на золотѣ орнаментовъ, камняхъ и окладахъ св. иконъ. Особенно величественъ въ этомъ блескѣ запрестольный свѣтовой образъ Спасителя. Поетъ всенощную соединенный большой хоръ изъ учителей и учительницъ крымскихъ церковно-приходскихъ школъ. Тихое, проникновенное исполненіе священныхъ мелодій при исключительномъ, усиливающемъ звукъ и скрадывающемъ недостатки пѣнія резонансѣ, невольно заставляетъ прислушиваться и спрашивать окружающихъ, не Петербургскій ли это хоръ, случайно попавшій сюда, проѣздомъ. Вечерняя служба на мѣстѣ перваго памятника крещенія Руси при умѣломъ, стройномъ и одушевленномъ пѣніи производитъ и оставляетъ впечатлѣніе незгладимое Послѣ окончанія всенощной, смѣшиваемся съ толпою курсистовъ и принимаемъ благословеніе Владыки, затѣмъ слушаемъ рѣдкій по исполненію и резонансу въ морѣ, звонъ колоколовъ и приступаемъ къ осмотру собора. Прежде всего останавливаемъ вниманіе на сохранившихся внутри – стѣнахъ стариннаго тысячелѣтняго храма и мѣстѣ купели, въ которой принялъ крещеніе св. равноапостольный князь Владиміръ. При входѣ, рядомъ съ этими стѣнами, по обѣимъ сторонамъ прохода, утверждены близъ стѣны въ мраморныхъ крестахъ, св. иконы. Подъ одной изъ нихъ, выбита на мраморѣ надпись: „Остатки стѣнъ древняго храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы, въ которомъ принялъ св. крещеніе просвѣтитель Россіи, св. Благовѣрный князь Владиміръ". Знаменитая старинная купель, первая въ Россіи „баня пакибытія" не сохранилась до нашихъ дней, осталось только мѣсто ея съ надписью на мраморной плитѣ золотыми буквами: „Десницею Всевышняго укрѣпленъ Великій Княже Владиміре идольскую прелесть отринулъ еси, славне, и въ крещеніемъ просвѣтився свѣтомъ познанія Христова землю русскую озарилъ еси". Въ алтарѣ, говорятъ, рядомъ съ очертаніемъ храма, сохранился жертвенникъ временъ князя Владиміра, но алтарь запертъ и мы не имѣемъ возможности туда проникнуть. Изъ нижняго этажа храма проходимъ по ступенямъ боковой лѣстницы въ верхній. Монахъ сопровождавшій насъ что-то замедлилъ съ ключами, и мы имѣли нѣкоторое свободное вре-

мя, чтобы взглянуть на окрестности. Черезъ цвѣтныя стекла какая чудная картина открывается здѣсь на старинный, воскресшій съ раскопкахъ, Корсунь и на Черное море, освѣщенное пурпуромъ вечерней зари! Тысячу лѣтъ тому назадъ это былъ цвѣтущій городъ съ пятью тысячами домовъ и пятидесятью тысячами населенія. На Черноморскомъ побережьи, среди многочисленныхъ греческихъ колоній, онъ занималъ едва ли не первое мѣсто по оживленной, кипучей торговлѣ и славился какъ центръ промышленности и образованности. Греческіе философы и риторы стекались сюда во множествѣ и читали юношеству лекціи по тогдашнимъ наукамъ. Такъ славны были въ окрестныхъ городахъ эти ученые, что даже многіе цари посылали сюда своихъ дѣтей на воспитаніе. По внѣшнему благоустройству городъ не оставлялъ желать ничего лучшаго: множество памятниковъ, металлическихъ и мраморныхъ статуй украшали его улицы; здѣсь былъ даже свой водопроводъ, о которомъ теперь только мечтаютъ многіе города нашего обширнаго отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что и религіозной жизни удѣлялось здѣсь немалое вниманіе. Не можетъ быть, равнымъ образомъ, сомнѣнія и въ томъ, что закваска христіанскаго ученія, проникавшаго различными путями съ самыхъ первыхъ лѣтъ на берега Крыма, распространила и здѣсь свое оживляющее вліяніе и въ свою очередь, на зарѣ исторической жизни Россіи, сказалась своимъ воздѣйствіемъ въ сѣверныхъ городахъ, постоянно имѣвшихъ съ Херсонесомъ торговыя сношенія. Христіанская вѣра, такъ сказать, *плыла* по Черному морю и мѣсто, гдѣ крестился св Владиміръ, было только первой ея *пристанью* на пути къ Россіи. При видѣ этого стариннаго города, добрая половина котораго теперь совершенно скрыта морскими волнами, совершенно наивными намъ кажутся сказанія учебника о томъ, что вдругъ, повидимому безъ всякаго повода, Владиміру не понравилась своя старинная вѣра языческая, вѣра отцовъ и дѣдовъ, освященная вѣками. Мы поняли, что этой перемѣнѣ, этому *исканію* истиннаго Бога предшествовалъ цѣлый историческій процессъ распространенія въ языческой странѣ, чрезъ торговлю и набѣги, закваски христіанства, при чемъ всякій купецъ, принесшій съ собою домой изъ Византіи но-

вую вѣру, дѣлился ею съ другими,— безъ всенародныхъ рѣчей, въ тиши очага проповѣдывалъ ее, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не была подготовлена почва для княжескаго рѣшенія. Дѣло вѣры такое тайное, такое тонкое и сокровенное, что не рѣшился бы князь одинъ, не зная расположенія другихъ, объявить, что старая вѣра никуда не годится.

Въ какую глубокую старину мы заглянули чрезъ цвѣтныя стекла собора, пока монахъ ходилъ за ключами! Въ темнотѣ этой ночи, при быстро работавшемъ воображеніи, воскресили мы на моментъ жизнь цѣлаго города и еще разъ, въявѣ представили себѣ глубокую, вѣчную правду евангельскаго изреченія, что „малая закваска киситъ все тѣсто“.

Вскорѣ пришелъ монахъ и, зажегши свѣчи, сначала показалъ намъ одну за другою достопримѣчательности верхняго храма: картины художественной работы, между прочимъ изображеніе Св. кн. Владиміра въ простомъ образѣ русскаго крестьянина, копіи съ первыхъ иконъ, принесенныхъ кн. Владиміромъ *); мраморное кресло—копію съ кресла Римскаго собора св. Петра и чрезвычайной цѣнности, украшенную брилліантовой звѣздой и рубинами икону Богоматери. Брилліанты горятъ и некрятся при огнѣ свѣчей... Послѣ осмотра храма, монахъ повелъ насъ въ музей. Здѣсь вновь, какъ живые, возстали и прошли въ нашемъ воображеніи цѣлые десятки вѣковъ, проносившихся надъ Херсонесомъ: религіозные предметы древнихъ обитателей сначала язычниковъ, затѣмъ христіанъ, утварь, орудія и старинные памятники и надписи. Въ устахъ монаха сохранилось доселѣ имя языческой богини Діаны, о которой и думать забыли жители близлежащаго города; на полкахъ и въ витринахъ и теперь лежатъ еще старинные кресты, судя по надписямъ, первыхъ временъ христіанства, древніе свѣтильники той первобытной формы, которая имѣла мѣсто въ Палестинѣ во времена Христа Спасителя (любимый образъ для сравненій у евангелистовъ), серебряныя и золотыя монеты того же драгоцѣннаго времени, остатки

*) Оригиналы хранятся въ Москвѣ и опять наводятъ на мысль, какъ *путешествуютъ* первыя русскія святыни вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства и перенесеніемъ центровъ исторической жизни изъ одного мѣста въ другое.

живописи по камню, произведенные краской, не смывающейся въ теченіи цѣлыхъ двухъ тысячелѣтій (нынѣ утраченъ секретъ состава этой краски); затѣмъ рюмки и громадныя, въ человѣческій ростъ, глиняныя амфоры для вмѣщенія вина *) и наконецъ громадный, въ аршинъ длины, ключъ отъ городскихъ воротъ старинаго Корсуня, который виситъ теперь на стѣнѣ, въ то время какъ самыя ворота уже давно исчезли подъ землею...

Есть своеобразное, понятное только археологу, наслажденіе воскресить умирающую жизнь, ощутить на моментъ своего рода земное безсмертіе чрезъ общеніе съ тѣми, кто жилъ раньше насъ и чьи кости уже давно истлѣли въ землѣ и чья короткая память уже давно стерта временемъ со страницъ исторіи и жизни потомковъ Кто изъ насъ, людей всю жизнь свою посвятившихъ богословію и пастырству, не отдалъ бы всѣ свои лучшія, цѣнныя сокровища, если бы была возможность сдѣлать совершенно невозможное, *безумное* дѣло: воротить назадъ два тысячелѣтія, пожить въ Палестинѣ во времена Христа, побыть хотя одинъ часъ послѣднимъ слугою въ домѣ Никодима, когда при свѣтѣ почника (похожаго на тотъ, который мы только что видѣли) бесѣдовалъ съ нимъ о предметахъ вѣры Христосъ Спаситель? Не посвятилъ ли бы этотъ человѣкъ всю жизнь свою на изученіе древняго еврейскаго языка, чтобы понимать эту одушевленную и быть можетъ спѣшную рѣчь; не записалъ ли бы ее на память стенографъ или обладатель фонографа, чтобы послѣ воспроизвести себѣ непередаваемое человѣческою рѣчью наслажденіе, которое не можетъ даже получить человѣкъ при слушаніи самаго лучшаго современнаго оратора, самаго перваго художника слова?? Не потратилъ ли бы онъ, любитель бесѣдовать съ людьми, которыхъ уже нѣтъ на землѣ, всѣхъ своихъ нажитыхъ долгимъ и упорнымъ трудомъ средствъ на то, чтобы, раскопавъ похороненные землею останки давнихъ дней, собравъ какъ собираетъ хозяинъ сокровища свои и бережно сохранивъ, какъ охраняетъ мать любимое дитя, всѣ черепки и обломки старинной утвари,—возстановить стѣны и зданія, расположить

**) Похожи на громадный глиняный горшокъ. Пробуемъ, на сколько упруга глина, стучимъ объ нее рукой Звонъ получается ясный, чистый. Должно быть крѣпко сдѣлана, иначе не прожила бы двѣ тысячи лѣтъ.

ихъ по своимъ мѣстамъ, и затѣмъ въ одинъ счастливый день войти въ домъ, куда онъ пригласилъ этихъ свидѣтелей далекаго прошлаго и быть можетъ прочитать отрывокъ изъ рукописи, написанной двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ этой обстановкѣ. Если онъ, любитель-археологъ, сдѣлаетъ все это, то хотя и не воскреснутъ сами давно умершіе предки, но остатки ихъ быта такъ живо воскресятъ ихъ жизнь, что получится полное воспроизведеніе дѣйствительности. Мы живо почувствовали въ этотъ моментъ свою связь съ глубокой старинной палестинской жизни временъ Христа Спасителя и на этотъ разъ всей душой желали говорить на томъ языкѣ, на которомъ тогда говорили, изучать Евангеліе въ той вещественной обстановкѣ старинныхъ памятниковъ, которые тогда были. Какое счастье было бы, если бы можно было оживить сухое, неоживляемое никакими иллюстраціями изученіе нашей науки *живой жизнью*, если бы можно было изучать богословіе нравственное въ клиникѣ и больницѣ, если бы можно было изучать евангеліе въ аудиторіи, имѣющей обстановку дома временъ тайной вечери, если бы можно было изучать интересы и стремленія людей того времени, господствующія теченія мысли и жизни, словомъ если бы можно было сполна воскресить ихъ жизнь. Мы увѣрены— многоплодніе была бы тогда наша наука и вновь дала бы она міру одушевленныхъ проповѣдниковъ и самоотверженныхъ дѣятелей. Что за бѣда, если бы и они нашли въ себѣ голосъ, противовоющій голосу ума,—они съ умѣли бы побѣдить его силою вѣры...

Скажу не обинуясь, что этотъ вечеръ въ старомъ музеѣ, освѣщенномъ тремя лишь восковыми свѣчами, эта лунная ночь надъ воскресающимъ изъ земли и моря стариннымъ Херсонесомъ, это море, ласкающее нашъ слухъ такимъ же рокотомъ, какъ и *во времена оны* слухъ древнихъ корсунянъ,—былъ послѣ Кіева счастливѣйшимъ и рѣдкостнѣйшимъ по своимъ глубокимъ думамъ и сильнымъ ощущеніямъ. Всѣмъ намъ дано было въ этотъ счастливый, незабвенный моментъ перенестись мыслью въ отдаленное прошлое, и если бы не позднее время, мы бы неотступно просили своего старшаго спутника въ стѣнахъ музея, прочитать намъ лекцію о временахъ апостольскихъ...

26 іюня. Вчера возвратились изъ экскурсіи позднимъ вечеромъ. Уже огни зажгли въ Херсонесѣ, когда мы выѣхали по направленію къ Севастополю. Но пережитыя впечатлѣнія были такъ сильны, что долго еще никто изъ насъ не могъ уснуть. Далеко за полночь въ Петропавловской церковно-приходской школѣ шумѣлъ самоваръ, оживленно вторя несмолкавшей одушевленной бесѣдѣ.

Сегодня — историческій обзоръ Севастополя. Не смотря на безсонную на-половину ночь и совершенно подвижническую обстановку нашей спальной комнаты, съ жесткимъ ложемъ на голомъ каменномъ полу, встали раннимъ утромъ совершенно бодрыми и здоровыми. Только нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ пишущій эти строки, чувствовали себя приблизительно такъ, какъ будто только что претерпѣли продолжительную пытку въ застѣнкѣ. Лихорадка жестоко давала себя знать.

День ясный, и воспоминанія нѣтъ о вчерашнемъ сильномъ вѣтрѣ. Солнышко привѣтливо свѣтитъ на горизонтѣ; въ воздухѣ чувствуется мягкая, ласкающая свѣжесть моря. Послѣ непродолжительнаго визита руководителей у о. завѣдующаго школою, собираемся вмѣстѣ и, отправивъ вѣстовыхъ къ отцу ректору въ номеръ съ извѣщеніемъ, что будемъ собираться около Графской пристани, идемъ мимо музея Севастопольской обороны къ памятнику Нахимова. На берегу бухты, съ лицомъ обращеннымъ въ сторону Малахова кургана, стоитъ въ полномъ вооруженіи „родной отецъ“ севастопольскихъ солдатъ, знаменитый безстрашный „Нахименко“. Спина немного согнута, въ правой рукѣ—зрительная труба, лѣвая рука заложена за спину, точь въ точь такъ, какъ онъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ стоялъ подъ пулями на бастіонѣ Малахова кургана. Горячій, вспыльчивый, но безмѣрно добродушный, умѣвшій обругать вволю и потомъ съ отборной брани перейти къ родословной подчиненнаго солдата, онъ былъ общимъ любимцемъ севастопольцевъ и безгранична была въ ту пору вѣра постоянно готоваго на смерть русскаго солдата въ то, что „пока живъ Нахименко, не сдадутъ Севастополя“. Однимъ только были недовольны подчиненные, это тѣмъ, что онъ „берегъ другихъ и никогда

не жалѣлъ себя", запрещалъ солдатамъ безъ необходимости показывать храбрость, а самъ почти не покидалъ опаснаго мѣста „Насъ бережетъ, говорили солдаты, а самъ постоянно торчитъ на бастіонѣ". Разсказываютъ, что въ самый разгаръ перестрѣлки какъ-то одинъ изъ севастопольцевъ рѣшился замѣтить ему, что онъ не бережетъ себя: „что будетъ, если Севастополь васъ утратитъ"? „Не то вы говорите, отвѣтилъ Нахимовъ съ раздраженіемъ, убьютъ-съ меня, убьютъ васъ—это ничего-съ, а вотъ какъ израсходуютъ Тотлебена, не сдобровать Севастополю". Но Нахимова израсходовали, а Тотлебенъ пригодился и для Плевны. 28 іюня 1855 года,—разсказываетъ описатель тяжелой годины,—Нахимовъ объѣзжалъ оборонительную линію. Отправляясь съ третьяго бастіона на Малаховъ курганъ (Корниловскій бастіонъ), осыпаемый снарядами и пулями, онъ говорилъ своему адъютанту: „тутъ какъ-то и дышать веселѣе". На бастіонѣ онъ сталъ разсматривать въ трубу непріятельскія работы. Пули жужжали около него и попадали въ мѣшокъ, на который онъ оперся... Павелъ Степановичъ похвалилъ французовъ за умѣнье: „хорошо цѣлятъ мошенники". Начальникъ Малахова кургана Керн едва могъ уговорить своего командира сойти съ банкета,—оставить возбужденное перестрѣлкой любопытство заглядывать въ глаза смерти. Въ это время въ сторонѣ свистнула бомба и уложила трехъ человѣкъ. Нахимовъ оглянулся и сразу же упалъ, сраженный пулею, а черезъ два дня его не стало.

Павелъ Степановичъ представленъ на памятникѣ въ счастливые дни расцвѣта его силы, еще въ ту пору, когда его корабли сражались на Черномъ морѣ. На пьедесталѣ памятника изображено упавшее знамя и якорь съ рельефнымъ изображеніемъ внизу Синопскаго боя и двумя надписями: 1) подъ словами посвященія памятника: „Увѣдомляю г.г. командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло. Вице-Адмиралъ Нахимовъ. 2 ноября 1853 г.". 2) „18 ноября 1853 г. Русская эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова истребила турецкій флотъ Османа-паши". Съ лѣвой сто-

роны вычеканены золотыми буквами печальныя воспоминанія о тяжелой годинѣ:

„Двѣнадцать разъ луна мѣнялась,
Луна всходила въ небесахъ,
А все осада продолжалась
И поле смерти расширялось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ".

На сторонѣ обратной этой надписи изображенъ вѣнокъ и въ немъ дата смерти Нахимова: „Смертельно раненъ въ Корниловскомъ бастіонѣ 28 іюня 1855 года". По три ядра съ каждой стороны вѣнка украшаютъ печальное сказаніе.

Обойдя памятникъ со всѣхъ сторонъ, спускаемся внизъ къ колоннамъ Графской пристани и, минуя лѣстницу, идемъ въ лѣвую сторону, къ тому мѣсту, гдѣ пристаетъ катеръ, отправляющійся на ту сторону бухты. Здѣсь пришлось подождать до тѣхъ поръ, пока не собрались всѣ и пока не пріѣхалъ къ пристани о. ректоръ. Свободное время всегда вызываетъ на размышленія, а на этотъ разъ, въ виду мѣстностей, освященныхъ историческими событіями, у насъ было очень не мало матеріала для такихъ размышленій. Предъ нами, слѣва было то самое мѣсто бухты, гдѣ, по приказанію главнокомандующаго Севастопольскимъ флотомъ кн. Меншикова, были затоплены корабли, чтобы запереть непріятелю входъ въ бухту. Вспоминаемъ разсказъ о томъ, какъ послѣ рѣчи вице-адмирала Нахимова въ военномъ совѣтѣ, отъ главнокомандующаго было получено приказаніе „преградить непріятельскому флоту входъ на рейдъ, затопить у входа наши корабли". Пять старыхъ боевыхъ кораблей и два фрегата тронулись впередъ и выстроились на глубинѣ при входѣ въ рейдъ... Это были наши грозные деревянные богатыри, и между ними герой Синопа — корабль „Три Святителя". Весь Севастополь полными слезъ глазами глядѣлъ на нихъ какъ на живыхъ друзей своихъ. Спущены паруса, упали флаги, въ прорубленныя подводныя части хлынула вода и, качаясь, тихо опускались въ пучину старые корабли. Только одинъ изъ нихъ, корабль „Трехъ Святителей" долго держался на водѣ, не хотѣлъ идти ко дну. Въ народѣ говорили, что его охраняетъ

невидимая сила, „навѣрно гдѣ нибудь въ каютѣ икона забыта“. Кто-то изъ командировъ наконецъ распорядился дать залпъ въ подводную часть корабля Зарыдали матросы, когда раздались выстрѣлы, а корабль сталъ мотаться по волнамъ, словно больной, и вскорѣ совсѣмъ погрузился въ пучину *)...

Припоминая эти интересныя сказанія, мы размѣстились въ финляндскомъ паровомъ катерѣ и черезъ двѣ минуты были уже на той сторонѣ бухты, спѣшно слѣдуя по направленію Малахова кургана. Только лишь поднялись мы на гору, какъ вдругъ послышались на морѣ одинъ за другимъ выстрѣлы изъ пушекъ и вдали то тамъ, то здѣсь началъ развѣваться бѣлый дымокъ надъ прозрачной синевой морской дали. Болѣе глазастые изъ насъ простымъ глазомъ, близорукіе черезъ очки и бинокль долго смотрѣли по направленію выстрѣловъ, съ нѣкоторой возбужденностью ожидая во время промежутковъ, когда вновь покажется дымокъ и будетъ слышенъ „звукъ“ пушки. На этотъ разъ мы въ миніатюрѣ, въ быть можетъ до милліона разъ сокращенномъ видѣ, воспроизвели настроеніе жителей Севастополя во время обороны. Жутко, немножко даже страшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно любопытно. Это, кажется, самая главная черта психологіи сраженій, и думается, что жертвой этого чувства пали всѣ герои Севастополя и особенно Нахимовъ. Это — предсмертное любопытство. Не хочется умирать, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно интересно, что будетъ тамъ, за предѣлами смерти. Даже нашъ главный руководитель, о. ректоръ, въ обычное время спокойный — замѣтили мы — на этотъ разъ былъ въ Нахимовскомъ настроеніи: чуткимъ ухомъ прислушивался къ каждому новому залпу, внимательно разсматривалъ на пятидесятиверстномъ пространствѣ моря миноноски и учебныя суда и каждый разъ сообщалъ окружающимъ свои впечатлѣнія. Во всей подробности воспоминаній предстала предъ нами на этотъ разъ картина знаменитой обороны Севастополя, тѣ незабвенные въ нашей исторіи одиннадцать мѣсяцевъ, про которые можно сказать, что все новое поколѣніе, родившееся въ нихъ, было „подъ тру-

*) Большая часть историческихъ свѣдѣній о Севастополѣ заимствована изъ иллюстрированной книжки Погоскаго: «Оборона Севастополя»

бами повито, подъ шеломы взлелѣяно". Современники передавали, что малое дитя, только начинавшее лепетать, выучивало говорить гораздо раньше имени любимыхъ родныхъ названія военныхъ снарядовъ. раньше словъ: тятя, мама, няня, говорило: „пуля, пушка, бомба". Да и большіе въ это время обращались въ дѣтство по своей простотѣ и непосредственности. Уставши отъ впечатлѣній войны и въ значительной степени привыкнувъ къ мысли о смерти, они дѣлали свои обычныя житейскія дѣла съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ и въ обычное мирное время. Во время самаго ожесточеннаго боя. напримѣръ, вдругъ, откуда ни возьмись, появляется съ вязанкой дровъ и таганомъ въ рукѣ старуха, въ сторонѣ отъ страшнаго мѣста разводитъ огонь, быстро, умѣлыми руками, намазываетъ сковороду и печетъ оладьи, угощая ими воюющихъ. Смерть и... оладьи. Неправда-ли,—развѣ это не дѣтское, незлобивое сочетаніе? Разсказываютъ, затѣмъ, какъ однажды во время перестрѣлки, скатился въ ровъ полковой пѣтухъ, и солдатъ, подъ градомъ пуль, на виду непріятелей, началъ ловить его, спасая отъ неминуемой гибели... Вмѣсто картечи изъ французскаго лагеря отвѣтили смѣльчаку аплодисментами. Въ другой разъ, говорятъ—во время самой жаркой перестрѣлки какой-то солдатикъ, соскучась, ни съ того ни съ сего затянулъ звучнымъ теноромъ: „Ахъ вы горы мои воробьевскія!" Двадцать голосовъ въ тактъ подхватили пѣсню и залилась она въ перекатахъ батальнаго огня. Захватила та пѣсня за сердце французовъ, перестрѣлка стала тише, слабѣе и наконецъ совсѣмъ умолкла. Рыдающій, заунывный русскій мотивъ на полдня помирилъ самыхъ отчаянныхъ враговъ. Пѣсня играла своими трепетными переливами, вдали рокотала канонада, а голосъ выпѣвалъ:

Ничего-то вы горы не спородили:
Спородили горы мое горюшко.

Солдаты пѣли до глубокой ночи и въ это время ни съ той ни съ другой стороны не просвистала ни одна пуля.

Пуля и полковой пѣтухъ, картечь и хватающая за сердце трепещущая русская пѣсня, развѣ это опять не высшее обнаруженіе незлобія, чисто дѣтскаго, простосердечнаго, задушевнаго настроенія?

А вотъ и еще картинка, лучше которой — по яркости красокъ — не знаетъ пишущій эти строки.

Послѣдняя бомбардировка Севастополя. Смерть носится въ воздухѣ надъ Малаховымъ курганомъ. Бомбы и пули свищутъ надъ головою и каждую минуту уносятъ десятки жертвъ. Молодая женщина не выдержала, чтобы не повидать въ эту послѣднюю предсмертную минуту своего „милаго сердцу“. Подъ дождемъ картечи припла она къ самому опасному мѣсту баттареи и привела съ собою двухъ малютокъ — мальчика и дѣвочку — получить отъ отца „родительское благословеніе на вѣки нерушимое“. Родитель, молодой матросъ, со слезами на глазахъ, держитъ въ лѣвой рукѣ фитиль, а правой истово складываетъ крестное знаменіе и держитъ благословляющую руку надъ головою ничего еще не понимающаго трехлѣтняго сына. Слезы стоятъ въ глазахъ матроса и матери. Въ сторонѣ корчатся отъ боли смертельно раненые. Свистъ пуль и грохотъ орудій заглушаютъ ихъ предсмертные стоны.

— Ступайте, Господь съ вами! Некогда, да и вамъ тутъ неладно мѣсто, — говоритъ матросъ, въ послѣдній быть можетъ разъ смотря на свою любимую семью. Богъ знаетъ, возвратится-ли она домой или здѣсь же положитъ ее на землю вражья пуля...

Отъ подножья Малахова кургана открывается видъ на Севастополь и Владимірскій соборъ. Невольно воскресаетъ въ памяти служба „Двѣнадцати Евангелій“ въ годину осады. Христіане — католики и протестанты открыли огонь по направленію Божія храма, въ которомъ горѣли тысячи свѣчей молящихся...

А съ той стороны кургана — невдалекѣ — мѣсто, гдѣ ночью 11 марта отступало преслѣдуемое непріятелемъ разбитое войско. Ничего не видя предъ глазами, въ безпорядкѣ бросая оружіе, бѣгутъ солдаты подъ натискомъ несокрушимой, въ десять разъ большей по количеству непріятельской силы, и въ самомъ разгарѣ паники слышатъ необычные звуки. Съ епитрахилью и высоко-поднятымъ, сіяющимъ на огнѣ крестомъ быстро идетъ на встрѣчу бѣгущимъ іеромонахъ съ пѣніемъ: „Спаси Господи люди твоя“... Въ одинъ моментъ набирается силы бѣгущее войско и въ порывѣ мужества даетъ отпоръ сильнѣйшему непріятелю...

Сколько такихъ картинъ, безъ порядка и системы возникаетъ въ сознаніи при видѣ длиннаго кладбища павшихъ героевъ. Воображеніе лихорадочно работаетъ; какъ въ калейдоскопѣ тѣснятся и перебиваютъ другъ друга воспоминанія о прочитанномъ и слышанномъ когда-то о добрыхъ подвигахъ прославленнаго русскаго воинства, тогда еще не ученаго или мало ученаго, но имѣвшаго силы стать стѣна стѣной съ образованнѣйшимъ непріятелемъ и славно лечь костьми на полѣ брани. Какъ живой опять стоитъ предъ нами здѣсь, на бастіонѣ, Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Давно умершій, онъ въ эти минуты сдѣлался и нашимъ любимцемъ также, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ любимцемъ всего православнаго войска, защищавшаго Севастополь. Откуда берутся такіе люди? Какъ могутъ выработаться такія чистыя, благородныя души?... Вопросъ, который не рѣшить намъ теперь Несомнѣнно лишь одно, что только постоянная опасность смерти, только постоянное пренебреженіе жизнью можетъ такъ возвысить, такъ упростить людское сердце, такъ смягчить сильную натуру, что нѣтъ возможности бываетъ разобраться, гдѣ кончается желѣзный характеръ и гдѣ начинается дѣтское простодушіе.

Далеко ушла отъ насъ печальная Севастопольская осада. Немногіе солдаты, уже убогіе и разбитые, донашиваютъ истаскавшуюся георгіевскую ленточку съ орденомъ, полученнымъ во время страшной обороны; немногіе священники носятъ на груди своей на владимірской лентѣ бронзовый крестъ, пожалованный за молитвы о павшихъ воинахъ. Намъ нѣтъ уже теперь возможности прослѣдить, какъ накоплялась сила, которая дала русскимъ, не только солдатамъ, но и женщинамъ и дѣтямъ, — возможность выдержать одиннадцать мѣсяцевъ правильной обороны; но и теперь не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что безпрерывный оружейный огонь и постоянная опасность смерти были горниломъ, въ которомъ очистилось и стало надолго свѣтлымъ доброе отъ природы русское сердце.

Среди этихъ размышленій минуемъ оригинально устроенныя низкія ворота Малахова кургана и идемъ на вершину Русской Голгоѳы, изрѣдка оглядываясь на растилающуюся синеву далекаго

моря. По обѣ стороны дороги жалкая растительность: выгорѣвшіе на солнцѣ низкорослые кипарисы, изрѣдка ясень, дикія розы. О. ректоръ говоритъ, что надъ этимъ мѣстомъ вполнѣ сбылись слова притчи о сѣятелѣ: *сѣмя упало на мѣста каменистыя, гдѣ не много было земли, и скоро взошло, потому что земля была не глубока; когда же взошло солнце, увяло и, какъ не имѣло корня, засохло* (Мато. XIII, 5—6).

На вершинѣ кургана, около небольшой каменной сторожки встрѣтилъ насъ инвалидъ Панасюкъ, очевидецъ Севастопольскихъ событій. Бывшій храбрецъ, украшенный тремя медалями за войну 53—55 года, онъ на этотъ разъ „являлъ видъ жалкій“: рваный костюмъ, унылая наружность и безцвѣтная рѣчь дѣлали его совершенно непохожимъ на Николаевскаго солдата. Если бы всталъ изъ гроба Нахимовъ, то навѣрно бы посадилъ его на гауптвахту. Съ непреодолимой хохлацкой лѣнью повелъ насъ ветеранъ вокругъ Малахова кургана, показывая намъ памятники и надписи, которыя мы могли видѣть и прочитать безъ него, и не говоря ни слова о томъ, что самъ онъ видѣлъ во время осады. Въ старой головѣ инвалида страннымъ образомъ смѣшались названія полковъ, баттарей, имена начальниковъ и не сохранилось ни одного живого воспоминанія. Безсодержательный разсказъ его напоминалъ ученическій отвѣтъ по исторіи какой-нибудь войны, о которой передъ урокомъ отвѣчающій не успѣлъ дочитать по учебнику: „Мы побѣдили, они побѣдили, они нападали“ и т. п.

Недалеко отъ дороги на вершинѣ кургана останавливаетъ наше вниманіе среди зеленыхъ кипарисовъ весь въ цвѣтахъ бѣлый мраморный обелискъ съ изображеніемъ двухъ соединенныхъ сердецъ съ крыльями и надписью на русскомъ и французскомъ языкѣ. По-русски написано: „памяти воиновъ русскихъ и французскихъ, павшихъ на Малаховомъ курганѣ при защитѣ и нападеніи 27 августа 1855 года“. Воздвигнутъ на мѣстѣ деревяннаго креста, поставленнаго французами. На обратной сторонѣ французская надпись гласитъ:

8 septembre
1855

Unis pour la victoire
Reunis par la mort,
Du soldat c'est la gloire
Des braves c'est le sort *).

Дальше инвалидъ ведетъ къ памятнику Корнилова. Это самая высокая точка Малахова кургана, искусственно выведенная защищавшимися Севастопольцами. Въ началѣ осады день и ночь здѣсь шла работа: таскали землю на укрѣпленія всѣ, кто могъ, даже женщины и дѣти. Тотлебенъ управлялъ работами и давалъ направленіе рабочимъ силамъ. Немалую услугу оказали дѣлу выпущенные изъ тюремъ во время осады арестанты; каждый изъ нихъ работалъ за десятерыхъ, стараясь загладить свою вину и получить прощеніе. Вскорѣ ихъ всѣхъ Государь помиловалъ.

При видѣ памятника Корнилова возникаетъ въ сознаніи еще одно славное имя. Личность Корнилова менѣе ярко очерчена въ многочисленныхъ севастопольскихъ разсказахъ, чѣмъ личность Нахимова, но трогательныя минуты его смерти также даютъ немало матеріала для размышленій. Шальное ядро задѣло его 5 октября 1854 года во время осмотра укрѣпленій, когда складывали здѣсь въ кучу мертвыхъ солдатъ и выносили раненыхъ. Говорятъ, что онъ чувствовалъ раньше близкую смерть: неразъ повторялъ предъ тѣмъ, что отъ ядра не уйдешь, незадолго до смерти написалъ женѣ письмо и просилъ передать часы своему старшему сыну... Очевидцы разсказываютъ, что послѣ уже, на перевязочномъ пунктѣ, за нѣсколько часовъ предъ смертью Корниловъ долго молился за Севастополь, за Черноморскій флотъ, за Царя православнаго. Предъ самой кончиной забылся и былъ разбуженъ вдругъ, совершенно неожиданно прекратившимся шумомъ орудій. Тревожно открылъ глаза и спросилъ, что случилось? Ему отвѣтили, что „смолкли непріятельскія пушки". Ура! —закричалъ адмиралъ и съ этимъ крикомъ отошелъ въ вѣчность.

Памятникъ изображаетъ послѣдній завѣтъ Корнилова на полѣ битвы, тотъ моментъ, когда, шатаясь и падая на землю, онъ от-

*) Соединившись для побѣды, примирились посредствомъ смерти. Вотъ слава солдата, вотъ жребій храбрыхъ.

давалъ послѣднее предсмертное распоряженіе. Правая рука обращена далеко въ пространство, лѣвая оперлась на скалу, поддерживая равновѣсіе падающаго тѣла. Лицо серьезное, страдальческое, но проникновенное, одушевленное мыслью. Надпись гласитъ: „Отстаивайте же Севастополь"! Ниже этихъ словъ написано: „Генералъ-адъютанту вице-адмиралу В. А. Корнилову смертельно раненому на семъ мѣстѣ 5 окт. 1854 г. Со стороны Севастополя, рядомъ съ якоремъ на цѣпи, изображено: „Благослови Господи Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ". На южной сторонѣ вычеканенъ послужной списокъ Корнилова... Доселѣ впечатлѣніе серьезное и трагическое. Невольно слезы навертываются на глазахъ, когда вы смотрите въ лицо умирающему герою. Но стоитъ всмотрѣться ближе въ выраженіе лица изображеннаго тутъ же матроса Кошки, взявшаго съ земли ядро и внимательно ожидающаго команды генерала, чтобы сразу же наполовину исчезло съ вашего лица облако печали. Кошка это знаменитость чисто-русскаго происхожденія. Въ мирное время постоянно пьяный, отъявленный мошенникъ и воръ, близко къ которому фуражки нельзя оставить, чтобы онъ ее не заложилъ и не пропилъ, онъ на войнѣ является незамѣнимымъ человѣкомъ. Ему ничего не стоитъ снять съ поста непріятельскаго часоваго, въ мѣшкѣ, завязанномъ со всѣхъ сторонъ и съ одними лишь отверстіями для глазъ, проползти въ непріятельскій лагерь, поднять тамъ ночью тревогу и унести съ собою водку и кушанье. Это тоже своего рода „военный геній": не даромъ удостоенъ столь великой чести.

Предъ памятникомъ, на мѣстѣ, гдѣ раненъ Корниловъ, лежитъ плита и крестъ, сложенный изъ ядеръ. Со всѣхъ сторонъ они обсажены зелеными листьями тегенина.

Около памятника была самая продолжительная наша остановка на Малаховомъ курганѣ. По общему желанію мы увѣковѣчили ее фотографическимъ снимкомъ.

Дальше идемъ къ развалинамъ башни, служившей во время осады помѣщеніемъ для генераловъ (такъ называемый Корниловскій штабъ). При входѣ, среди множества другихъ безграмотныхъ надписей, обращаютъ на себя вниманіе полустершіяся, нацарапан-

ными гвоздемъ, слова: „Память на землѣ, слава на небѣ во вѣки“. Узкія окна на подобіе щелей въ чрезвычайно толстыхъ стѣнахъ освѣщаютъ внутренность зданія. Вблизи одного изъ оконъ водруженъ крестъ и подъ нимъ выбита надпись: „Здѣсь стояла кровать контръ-адмирала В. И. Истомина“. Инвалидъ разсказываетъ намъ, что во время штурма Малахова кургана въ этомъ зданіи долго защищались двадцать четыре русскихъ храбреца и наконецъ только, послѣ отчаянной обороны, принуждены были сдаться.

Французы удивились, когда взяли эту крѣпость, что вмѣсто цѣлаго войска всего только двѣнадцать человѣкъ вышли изъ нея, и поспѣшили отдать честь плѣннымъ.

Выйдя изъ зданія, по уклону поднимаемся кверху и устраиваемъ импровизированный отдыхъ съ видомъ на Севастополь и Черное море. Море синее, туманное. Нѣсколько въ сторонѣ виднѣется Братское кладбище. Кругомъ —камень и скалы. Одинъ изъ нашей партіи на самомъ краю полуразвалившейся стѣны, рискуя ежеминутно упасть внизъ, растянулся во всю длину, распустилъ сверху зонтикъ, облокотился на руку и, повернувшись къ Севастополю, погрузился въ созерцаніе. Уже давно всѣ ушли, а онъ все еще не могъ оторвать задумчиваго взора отъ открывающейся прекрасной картины.

На обратномъ пути по безконечнымъ, оставшимся послѣ осады, насыпямъ подходимъ снова къ сторожкѣ и внимательно разсматриваемъ оставшіяся послѣ непріятелей пули: англійскія, французскія, итальянскія. Затѣмъ спускаемся къ подножью холма. У воротъ ограды спрашиваемъ Николаевскаго солдата, зачѣмъ устроены такія оригинальныя ворота съ запоромъ на три двери? и получаемъ лаконическій отвѣтъ, совершенно въ Николаевскомъ вкусѣ: „Такъ начальство приказало“...

Возвращаемся къ пристани, вспоминая, какъ характеризовалъ инвалидъ представителей союзныхъ войскъ. „Храбрѣе всѣхъ французы, а англичане вялые“. А итальянцы что? „Ну что эти: чистые теленки“...

Идемъ по подгорью въ направленіи сухаго дока. Здѣсь жизнь развернулась во всю ширь. Въ бурьянѣ на солнышкѣ спитъ

мужикъ, растянувшись во всю длину и уткнувшись носомъ въ землю. Изъ близлежащихъ кофеенъ доносятся „кимвалы, самвики же и псалтири", аккомпаниментъ на всевозможныхъ струнныхъ и духовыхъ инструментахъ къ веселой, разухабистой русской пѣснѣ. На улицахъ „уличная рѣчь", цвѣтистая, непринужденная. Гдѣ-то звучитъ балалайка, въ другомъ мѣстѣ—гармоника; изъ окна кофейни доносится заунывная русская пѣсня. Подъ впечатлѣніемъ этого оживленія спѣшнымъ шагомъ идемъ къ пристани и, отправивъ двоихъ больныхъ „домой", въ Петропавловскую церковно-приходскую школу, нанимаемъ яликъ къ Братскому кладбищу. Перевозчики усиленно спорятъ, перебивая другъ у друга право получить съ насъ небольшой гешефтъ. Одинъ даже соглашается уступить противъ таксы. Дѣло чуть-чуть не кончается полицейскимъ. Среди оживленнаго спора со стороны памятника Лазареву раздается выстрѣлъ: „адмиральскій часъ". Сряду же слышенъ бой часовъ: „XII". Подъ аккомпаниментъ боя выѣхали изъ пристани на чистую воду и, отъѣхавъ саженъ десять, выкинули парусъ, большой и такой же дырявый, какъ на Волгѣ. Вѣтерокъ. Слегка покачиваетъ. Лодка легко держится на водѣ. Мѣрно взмахиваютъ весла, разсыпая серебряныя брызги, и мы ѣдемъ едва не со скоростью парохода къ одной изъ ближайшихъ въ бухтѣ станцій предъ Братскимъ кладбищемъ. Вскорѣ лодка останавливается около мостковъ, нѣсколько минутъ договариваемся съ перевозчикомъ, который теперь обратился въ звѣря лютаго, и затѣмъ шагаемъ по выжженной солнцемъ равнинѣ въ гору. Невдалекѣ отъ дороги степенно расхаживаетъ черный оселъ. Менѣе уставшіе спутники наши спѣшатъ съ нимъ познакомиться и немало забавляются по поводу этой неожиданной встрѣчи. Дальше минуемъ стадо, близъ кладбища подъ полотняннымъ навѣсомъ пьемъ по бутылкѣ квасу и вступаемъ въ священную ограду братскихъ могилъ. Наканунѣ намъ разсказывали, что здѣсь охраняютъ могилы также инвалиды севастопольской компаніи, строго хранящіе обычай „адмиральскаго часа", при всемъ своемъ убожествѣ и слѣпотѣ, но на этотъ разъ и ихъ даже нѣтъ. Доступъ на кладбище свободный.

Братское кладбище —„могилы воиновъ на брани убіенныхъ".

Подъ тѣнью кипарисовъ, кленовъ, грецкаго орѣшника и бѣлыхъ акацій безпробуднымъ сномъ спятъ павшіе подъ Севастополемъ удалые ратники. Тишина кругомъ непробудная. Будто нѣтъ здѣсь ни одной живой души: не услышишь кузнечика, ни птица не пролетитъ и не прокричитъ, не просвиститъ ни одно насѣкомое. Слышны даже шаги въ разрѣженномъ воздухѣ. Надъ каждой могилой памятникъ: бѣлый, сѣрый, иногда черный. Надъ могилами важныхъ лицъ большіе памятники, не меньше нашихъ часовень, надъ могилами малыхъ—поменьше, побѣднѣе. Надъ нѣсколькими общими могилами — одинъ памятникъ, часто безъ перечисленія именъ скончавшихся; надъ многими малыми, вмѣсто именъ, какое нибудь символическое изображеніе: ядро факелъ, пушка. Жутко немного. Настроеніе подобное тому, какъ будто послѣ праздника, послѣ шума канонады, вдругъ наступили самые скучные мертвые будни. Вчера оживленно двигавшіеся и говорившіе гости уѣхали куда-то, а вы одни остались среди громадныхъ просторныхъ комнатъ. И здѣсь таже печальная повѣсть о подвигахъ русской души народной на развалинахъ Севастополя. Вотъ среди зелени, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, весь изъѣденный временемъ маленькій бѣдный монументъ, поставленный на могилѣ мальчика убитаго въ то время, когда онъ несъ обѣдъ отцу. Вотъ далѣе увѣнчанная орлами колонна на могилѣ Хрулева, неменѣе любимаго солдатами, чѣмъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Невольно звучитъ въ ушахъ его простодушный призывъ православному русскому воинству: „Благодѣтели—ратники за мной“!.. И будто не смолкло еще подъ стѣнами святаго храма знаменитое, образцовое по изяществу и силѣ, слово херсонесскаго архимандрита Евгенія надъ его гробомъ: „пораздайтесь холмы погребальные, посмежите хребты свои. Потѣснитесь и вы, *благодѣтели* — ратники, — вотъ *старатель* вашъ боевой пришелъ доказать вамъ любовь свою воинскую... Сомкните тѣснѣе ряды свои, храбрецы безпримѣрные, и героя Севастопольской битвы окружите дружнѣе въ семейной вашей могилѣ“. Сколько слезъ уронили на холодный гранитъ дожившіе до смерти полководца „полки молодецкіе“!.. А вотъ и еще могила другого радѣтеля русской земли, Эдуарда Ивановича Тотлебена. Подъ сѣнью

кипарисовъ весь испещренный текстами св. писанія памятникъ надъ его могилой... Сколько тутъ жизней положено! Сколько добрыхъ чувствъ и свѣтлыхъ мыслей отняла у Россіи непріятельская пуля! Сколько дорогихъ жизней, далекихъ отсюда, разбито извѣстіемъ о погибшихъ здѣсь дорогихъ людяхъ! Зачѣмъ? Кому это все нужно? Начальникамъ-ли, которые цѣлые годы покою не имѣли подъ этими укрѣпленіями? Подчиненнымъ-ли, которые, въ минуты протрезвленія, такъ часто подавали другъ другу руки, привѣтствуя проявленіе храбрости и которые, заслушавшись пѣсней, совершенно забывали, что они враги другъ другу. „Никому не нужна война. Но какъ моръ, какъ грозный ураганъ, періодически проходитъ она надъ русской землей, вырываетъ съ корнемъ могучія жизни и, покруживъ ихъ въ воздухѣ, ударяетъ о землю, чтобы размять, истоптать ихъ“... На все, несомнѣнно воля Божія: безъ безъ этой воли и волосъ съ головы человѣческой не падаетъ. Не постигнуть намъ слабымъ разумомъ нашимъ всего смысла и цѣлей исторической жизни. Но это не значитъ, что этого смысла и этихъ цѣлей нѣтъ. Никогда не повѣримъ, что самоотверженные, неустрашимые герои войны являются только слѣпыми орудіями какой-то безсмысленной судьбы и дѣйствуютъ якобы безсознательно, якобы въ состояніи психоза...

Общее мрачное впечатлѣніе историческаго кладбища въ значительной степени ослабляетъ одиноко стоящій среди безчисленныхъ братскихъ могилъ храмъ Божій. Невольно успокаивается смятенное сердце, когда вы по площадкѣ, усыпанной крупнымъ пескомъ, подходите къ паперти изящной пирамиды—церкви и входите внутрь самаго храма. Громадный круглый куполъ чрезъ множество оконъ льетъ свѣтъ на мраморный бѣлый иконостасъ и изображенія византійскаго стиля. Въ главной алтарной нишѣ помѣщается чудная, художественной работы икона Воскресенія, навѣвающая свѣтлыя мысли въ царствѣ смерти. По стѣнамъ, на бѣломъ мраморѣ съ синими жилками—имена воначальниковъ, павшихъ въ битвѣ. На полу ковры, по мѣстамъ очень дорогіе, по стѣнамъ изящныя чугунныя печи; все вычищено, блеститъ золотомъ и цѣнными украшеніями. Это быть можетъ единственная во всей Россіи кладби-

щенская церковь, поражающая зрителя своей уютностью: недаромъ она и стоитъ, какъ мы слышали, полтора милліона.

Солдатъ—староста услужливо объясняетъ намъ, что въ постройкѣ этого храма принимали участіе севастопольскіе „непріятели“ и нынѣшніе наши друзья—французы. Они присылали мозаику для большей части изображеній, украшающихъ братскій храмъ. Tempora mutantur!..

По просьбѣ о. духовника и большей части нашихъ спутниковъ, солдатъ повелъ насъ на колокольню. Чугунная витая лѣстница, вся сплошь увѣшенная вѣниками, снятыми съ могилъ, ведетъ по темнымъ переходамъ на девяносто три ступени кверху. Идемъ со свѣчами, освѣщая другъ другу путь, поминутно спотыкаясь и рискуя ежеминутно упасть внизъ. Съ колокольни, очень напоминающей призматическій могильный памятникъ, открываются чудные виды на окрестность: съ одной стороны селенія и хлѣбныя поля съ неубранными скирдами, точь въ точь какъ у насъ ранней осенью, съ другой—Севастополь и Черное море, далекое, синее. Какъ хорошо оно, откуда на него не посмотришь!... Люди практическіе пробуютъ достоинство мѣди на главномъ колоколѣ: слегка ударяютъ о край его рукою: звукъ чистый, серебряный... Всѣ слушаютъ и очень довольны: улыбка расплывается по усталымъ лицамъ.

Спѣшно, также спотыкаясь, спускаемся съ колокольни и идемъ къ берегу бухты, желая предупредить строгій выговоръ суроваго лодочника за опозданіе. Въ воротахъ сгорбленный инвалидъ - николаевецъ отворяетъ намъ калитку. Это тоже—почти могильный памятникъ: такъ мало жизни осталось въ когда-то бравомъ защитникѣ Севастополя.

На обратномъ пути лодочникъ читаетъ длинную лекцію о покраскѣ морскихъ судовъ и ловлѣ рыбы въ морѣ. Внимательно слушаемъ, сравнивая море съ Волгой. Вдали, въ углу бухты, виднѣются желтые трубы броненосцевъ: вблизи насъ то и дѣло проходятъ военные паровые катеры. Поднимается легкій вѣтерокъ. Нашу лодку треплетъ какъ парусъ, но лице матроса, „видавшаго морскіе виды“ спокойно, да и мы не смущаемся.

Снова купанье и опять обѣдъ въ Нахимовскомъ скверѣ, съ видомъ на бухту. Послѣ обѣда каждый уходитъ до вечера, куда ему вздумается. Осмотръ конченъ. Завтра прощаемся съ Севастополемъ и завтра же кончаемъ образовательную часть нашей экскурсіи. Дальше—прогулка и удовольствіе, хотя, конечно, весьма поучительное.

Проводивъ нѣсколькихъ товарищей въ общественный садъ, раскинутый по берегу моря, мы, нѣсколько человѣкъ, идемъ во Владимірскій соборъ отдать послѣдній поклонъ Севастопольскимъ героямъ. Здѣсь похоронены Корниловъ, Нахимовъ и Истоминъ. Чарующее зрѣлище производитъ грандіозный соборный храмъ. Всюду бѣлый мраморъ, даже лѣстницы и стѣны мраморныя. А ужъ объ убранствѣ и живописи нечего и говорить. Счастливы священники и архіереи, на долю которыхъ выпадетъ рѣдкое удовольствіе служить въ такомъ благоустроенномъ домѣ Божіемъ. Могилы героевъ Севастополя—въ нижнемъ этажѣ, называемомъ подваломъ. Но этотъ подвалъ вовсе не напоминаетъ ни Нижегородскій, гдѣ могила Косьмы Минина, ни тѣмъ болѣе—Черниговскій, гдѣ покоится прахъ знаменитаго ученаго Филарета Гумилевскаго. Мѣсто низкое, а обиліе свѣта и чистота всюду рѣдкостнѣйшая. Мраморныя стѣны и украшенія блестятъ на солнцѣ не меньше, чѣмъ въ главномъ храмѣ. „Братская“, товарищеская могила устроена посрединѣ подземной церкви, на глубинѣ 22-хъ мраморныхъ ступеней. По внѣшнему виду это—вдѣланный въ полъ мраморный чорный крестъ съ надписями о томъ, что вверху, т. е. ближе къ алтарю, похороненъ Лазаревъ, внизу—Нахимовъ, налѣво—Корниловъ, направо Истоминъ. Въ срединѣ крестообразно лежащаго памятника золотой крестъ, окруженный вѣнкомъ и вверху паникадило въ видѣ люстры.

Еще разъ, и уже послѣдній проходятъ въ сознаніи нѣсколько печальныхъ картинъ, отрывки изъ читанныхъ когда-то дорогихъ воспоминаній: похороны Корнилова, подъ градомъ пуль при свѣтѣ факеловъ, подъ стонъ народа и солдатъ, оплакивавшихъ невознаградимую потерю... Прощальный залпъ надъ могилой, крестъ изъ ядеръ вмѣсто памятника...

Дальше – Нахимовъ провожаетъ Истомина къ мѣсту вѣчнаго

упокоенія Идетъ за гробомъ и слезы текутъ по щекамъ. Умѣвшій равнодушно смотрѣть въ глаза смерти полководецъ плачетъ надъ могилой товарища, заглядываетъ въ склепъ и говоритъ, что тамъ для него еще одно мѣсто осталось... Затѣмъ — похороны самого Нахимова. Флаги утопленныхъ кораблей въ головахъ смертнаго одра, побѣдный флагъ вмѣсто покрывала и невыразимые, неописуемые словами слезы народа, оплакивавшаго своего любимца...

„Низкій, до земли, поклонъ вамъ, павшіе герои! Примите отъ насъ, дѣтей отцовъ, которыхъ вы защищали, безконечную, благоговѣйную признательность. Пусть въ роды родовъ переходитъ о васъ народная память и пусть воспоминаніе о вашемъ умѣньи душу положить за любимое дѣло будетъ одушевляющимъ примѣромъ для всѣхъ русскихъ юношей, которые послѣ насъ пріѣдутъ сюда поклониться“.

Вечеръ этого дня былъ законченъ молитвой. Собрались всѣ въ Петропавловской церкви и своими силами, при помощи таврическихъ семинаристовъ, отслужили вечерню и утреню. Послѣ службы возвратились въ школу, поставили три самовара и занялись пріятными разговорами. Вскорѣ пришелъ „изъ полиціи“ о. духовникъ (бывшій тамъ для засвидѣтельствованія копій съ билетовъ); затѣмъ навѣстилъ насъ отецъ ректоръ, и мирная бесѣда затянулась на долго. О чемъ, о чемъ только не переговорили. Можно быть увѣреннымъ, что не скоро забудутся эти длинные чаи въ Севастопольской Петропавловской церковно-приходской школѣ...

Поздними вечеромъ посѣтилъ наши покои о. завѣдующій школою. Дружно и сердечно благодарили его за заботы.

27 іюня. Возставъ отъ сна, принялись за сборы къ отъѣзду. Производимъ радикальный ремонтъ нашей одежды и обуви, достаточно поизносившейся и оборвавшейся за время длинной поѣздки и особенно во время лазанья по горамъ и безконечнымъ Севастопольскимъ лѣстницамъ. За чаемъ двое наиболѣе горячихъ людей „расцарапались“, обозвали другъ друга фразерами, но скоро помирились и мирно продолжали сборы въ дорогу. Сборы, въ общемъ, были несложные. Многіе изъ насъ о себѣ съ полнымъ правомъ могли сказать: omnia mea mecum porto, а были и такіе,

которые могли унести не только свое, но и еще захватить вещи двухъ—трехъ товарищей. Къ девяти часамъ всѣ уже были готовы въ походъ, а въ десять благополучно прибыли на пароходъ Азовскаго Общества „Цесаревичъ Георгій“ и размѣстились на верхней палубѣ въ перемежку съ какими-то машинами, якорями, бочками и ящиками. Говорятъ, это самый лучшій пассажирскій пароходъ на Черномъ морѣ. Мы не замедлили подвергнуть его самому тщательному осмотру и въ концѣ концовъ все таки вынесли убѣжденіе, что по внутреннему убранству ему далеко до Волжскихъ. Лучше убраны салонъ и каюты перваго класса. Для каждаго пассажира здѣсь есть маленькое, оригинальной работы кожаное кресло и общій письменный столъ; въ массивныхъ круглыхъ окнахъ шолковые занавѣси; стѣны отдѣланы подъ мраморъ; при входѣ роскошный буфетъ, украшенный зеркалами. Надъ буфетомъ никкелированные большіе часы и барометръ. Посрединѣ зала—икона св. Георгія Побѣдоносца съ зажженной лампадой На всемъ печать самаго щепетильнаго порядка. Даже кресла поставлены рядами лицемъ въ одну сторону. Одинъ только недостатокъ: мало свѣта. Во второмъ классѣ убранство гораздо хуже, хотя и тамъ также чисто. Вмѣсто креселъ—диваны, правда совсѣмъ не разсчитанные на эффектъ, самые простые столы, нѣсколько табуретокъ. Здѣсь не стыдно и намъ быть въ нашихъ затрапезныхъ костюмахъ, по *нашему*, впрочемъ, только мнѣнію. Пароходская прислуга смотритъ на дѣло иначе. Оффиціантъ находитъ неудобнымъ наше присутствіе здѣсь: подозрительно приглядывается къ одному изъ нашихъ и наконецъ неувѣренно обращается къ нему съ вопросомъ:

— Вашъ билетикъ—съ?

— У меня его нѣтъ, отвѣчаетъ пассажиръ.

— Гдѣ-же—съ?

— У распорядителя нашей экскурсіи.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что оффиціантъ долженъ былъ сдѣлать „барину“ подъ козырекъ и, любезно извиняясь, предоставить ему право дальнѣйшаго осмотра.

Изъ второго класса переходимъ въ третій. Здѣсь, такъ же

какъ и на Волгѣ, царство матросовъ. У нихъ все хозяйство на палубѣ: вещи, пароходскія собаки, котята. Кто то изъ пассажировъ, отъ скуки, взялъ маленькаго котенка въ руки и началъ учить его ходить по борту, такъ началась такая тревога, какъ будто и невѣсть—что случилось: десять человѣкъ поднялись на защиту маленькому звѣрю.

Раздаются три дикихъ свистка, одинъ другого оглушительнѣе. На Волжскихъ пароходахъ свистки далеко не такъ оглушительны, хотя тоже есть страшно дикіе и для слабыхъ нервовъ невыносимые.

Медленно движемся въ бухтѣ и выѣзжаемъ на вольный просторъ. На сотни верстъ впереди разстилается „гостепріимное море“. На пароходѣ еще сценка. Какой то деревенскій парень, по лицу великоруссъ,—не то тверякъ, не то архангелецъ,—смотря за бортъ, размечтался, вынулъ изъ кармана горсть сѣмячекъ и началъ ихъ грызть, разбрасывая по палубѣ... Какъ изъ земли выросъ грозный капитанъ. Кричитъ вовсе горло:

— Нэ на улицѣ! Нэ на улицѣ.

Мужичекъ не понимаетъ, по прежнему смотритъ вдаль и по прежнему щелкаетъ сѣмячки. Тогда капитанъ подходитъ къ нему въ упоръ и кричитъ еще громче. „Нэ на улицѣ“! Мужикъ, не теряя хладнокровія, отвѣчаетъ: „Я буду за бортъ бросать“...

— Не надо и туды!—ревetъ капитанъ. Совсѣмъ прекраты!

Въ это время съ мачты сорвалась мокрая веревка и ударила капитана прямо въ лицо.

— Ой ты, бисова голова твоя, кричитъ капитанъ. Чо ты не бачишь (не видишь)!

Наши мѣста себѣ не могутъ найти. Перегоняютъ ихъ отъ борта къ борту. Капитанъ проситъ двоихъ любопытныхъ отойти отъ якоря: „можете его толконуть, говоритъ онъ, и онъ пойдетъ въ воду совсѣмъ безъ надобности“. Замѣчательно злая здѣсь на пароходахъ команда: будто цѣлые дни они сидятъ не ѣвши. Интересно бы знать, такъ-ли она обращается съ пассажирами перваго класса...

Ѣдемъ благополучно. Наконецъ нашли себѣ мѣсто на откры-

той палубѣ, на самомъ кончикѣ носа. Расположились группой сразу же идиллически. Двое—трое сидятъ—читаютъ, другіе „возлежатъ“ у нихъ въ ногахъ и слушаютъ чтеніе. Съ нами вмѣстѣ ѣдутъ реалисты изъ какого то приморскаго города, живые коммептаріи для всего, что мы видимъ и слышимъ. Сначала разсказываютъ они намъ про „кладбище пароходовъ“, потомъ показываютъ морскихъ свинокъ, которыя, высовываясь изъ воды, играютъ впереди парохода на солнышкѣ. Проѣхали Херсонесскій маякъ. Близко—балка, съ которой сверженъ былъ въ море св. Климентъ Римскій. Пароходъ держитъ курсъ около берега. Скучная, неприглядная картина: выжженныя поля, голыя скалы, изрѣдка развѣ гдѣ нибудь зеленый оазисъ растительности. Подъѣзжаемъ къ Георгіевскому монастырю. Въ перспективѣ мысъ Фіолентъ. Острые, конусообразные береговые обрывы разныхъ цвѣтовъ: коричневаго, желтаго, краснаго, по мѣстамъ похожіе на окись желѣза. Съ моря очень красивъ монастырь, а еще лучше, еще живописнѣе бѣленькій домикъ лѣтней архіерейской резиденціи: весь въ зелени, будто виситъ въ воздухѣ. Беру бинокль, чтобы лучше разсмотрѣть окружающіе виды, но онъ почти нисколько не приближаетъ: очевидно, разстояніе до берега не такъ маленькое, какъ кажется на первый разъ. Ѣдемъ быстро. Невдалекѣ башня при входѣ съ Балаклавскую бухту. Съ обратной стороны близко—встрѣчный пароходъ и морская даль на далекое пространство. Очень интересны эти виды моря. Чѣмъ дальше отъ корабля, тѣмъ больше и больше море свѣтлѣетъ и кажется, будто въ гору идетъ, будто выше того уровня, на которомъ корабль. А со стороны противоположной солнышку, оно такое же темное, какъ и около парохода, но не сливается съ горизонтомъ, а уплываетъ въ какую то дымку и за этой дымкой виднѣется не то лѣсъ, не то береговые уступы,—хорошо не различишь что такое. Слѣва надъ кораблемъ возвышается громадная, уходящая въ небо, скала... Пароходъ идетъ почти рядомъ съ берегомъ, саженъ на сто, не больше... Еще очень красивое мѣстечко: бѣлый маякъ на склонѣ громадной горы; два домика и садъ недалеко отъ нихъ. Противъ маяка въ морѣ громадная скала, едва видная надъ уров-

немъ воды. Цѣлые клубы бѣлой пѣны стоятъ надъ нею,—объ нее съ силой разбиваются волны. Дальше—церковь стоитъ на самой вершинѣ, на кускѣ береговой скалы; сразу за ея оградой начинается обрывъ на цѣлыхъ полверсты внизъ. Вверху, надъ церковью, зеленѣетъ лѣсъ, до самой вершины береговаго утеса, а надъ самымъ моремъ—дома и хозяйственныя службы. Вдали, между уступами горъ, виднѣются знаменитыя Байдарскія ворота, гдѣ „солнышко восходитъ на западѣ". Съ парохода видна только мачта, утвержденная на ихъ вершинѣ.

За продолженіе трехъ часовъ пути наше юношество совсѣмъ свыклось съ новой обстановкой: кто лежитъ, кто сидитъ и читаетъ, кто „занимается поэзіей". Четверо спятъ на бушпритѣ, какъ французы въ двѣнадцатомъ году, положивши головы на колѣни товарищей. Гимназистъ растянулся на канатахъ,—поетъ, заливается:

Такъ въ Путивлѣ изнывая
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей.

О. духовникъ смотритъ въ бинокль, какъ на волнахъ качается лодка съ бѣлымъ парусомъ. Въ сторонѣ матросы прилаживаютъ снасти. Рядомъ съ ними стоитъ и смотритъ въ море какой то батюшка. Минуту назадъ у него снесло въ море шляпу, но и этотъ урокъ не можетъ заставить его оторваться отъ окружающихъ картинъ.

Начинается самое населенное и самое живописное мѣсто Крыма. Морской берегъ по мѣстамъ напоминаетъ наши Жигули: такіе же всюду уступы, покрытые зеленью. Разница только въ томъ, что эти берега втрое выше и гораздо населеннѣе. Группы домовъ, виноградники, одинокія дачи и цѣлыя селенія не перемежаются до самой Ялты. Особенно красиво вырисовываются среди зелени деревьевъ бѣлыя церкви и, по мѣстамъ, татарскія мечети. Безусловно самое красивое мѣсто на этомъ участкѣ—селеніе Ай-Тодоръ съ его знаменитымъ „Гнѣздомъ Ласточки". Такъ называется дача, построенная на отвѣсной скалѣ надъ самымъ моремъ. Издали кажется, что вотъ—вотъ упадетъ она съ двухсотъ са-

жеиной высоты прямо въ волны. Еще поворотъ — и красавица Ялта съ окрестностями. Она стоитъ почти у берега на разстояніи всего какихъ нибудь десяти саженъ надъ уровнемъ воды. Бѣлые дома и златоглавый соборъ необычайно красиво блестятъ среди зелени окрестныхъ дачъ и селеній. Отъ города съ трехъ сторонъ, на цѣлыхъ полверсты надъ моремъ возвышаются горы, сверху покрытыя лѣсомъ. Тамъ и здѣсь, на всемъ пространствѣ, даже на неприступныхъ, по видимому, мѣстахъ разсѣяны дома и дачи: слѣва Ливадія, Ореанда, справа—Массандра, Гурзуфъ. Надъ Ялтой, съ небольшимъ уклономъ вглубь, виситъ гора Ай-Петри.

Итакъ мы, семинаристы, владѣющіе лишь грошами, черезъ четверть часа будемъ въ аристократическемъ курортѣ... Радоваться, впрочемъ, слѣдуетъ подождать немного: сердитый матросъ гонитъ насъ съ нашего наблюдательнаго пункта: „Пройдите назадъ, пройдите назадъ, веревкой могутъ задѣть, голову разобьютъ, непріятность можетъ выйти, скажете послѣ, что не предупредили“...

Я Л Т А.

Въ Ялтѣ масса народу встрѣчаетъ нашъ пароходъ. Всѣ разряженые по послѣдней модѣ, такъ что наши будничные костюмы невольно заставляютъ насъ сжиматься и чувствовать себя нѣсколько неловко. „Зрители“ занимаютъ на молѣ „мѣста въ амфитеатрѣ“, а ближе къ пароходу помѣщаются дѣловые люди: лакеи изъ ресторановъ, носильщики, „мальчики для посылокъ“, извозчики. Всѣ они смотрятъ на вновь прибывшихъ пассажировъ хищнически, готовясь при первой возможности схватить и проглотить зазѣвавшихся. Хищническое настроеніе усиливается еще больше въ тотъ моментъ, когда поданы мостки, и пассажиры, подъ строгимъ присмотромъ полиціи и пароходской команды, начинаютъ спускаться съ верху черпаго морскаго чудовища на гранитную набережную. И хотя въ насъ всего менѣе было прибыли для людей корыстныхъ, однакожъ и нашей партіи они не оставили въ покоѣ. Двое представительныхъ господъ съ золотыми околышами бросились на насъ съ крикомъ, какъ на свою добычу, и начали

наперерывъ другъ предъ другомъ предлагать намъ мебелированныя комнаты.

— „Садъ, фонтанъ, море... безплатное купанье, роскошная купальня“, кричитъ намъ въ уши кривой зазыватель необычайно комической наружности.

— „У нихъ кутежи постоянно, безпокоить будутъ“, говоритъ его kollega и очевидно пріятель, почтительно снимая предъ нами фуражку и стараясь произносить слова такъ, чтобы не слыхалъ товарищъ. Товарищъ однакожъ, догадывается и спѣшитъ обозвать измѣнника нехорошимъ словомъ:

— „Ты полякъ, неправославный“...

— „А ты армянинъ“, отвѣчаетъ обиженный.

„Къ намъ пожалуйте“! слышатся голоса. „У нихъ простая гостинница, а у насъ благородная“. Въ сторонѣ раздается грубый окрикъ полицейскаго: „Обожди! Ѣзжай“!.. Сутолока, щелканье пароходской лебедки, шумъ колесъ, крикъ со всѣхъ сторонъ... Скорѣе бы вырваться изъ этого ада...

Идемъ за полякомъ. Полякъ все таки благонадежнѣе, чѣмъ армянинъ. Нѣсколько саженъ отъ мола—и тишина, какъ въ деревнѣ. Провожатый приводитъ насъ въ гостинницу, гдѣ, встрѣчая по одежѣ, стараются насъ выпроводить поскорѣе. Внушительный по наружности татаринъ, слуга князей и графовъ, трагически ударяя себя въ грудь, начинаетъ доказывать, что неудобно имъ насъ помѣстить. Дѣлать нечего. Идемъ въ сосѣдній ресторанъ. По дорогѣ полицейскій усердно „козыряетъ“ сопровождающимъ насъ духовнымъ лицамъ. Во второй гостинницѣ – Grand Hotel – къ намъ болѣе внимательны,—очевидно народъ просвѣщенный и сочувствующій всякаго рода экскурсіямъ. Спѣшно занимаемъ четыре номера, съ видами на море и повисшія надъ домами, утонувшія въ зелени горы.

Едва только успѣли устроиться, какъ вдругъ о духовникъ куда то исчезъ и черезъ часъ возвратился съ извѣстіемъ, что онъ на всѣ трои сутки распредѣлилъ насъ по путешествіямъ въ окрестности Ялты и уже взялъ билеты для этихъ поѣздокъ въ Яхтъ клубѣ. Усталые и измученные, не скажу, чтобы мы любезно встрѣтили его на этотъ разъ.

Вечеромъ, лишь только стемнѣло, отправились осматривать городъ. Рѣдкостная здѣсь по своей красотѣ морская набережная, особенно при вечернемъ освѣщеніи. По внѣшнему виду—это половина главной улицы. По одну сторону ея лицемъ къ морю расположены дома и магазины, освѣщенные электричествомъ, по другую — широкій тротуаръ съ гранитнымъ барьеромъ по всему берегу. Море сердится и съ шумомъ разбиваетъ волны о сѣрый гранитъ. На всемъ длинномъ пространствѣ прилегающаго къ водѣ проспекта, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, свѣтятся зеленоватымъ свѣтомъ электрическіе огни фонарей: издали кажется, будто они висятъ въ воздухѣ. Надъ моремъ и городомъ съ сѣверной стороны темнѣютъ очертанія горъ, а среди домовъ при лунномъ свѣтѣ блеститъ бѣлый соборъ своими золотыми главами. Море отражаетъ сполна эту волшебную картину. На восточномъ концѣ проспекта, на берегу стоитъ часовня. Масса огней передъ образами привѣтливо свѣтятъ въ ночной темнотѣ. Великое утѣшеніе испытываетъ усталый путникъ подъ кровомъ этого тихаго пристанища...

28 іюня. Отдавъ себя въ распоряженіе Горнаго клуба, мы совершенно потеряли свободу. Отъ длиннаго лѣтняго дня у насъ оставалось лишь раннее утро, да поздніе сумерки. Все остальное время должно быть посвящено разнаго рода „обозрѣніямъ“.

Въ первый день нашихъ продолжительныхъ путешествій встали очень рано, съ такимъ разсчетомъ, чтобы успѣть выкупаться въ морѣ и дойти до зданія Яхтъ—клуба, гдѣ насъ должны ожидать другіе партнеры, принимающіе въ этотъ день участіе въ экскурсіи. Купанье вышло на скорую руку. Море сердитое; и небо хмурится. Надъ горами низко повисли облака. Солнца совсѣмъ не видно.

Въ условленный часъ и въ условленномъ мѣстѣ мы ожидали своихъ дилижансовъ. Пришлось простоять добрыхъ пол-часа, пока подали три линейки и размѣстились въ нихъ всѣ желавшіе ѣхать. Наконецъ трижды протрубилъ рогъ и къ нашимъ экипажамъ подошелъ высокій почтенный старикъ съ наставленіями о томъ, какъ себя вести и на что обратить вниманіе. Это начальникъ горнаго

клуба. Вслѣдъ за нимъ пришелъ Хаджи, нашъ проводникъ, въ татарской шапкѣ и синей рубахѣ, подпоясанной зеленымъ поясомъ, и мы двинулись въ путь.

Черезъ десять минутъ мы были уже около конца главнаго проспекта Ялты, а еще черезъ полчаса или часъ по крутизнамъ поднялись на западные склоны горъ и, миновавъ знаменитые виноградники, „стучали въ ворота“ Ливадіи. Послѣ обычнаго доклада, насъ, участвовавшихъ въ экскурсіи, раздѣлили на двѣ партіи и одна за другою повели во дворецъ. Лакей, которому мы отданы были въ распоряженіе, не шелъ, а бѣжалъ съ нами по комнатамъ Ливадійскаго дворца. Нужно было имѣть очень напряженную нервную систему и далеко недюжинную память, чтобы разсмотрѣть и запомнить здѣшнія достопримѣчательности. Въ двухъ — трехъ комнатахъ, наиболѣе связанныхъ съ историческими воспоминаніями, намъ удалось, впрочемъ, на полминуты задержать торопившагося слугу. Это были помѣщенія покойнаго Императора. Какая простая здѣсь всюду обстановка: письменный столъ, маленькій книжный шкафикъ, диванъ, нѣсколько картинъ – вотъ и весь кабинетъ. Рядомъ съ нимъ комната, гдѣ онъ скончался. Та еще проще убрана: диванъ, пара креселъ, маленькій столикъ съ букетомъ цвѣтовъ, ширмы, комодъ и на стѣнѣ барометръ съ термометромъ. Въ углу небольшая, въ золоченой ризѣ, икона св. Александра Невскаго и передъ ней постоянно, день и ночь горитъ лампада. Обстановка сохранилась въ томъ же видѣ, какъ и при покойномъ Государѣ. Даже кресло, на которомъ онъ сидѣлъ послѣднія минуты жизни, стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, что и 20 октября 1894 г. Придя въ эту комнату, всѣ бывшіе въ нашей партіи осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ съ заупокойною молитвой о почившемъ Государѣ. Въ нѣсколько минутъ пережито и перечувствовано было нами множество дорогихъ воспоминаній.

Выйдя изъ дворца, ожидали, пока не кончитъ свой осмотръ вторая партія. Столпились на той самой площадкѣ, гдѣ дана была первая присяга на вѣрное подданство Государю Императору Николаю Александровичу.

Дальнѣйшій путь — въ Ореанду. Путь чрезвычайно живопис-

ный. Всюду зелень, цвѣты, по мѣстамъ виноградники. Цѣлый хоръ насѣкомыхъ наполняетъ воздухъ разнообразными звуками. Большую часть дороги приходится идти пѣшкомъ, такъ какъ почти всюду – подъемъ на отвѣсныя скалы, куда никакъ нельзя попасть въ экипажѣ. День не очень жаркій, но отъ усталости жажда страшная. Не пропускаемъ ни одного фонтана, ни одного источника. По счастью здѣсь у подножья почти каждой горы есть непремѣнно ключъ, иногда даже въ самой живописной обстановкѣ. Вотъ, напримѣръ, вода бѣжитъ изъ подъ корня дерева,—старое дупло замѣняетъ бассейнъ. Въ другомъ мѣстѣ среди знойнаго лѣта уцѣлѣлъ водопадъ, правда, жалкій но все же водопадъ. Тотъ и другой внимательно разсматриваемъ и пьемъ воду пригоршнями. Далѣе одна за другой посѣщаемъ двѣ горы съ неизвѣстными названіями. На одной изъ нихъ взобрались на самую вершину, здѣсь, гдѣ утверждена большая мачта, скалы испещрены надписями туристовъ. Кто то изъ участвовавшихъ въ экскурсіи замѣчаетъ, что для такихъ путешествій нужны не туфли, а сапоги на желѣзныхъ подметкахъ. При спускѣ съ горы, на нѣсколько минутъ входимъ въ церковь имѣнія Ореанда. И въ ней, также какъ всюду на югѣ, въ полной строгости выдержанъ Византійскій стиль. Желтыя стекла въ окнахъ повышаютъ настроеніе. Не успѣли спуститься, опять подъемъ, и опять ключъ. Какъ быстро сближаются у общаго источника доселѣ совершенно незнакомые между собою участники нашей экскурсіи. Люди важные и сановные забыли, вмѣстѣ съ молодежью, всѣ свои чины и знаки отличія. Представительный чиновникъ министерства финансовъ пьетъ ртомъ, случайный „предводитель“ нашей экскурсіи поворачиваетъ лицо навзничь и вода вливается ему прямо въ ротъ. Остроты, смѣхъ, шутки... Еще крутой подъемъ, и мы на разстояніи сотенъ саженъ надъ моремъ. На скалѣ—роскошная бесѣдка съ колоннами. Въ воздухѣ сушь, запахъ сѣна, смѣшаннаго съ какими то пряностями. Сидимъ здѣсь, отдыхаемъ и увѣковѣчиваемъ въ фотографіи свое пребываніе.

Отсюда путь опять въ гору, лѣсомъ на гору св. Креста и Ай—Никола. Цѣлая исторія вышла изъ за этой поѣздки. Участ-

ники нашей экскурсіи перессорились и половина изъ нихъ отправилась прямо въ Алупку—обѣдать. Болѣе же сильные, въ томъ числѣ и мы, рѣшились до конца испытать удовольствіе. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, въ полгорѣ сдѣлали „привалъ“, остановку около источника, украшеннаго каменной тумбой. Нѣкоторымъ такъ понравилась здѣшняя вода, что хотѣли бы взять ее въ платокъ и унести съ собою. Одинъ изъ нашей партіи вналъ въ отчаяніе: „здѣсь никогда не взойдешь на самую высокую гору,—замѣчаетъ онъ съ неудовольствіемъ,—взойдешь на высокую, а смотришь—еще выше есть“. Недалеко отъ ключа, среди лѣса,—поляны, также, какъ на сѣверѣ. На одной изъ такихъ полянъ экипажъ останавливается, и мы идемъ кверху на гору, по тропинкѣ. Такой же видъ отсюда на море, что и на предыдущей горѣ, только выше еще .. Камни нагромождены кучей, и среди нихъ утвержденъ крестъ со стаканчиками на случай иллюминаціи. Издали получается иллюзія, что достаточно вступить на одинъ изъ этихъ камней, какъ всѣ они разсыплются и полетятъ, вмѣстѣ съ вами, внизъ, по направленію къ морю.

Едва успѣли мы взобраться кверху и, по-русскому обычаю, свѣсивши ноги, посмотрѣть вдаль, какъ одинъ за другимъ раздались сигнальныя завыванія мѣднаго рожка, призывающаго насъ къ экипажу. Дѣлать нечего: спѣшимъ, какъ можемъ. Выходитъ, что въ сегодняшней нашей прогулкѣ нѣтъ никакой эстетики, а сплошь одна „физіологія“: бѣгаемъ, какъ угорѣлые, съ горы въ гору, на сотни саженъ кверху и внизъ и едва только успѣемъ вбѣжать на одну гору, зовутъ насъ на другую, съ другой на третью и т. д. Отъ горы св. Креста ѣдемъ къ Ай—Никола. Дорога также лѣсомъ. Воздухъ здоровый, смолистый. По сторонамъ пути мѣстами свѣсились камни и корни деревьевъ. Въ одномъ мѣстѣ, на горномъ обрывѣ подъ капитаномъ, мужики устроили обѣдъ, разложивши на землю одежду... Гора Ай—Никола не представляетъ собою ничего особеннаго въ сравненіи съ Мачтой и горой креста, гдѣ мы были. Только виды отсюда грандіознѣе. Съ земляной площадки, облицованной по краямъ камнемъ, открывается подъ ногами слѣва Ялта, Ливадія, Ореанда, прямо—Черное море,

направо лѣсъ и вдали Ай—Петри, самая большая гора послѣ Чатырдага, вся въ облакахъ. Флора сѣверная: находимъ здѣсь своихъ знакомыхъ: сосну, дубъ, вереск. Лица невольно проясняются при этой пріятной встрѣчѣ...

Отсюда уже, никуда не заѣзжая, ѣдемъ въ Алупку, гдѣ насъ ожидаетъ обѣдъ, заказанный еще наканунѣ чрезъ посредство горнаго клуба. Путь лежитъ подъ гору, зигзагами, между горныхъ утесовъ. Виды все тѣже, но лица и сцены чѣмъ дальше, тѣмъ интереснѣе. Рядомъ съ дорогой, на маленькомъ выступѣ скалы спитъ мужикъ лицомъ внизъ, растянувшись во весь ростъ. Диво, какъ онъ не упадетъ отсюда. Дальше попадается навстрѣчу дама, лѣтъ сорока, въ юбкѣ, оригинально подобранной подъ сапоги, съ трубкой въ зубахъ и съ велосипедомъ въ лѣвой рукѣ, – толстая, маленькая, идетъ, точно прихрамываетъ. Безъ смѣху на нее смотрѣть нельзя. Невдалекѣ — строющійся домъ, безъ дверей и оконъ, съ надписью: „Отдаются квартиры“... Проѣзжаемъ Ай—Тодоръ. Въ минуту, пока поятъ лошадей, успѣваемъ зайти въ почтовое отдѣленіе и послать нѣсколько открытыхъ писемъ... Вдали виднѣется гнѣздо ласточки; близко къ дорогѣ татарская мечеть, церковно-приходская школа и невдалекѣ отъ нея домъ съ цѣлой просвѣтительной организаціей въ церковномъ духѣ. Церковно-приходская школа—двухъ-этажный дворецъ изъ сѣраго камня съ бѣлыми, волнообразными скрѣпами.

Еще небольшой переѣздъ — и Алупка, небольшое селеніе, наполовину русское, наполовину татарское. Обѣдъ намъ здѣсь приготовленъ во французскомъ ресторанѣ. Сервировка аристократическая: роскошныя скатерти, хрустальная посуда, вазы, цвѣты. Изъ столовой, устроенной фонаремъ, черезъ столѣтніе кипарисы, видъ на далекое море. Наши присмирѣли въ непривычной обстановкѣ, почти не разговариваютъ другъ съ другомъ; только двое, наболѣе веселые и остроумные „дѣти“ гдѣ-то отыскали безграмотную надпись и завели съ гимназистомъ споръ о томъ, какъ написать правильнѣе... упражняются въ склоненіяхъ и спряженіяхъ... Столъ и по качеству и по количеству не заставляетъ желать ничего луч-

шаго и весьма доступенъ по цѣнѣ даже намъ: 50 коп. за два блюда *).

Послѣ обѣда одни слушали канареекъ (около столовой въ клѣткѣ ихъ здѣсь цѣлый выводокъ, десятка два), другіе покупали крымскія шляпы, съ переплатой 50% противъ Ялты.

Къ вечеру осматривали дворецъ Воронцова, останки бывшаго величія... Утомленные туристы съ великимъ снисхожденіемъ выслушиваютъ неинтересную повѣсть татарина о бывшихъ князьяхъ; мѣстами останавливаютъ его на самой срединѣ рѣчи и осыпаютъ пустыми вопросами:

— А эта собака-то какъ называется? (что изображена на картинѣ).

Татаринъ молчитъ и сердится.

Двое другихъ разваливаются на знаменитомъ чѣмъ-то диванѣ, одинъ вздыхаетъ во всѣ легкіе и комично произноситъ „Ээ-хъ! Старость не радость". Проводникъ посылаетъ смѣльчаку молніеносный взглядъ, но отвлекается замѣчаніемъ дамы: „Ахъ, это очень интересно" и начинаетъ что-то разсказывать про своихъ владѣтельныхъ вельможъ. Въ разговоръ вмѣшивается педагогъ въ формѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и говоритъ, обращаясь къ дамѣ: „Восторгъ одинъ! Уйдемъ скорѣй"! Сцена заканчивается просьбой какого-то судейскаго чиновника „показать ему во дворцѣ парадную лѣстницу".

— „Она съ той стороны, грубо отвѣчаетъ татаринъ: самъ гляди"!

Никому неинтересный дворецъ осмотрѣли и мы, также больше по обязанности и потому что „такъ принято", и перешли отсюда въ садъ и цвѣтникъ. Цвѣтникъ почти на самомъ морѣ, съ террасой богато убранной статуями и рельефными изображеніями. Наше юношество, впрочемъ, мало интересуется цвѣтами: большинство изъ нихъ тянетъ „къ Волгѣ" (такъ называютъ они море) купаться.

На концѣ сада, у самаго моря, знаменитая скала Айвазовскаго съ чуднымъ видомъ на море и горы. Въ горахъ при ве-

*) Это крайне дешево по Крыму, гдѣ въ «сезонъ» одинъ только самоваръ часто стоитъ 2 р. 75 к. Нашъ 10-ти копѣечный арбузъ стоитъ 2 р., ночеръ, стоющій въ Самарѣ 1 р., тамъ (въ разгаръ сезона) отдается за 7 р. въ сутки и т. д.

чернемъ освѣщеніи солнца точно громадный пожаръ; на далекое пространство видѣнъ „дымъ"; такъ и кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ появятся языки пламени. Нѣчто подобное тому, какъ въ деревнѣ загорается изба „отъ Божьяго милосердія". Море спокойное; изрѣдка слышенъ плескъ волны, тихо разбивающейся о близлежащіе камни. Камни громадные: по пяти и больше саженъ въ діаметрѣ. Тысячи надписей на каждомъ изъ нихъ: карандашемъ, мѣломъ, красками .. Есть любители, которые нарочно приносятъ сюда флаконъ краски съ кисточкой, чтобы на каждой скалѣ написать свое имя. Встрѣчаются надписи даже на высотахъ почти неприступныхъ. И тутъ же, рядомъ, съ ними, сатиры на любителей дешовой популярности:

„Прекрасна, роскошна въ Алупкѣ природа,
И ѣздить сюда такъ естественна мода,
Одно лишь прескверно: глупцовъ имена
Повсюду назойливо лѣзутъ въ глаза"...

На обратномъ пути отъ моря къ дворцу осматривали паркъ и цвѣтникъ. Въ цвѣтникѣ купили нѣсколько букетовъ магноліи *). Около главной террасы особенное вниманіе обратили на статуи львовъ, обращенныя къ морю. Самый большой изъ насъ старался задобрить ихъ: гладилъ по головѣ и уговаривалъ ласковыми словами.

Окончивъ осмотръ, собрались на дворѣ дворца; въ ожиданіи экипажа, занимались пустословіемъ и, по очереди, однимъ стакаломъ пили воду изъ фонтана съ надписью: „1839". Ровно въ пять часовъ были поданы экипажи и всѣ участвовавшіе въ экскурсіи отправились въ обратный путь.

Ѣдемъ тѣми же мѣстами, что и утромъ и повторяемъ „выученное" въ сегодняшній день... Тѣже горы и таже непринужденность крымской жизни въ вечернихъ сумеркахъ. Въ одномъ мѣстѣ группа мальчугановъ сидитъ на заборѣ свѣсивши ноги; въ другомъ художникъ, цѣпляясь за скалу, снимаетъ виды. Дальше - чисто-русская картина: въ открытыхъ дверяхъ лавочки цѣлая семья пьетъ чай „съ прохлажденіемъ". Мужикъ, съ энергіей достойной лучшей участи, откусываетъ сахаръ и дуетъ на блюдеч-

*) Часть ихъ доѣхала до Самары, и здѣсь погибла преждевременною смертью

ко. Рядомъ съ хатой знакомая надпись на доскѣ, утвержденной на бѣломъ столбѣ: „Деревня Гаспра, домовъ столько-то, душъ столько-то". Все еще, значитъ, Россія, родная наша матушка Русь. Преобладающій элементъ, впрочемъ, крымскіе татары, грубые, злые и, кажется, большіе бездѣльники. Главное занятіе ихъ — сидѣть у моря и ждать погоды. Невдалекѣ отъ одной сакли разложенъ безъ призора весь инвентарь: очевидно, воровъ здѣсь не боятся... Преобладающее зрѣлище по пути — бассейны и фонтаны. Сколько ихъ здѣсь — и не сосчитаешь. По мѣстамъ встрѣчаются священные источники съ соотвѣтствующими надписями на арабскомъ языкѣ.

Ближе къ Ореандѣ, защищенной природной отвѣсной стѣной въ 1/4 версты вышины, уже менѣе безпечности и болѣе порядка. Все русское и все благоустроено. Особенно хороша Ливадія въ вечернемъ полумракѣ и особенно красивы дворцы съ ихъ безконечными цвѣтниками, — точно рай земной. При въѣздѣ — золотой государственный гербъ. Ряды кипарисовъ окружаютъ путь. Дорога ровная, со стороны вырѣзанная въ камнѣ. Подъ горою Ялта; почти подъ ногами бѣлѣютъ дома среди зелени... „Облака бѣгутъ надъ моремъ".

Пріѣзжаемъ въ Ялту еще засвѣтло, но до такой степени покрытые пылью и въ такихъ истерзанныхъ костюмахъ, что намѣренно избѣгаемъ встрѣчи съ нашими Самарскими знакомыми, поселившимися здѣсь на дачѣ. Вечеромъ гуляемъ по набережной. Что за прелесть эта прогулка!.. Надъ моремъ гроза: вдали, какъ зарница, блеснетъ молнія, и на моментъ освѣтитъ водную даль, потомъ опять пропадетъ, останется только въ темнотѣ искусственная цѣпь изъ электрическихъ огоньковъ. Тучи медленно ползутъ надъ моремъ, луна пробивается, будто крадется между ними. Надъ самой водой — огни пароходовъ. Невольно приковываетъ вниманіе зеленый огонь на большомъ паровомъ катерѣ. Чувство нѣги наполняетъ душу; одно за другимъ тѣснятся въ сознаніи дорогія воспоминанія, и Божій міръ кажется вдвое лучше въ этотъ чудный вечеръ.

29 іюня. Поѣздка на Ай-Петри, самую высокую гору на южномъ берегу Крыма. Опять собрались въ урочный часъ у Горнаго клуба, и расположились по своимъ мѣстамъ. На этотъ разъ

путешествіе не было соединено съ такими удобствами, какъ въ минувшій день. Вмѣсто второго дилижанса была подана самая простая, прозаическая арба и сначала никто не хотѣлъ въ ней ѣхать. Конецъ пререканіямъ положилъ о. ректоръ, собралъ свои вещи и „сѣлъ по ниже“, въ дурной экипажъ. За нимъ послѣдовали и ученики, и споры о мѣстѣ послѣ уже не продолжались. Арбу даже предпочитали, потому что въ ней больше трясло и было веселѣе ѣхать, хотя... конечно, не пожилымъ особамъ. Проводить насъ опять пришелъ начальникъ клуба. Онъ привѣтствовалъ насъ добродушной улыбкой, какъ старыхъ знакомыхъ: „здравствуйте, господа!.. Въ азіатскомъ экипажѣ... Ну ничего, мы съ него начинали свое дѣло. Это первый экипажъ нашихъ экскурсій, раньше не было другихъ экипажей“... Экипажъ дѣйствительно, азіатскій: громадная телѣга, длинная, набитая сѣномъ, покрыта сверху деревянной рѣшеткой и поверхъ нея—грязнымъ брезентомъ...

Поѣздка—одно удовольствіе. При каждомъ уклонѣ и встряскѣ поднимается смѣхъ и остроты. Я думаю, очень интересно было смотрѣть на насъ со стороны: ѣдемъ за рѣшетками, точно въ ходячемъ острогѣ. Въ рукахъ людей болѣе серьезныхъ мѣстная газета—„Крымскій Вѣстникъ“. Читаемъ фантазіи о мученической кончинѣ въ Китаѣ русскаго посланника. Признаться не повѣрили почему-то... Въ перемежку затягиваемъ пѣсню или разговариваемъ съ татариномъ—кучеромъ. Кучеръ не словоохотливъ,—больше расположенъ помечтать, чѣмъ отвѣчать на наши вопросы. Безпрестанно понукая своихъ клячъ, онъ тянетъ трубку и напѣваетъ себѣ подъ носъ безконечную монотонную пѣсню. Время отъ времени о. духовникъ предлагаетъ намъ помѣняться мѣстами, доказывая, что на линейкѣ ѣхать гораздо лучше, чѣмъ въ арбѣ, и что намъ тамъ не мѣсто, но ректоръ отвѣчаетъ ему съ шуткою: ubi bene, ibi patria, и продолжаетъ оставаться въ незамысловатомъ экипажѣ, несмотря на тѣсноту и тряску.

Давно обогнули Ливадію. Поднимаемся кверху зигзагами, дѣлая уклоны вправо и влѣво. Подъ ногами Ялта то съ той, то съ другой стороны. Мѣста неприступныя. Громадныхъ денегъ стоило проложить дорогу на этихъ высотахъ. Поднимаемся все выше и выше. Постепенно измѣняются породы растительности. Но сто-

ропамъ дороги пошли хвойныя деревья, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и наконецъ нѣсколько десятинъ мачтоваго лѣса. Воздухъ сталъ холодиѣе и чище, легче дышать. Внѣшней природѣ соотвѣтствуетъ и обстановка здѣшняго быта. Въ сторонѣ слышатся звуки гармоники, будто гдѣ-нибудь въ сѣверной деревнѣ; гдѣ-то въ лѣсу раздается чисто русская веселая пѣсня. Какъ бы въ соотвѣтствіе ей съ первой линейки слышенъ стройный аккордъ:

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой...

Кучеръ вдругъ, совершенно неожиданно, останавливаетъ своихъ лошадей около грязной лужи и кричитъ ямщику, который ѣдетъ впереди насъ: „Стой“!

Что такое? — спрашиваемъ.

— Отдыхайтъ! Корму дать лошадей. Умретъ лошадей, отвѣчаетъ татаринъ.

Выбираемся изъ арбы и пьемъ воду изъ мутнаго источника, на этотъ разъ уже по привычкѣ, безъ необходимости пить. Въ воздухѣ чувствуется осенняя прохлада. „Осень .. воздухъ усталыя силы бодритъ“. Съ этого мѣста начинаются казенныя лѣсныя дачи. Время отъ времени попадаются воза съ дровами. По мѣстамъ путь такъ узокъ, что приходится пережидать, чтобы не встрѣтиться на поворотѣ. То и дѣло слышится сигнальный звукъ рожка...

Еще пасмурнѣе. Въѣхали въ область облаковъ. Видныя издали, облака здѣсь представляютъ нѣкоторое подобіе тумана, и то прозрачнаго, не какъ у насъ по осени. Въ воздухѣ сырость, какая-то мокрая, пронизывающая. По мѣстамъ дорога идетъ по самому краю обрыва. Бѣда, если провалишься: костей не сыскать. Но наше юношество и не думаетъ объ этихъ страшныхъ перспективахъ,—поетъ во весь голосъ одушевленную пѣсню:

— „Смѣло, братья, туча грянетъ, закипитъ громада волнъ“...

Не страшны имъ, добрымъ молодцамъ, лѣса темные дремучіе... Въ сторонѣ привѣтливо манитъ путника коричневый домикъ среди лѣса. Невдалекѣ отъ него ключъ, маленькій огородъ съ сѣверными овощами. Дальше — попадаются навстрѣчу двѣ арбы: одна съ дровами, другая съ татарами. Человѣкъ десять ихъ сидятъ въ

одной телѣгѣ: всѣ черные, злые. Два – три изъ нихъ въ красныхъ фескахъ, остальные въ черныхъ мѣховыхъ шапкахъ. Еще одинъ подъемъ – и гора Яйла, или, какъ мы ее называемъ— „Ай-Люли“. Ѣхали отъ Ялты въ гору пять часовъ. Здѣсь отдыхъ, кому угодно—завтракъ, а затѣмъ пѣшій подъемъ по голымъ каменнымъ скаламъ на Ай-Петри. Останавливаемъ экипажи у корчмы „Милости прошу“, размѣщаемся на табуреткахъ передъ столиками у входа и требуемъ себѣ завтракъ. Здоровый, краснощекій мужикъ великоруссъ, по всей вѣроятности ярославецъ, устраиваетъ намъ приличную закуску изъ яичницы, молока и хлѣба. Обстановка корчмы совершенно не крымская. Комната маленькая; въ углу икона съ теплящейся лампадкой, рядомъ съ нею цѣлая „библіотека“ изъ разнообразныхъ бутылокъ, рядомъ —патентъ и приспособленія для „мѣры и вѣса“. Совершенно все тоже, что и въ любомъ трактирѣ или на постояломъ дворѣ въ губерніяхъ Тверской, Ярославской и Вологодской.

Окончивъ завтракъ и расплатившись, идемъ къ мачтѣ, откуда съ террасы открывается видъ на море и Ялту. Страшно смотрѣть подъ ноги: верста слишкомъ будетъ „до дна“, если по нечаянности сорвешься и полетишь внизъ. Боязливо выглядываемъ изъ за рѣшотки и скорѣе откидываемся назадъ, инстинктивно преодолѣвая желаніе испытать ощущенія полета по воздуху.

До Ай-Петри отъ казармы версты полторы. Путь каменистый. Всюду, куда ни посмотришь, голыя скалы да небо. На далекомъ пространствѣ ни одной души. Резонансъ прекрасный. Разговоръ слышенъ совершенно ясно на цѣлую версту. Благодушествуемъ, поемъ и возглашаемъ: „многая лѣта“. Пустынное эхо передѣлываетъ на разные лады, искажаетъ и снова возвращаетъ звукъ. Виды кругомъ безподобные, только смотрѣть нельзя: заглядишься, смотришь—нога запнулась за камень, и ежеминутно рискуешь голову сломать.

Главная скала Ай-Петри вся въ облакѣ. Ничего не разсмотришь кругомъ, будто мы въ какомъ то бѣломъ дыму. Сырость окружаетъ со всѣхъ сторонъ и послѣ быстраго пути невольно заставляетъ вздрагивать отъ холода: точно въ холодной банѣ. Мы въ районѣ Соловокъ. Недалеко отсюда есть лощина, гдѣ снѣгъ

доселѣ еще не стаялъ. Растительность такая-же какъ и тамъ, бѣдная, убогая. Вмѣсто травы—кусты крапивы,—знакомое, родное растеніе. Невдалекѣ осы гнѣздо свили. Будущіе студенты—естественники изъ нашей партіи поймали насѣкомое и подвергаютъ его всестороннему анализу: анатомируютъ и отдѣляютъ медъ. Большихъ усилій стоитъ выбить изъ горячихъ головъ непреодолимое стремленіе спуститься внизъ со страшной крутизны. Кто то забирается на отвѣсную скалу съ ежеминутнымъ рискомъ полетѣть къ морю. Послѣ многихъ и неудачныхъ предупрежденій, ему съ досадой замѣчаютъ: „если хотите, сами то вы летите куда угодно, только для этого другое время изберите, чтобы насъ не безпокоить“. Кто то изъ товарищей, видя упрямство воздухоплавателя, съ ожесточеніемъ замѣчаетъ: „вотъ чубукъ-то“!

Облако скрыло насъ со всѣхъ сторонъ. Ничего не видно, кромѣ неба. Гдѣ то вдали кричитъ орелъ. Нѣсколько минутъ—и небо начинаетъ проясняться. Внизу, чрезъ цѣлую группу камней, испещренныхъ надписями, открывается самый лучшій видъ, какой мы только могли наблюдать за время всей поѣздки. Чуть не весь Крымъ у насъ подъ ногами, на десятки верстъ кругомъ. Черное море маленькое, будто игрушечное, заливы еще меньше, а дома такой же величины какъ если бы мы смотрѣли на нихъ въ бинокль, обративши къ глазамъ большія стекла. Вдали „бѣлѣетъ парусъ одинокій въ туманѣ моря голубомъ“... Едва его разсмотришь простымъ глазомъ. На этотъ разъ мы совершенно въ воздушномъ пространствѣ. Такъ мала скала, на которой вы стоите, и такъ безграниченъ горизонтъ, который открывается предъ вами во всѣ стороны, что вы совершенно не замѣчаете подъ собою почвы, а видите одно небо и на землю смотрите не иначе какъ съ презрѣніемъ,—не видать вамъ теперь, какъ копошатся люди у васъ далеко подъ ногами. Мнѣ никогда не приходилось летать на аэростатѣ, но думаю, что если бы пролетѣть на немъ надъ землей версты три, такъ получилось бы приблизительно такое же впечатлѣніе.

Сильнымъ ощущеніямъ тѣла вполнѣ соотвѣтствуетъ и душевное настроеніе. Придите вы сюда когда нибудь одинъ, и вы увидите, вы убѣдитесь, что бываютъ въ жизни человѣка моменты,

когда и оставаясь живымъ, можно отрѣшиться отъ оболочки бренаго тѣла, въ лучшемъ смыслѣ слова покончить счеты съ жизнью. Вы все забываете, всѣхъ враговъ своихъ, всѣ непріятности и чувствуете себя „въ пространствѣ спящаго эѳира“, рядомъ съ вѣчностью, въ которую когда то, быть можетъ скоро, придется вамъ перейти. Въ этомъ мірѣ облаковъ, которыя подъ вашими ногами, нѣтъ житейскихъ счетовъ,—Богъ и міръ, но вы дальше отъ міра и ближе къ Богу. Я невольно воображаю себя здѣсь въ роли вонъ того пастуха, который тамъ, на склонѣ горы, пасетъ овецъ, который уложитъ свое стадо въ безопасномъ отъ хищниковъ мѣстѣ и имѣетъ возможность придти сюда, сѣсть и успокоиться на моментъ отъ тревоги и заботъ дня, и ужо, когда стемнѣетъ, посмотрѣть вдаль, въ темную ночь. Какъ живой, въ моемъ воображеніи сидитъ онъ на обрывѣ дикой скалы и смотритъ внизъ на море. Передъ нимъ вспыхиваетъ молнія, искрами освѣщаетъ небосклонъ и темныя Черныя воды. Вдали слышатся глухіе раскаты грома; серпъ луны медленно идетъ среди облаковъ; потомъ облака проходятъ и наконецъ весь горизонтъ проясняется при ясномъ сіяніи звѣздъ и мѣсяца... Какъ чудно хорошо у него должно быть на сердцѣ.

По ассоціаціи припоминается еще подобная картина. Воскресаютъ въ сознаніи древніе ветхозавѣтные пастыри, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ... „скитанія ихъ въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ“, видѣніе лѣстницы, ведущей къ небу отъ каменистой пустыни. Глубокая символическая идея заложена въ этихъ до крайности простыхъ и общепонятныхъ сказаніяхъ... Вѣдь и эти горы — тоже, совершенно таже выжженная солнцемъ ветхозавѣтная пустыня, которая воспитала тысячи лѣтъ тому назадъ великихъ ревнителей вѣры. Тѣже это или почти тѣже разсѣлины и скалы, гдѣ въ пустынѣ шелъ Израиль, переселяясь изъ Египта, въ той же обстановкѣ онъ видѣлъ столпъ облачный и огненный. Здѣсь ключъ къ пониманію Библіи, здѣсь разгадка неразгаданныхъ мотивовъ русской поэзіи, устремляющей читателя „въ надзвѣздные края“...

Мысль прерывается. На скалу влѣзаютъ одинъ за другимъ разряженные и пропитанные духами туристы: барышни, кавалеры,

„мамаши", не спускающія глазъ съ своихъ дочекъ, старцы, которымъ это все давно надоѣло и которые, кряхтя и охая, идутъ сюда только чтобы доставить другимъ удовольствіе. Въ толпѣ есть два — три юныхъ гимназиста изъ Кутаисской или Нахичеванской гимназіи и нѣсколько „студентовъ Нахичеванскаго же университета". Разговоръ туристовъ пустой. Всѣ пришли сюда только потому, что такъ принято Летательный инстинктъ владѣетъ молодежью еще больше, чѣмъ нашими юношами. Храбрая барышня стоитъ на самомъ обрывѣ и готовится полетѣть къ морю. Ей кричатъ: „падаешь, падаешь"... Она вздрагиваетъ и бросается назадъ. Появляется еще одинъ молодой человѣкъ. Задохшись отъ подъема, пытается острить, обращается къ своему товарищу съ улыбкой: „Вотъ гдѣ предатель, гдѣ злодѣй, куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ". Улыбка усталая, жалкая, острота плоская, впечатлѣнія никакого. Храбрая барышня обращается къ нему съ любезной просьбой. „Сергѣй Григорьичъ, замѣтьте, сколько секундъ я буду летѣть въ пропасть". Кавалеръ, уже оправившійся отъ усталости, начинаетъ доказывать, что и летѣть ей совсѣмъ незачѣмъ. Дальше лѣзетъ въ гору толстый папаша, изъ купеческаго сословія. Усталъ, задохся. Собираетъ послѣднія силы и изъ подъ горы хриплымъ голосомъ кричитъ:

— Вы, я вижу уже подомашнему расположились?

Ему отвѣчаютъ утвердительно.

— А можно ли ноги свѣсить?

Говорятъ, что можно и что NN свѣшивалъ.

Въ этотъ моментъ „папаша" влѣзъ на самую вершину горы, твердо опершя обѣими ногами, тяжело вздохнулъ и выкативъ бѣлки, охаетъ: „батюшки ты мои свѣты. Накопецъ то доплыли... Ну-кося"! разваливается на скалѣ и смотритъ вдаль.

Картина мѣняется. Моментально вы падаете съ неба на землю; изъ глубины вѣковъ переплываете къ современной „пошлости и прозѣ". Отъ чуднаго сна — созерцанія небесныхъ міровъ, въ моментъ переноситесь куда нибудь на „Невскій", на Биржу, на торжище, „въ учительскую", въ дамскій комитетъ или на женскіе курсы. Вмѣстѣ съ тяжелымъ запахомъ сильныхъ духовъ люди принесли съ собою сюда всю пошлость жизни и вы невольно

сами присоединяетесь къ ней, вспоминая о своихъ забытыхъ „дѣлахъ“...

Налѣво — будто ночь наступила. Горы потемнѣли, облака повисли надъ ними на все пространство. Чудное это сочетаніе яснаго дня съ темной ночью. Направо свѣтлые тоны. На самомъ закатѣ рядъ почти снѣговыхъ облаковъ; но чѣмъ лѣвѣй, тѣмъ они болѣе и болѣе темнѣютъ и на далекомъ востокѣ картина заключается сумракомъ ночи. Еще моментъ—и опять новые виды. Будто въ разныхъ мѣстахъ горы загорѣлись. Чудовищный пожаръ занялъ весь востокъ и дымъ подневольной жертвы далеко возносится къ небу. Внизу шумятъ вѣковыя сосны. Вдали кипитъ и пѣнится море. „Девятый валъ“ видать даже отсюда, съ этой страшной, почти полутораверстной высоты.

Группа туристовъ, забывъ эти красоты, внимательно смотритъ, какъ любитель путешественникъ цѣпляется по скалѣ съ бутылкой краски, и спѣшитъ записать свое имя... которое никто не прочитаетъ. Какъ велика у человѣка жажда безсмертія, хотя и дешоваго. Тоже психозъ, на подобіе того, о которомъ мы, бывало, читали у Иловайскаго: „Безумный грекъ Геростратъ, желая увѣковѣчить свое имя въ исторіи“... Вдали идетъ стадо. Звуки на разные лады: басы, тенора, альты. Мотивъ чисто скотскій...

Пора домой. На станціи давно ждутъ экипажи. Обратно не идемъ, а бѣжимъ. Дышется легко; усталые юноши поютъ стройнымъ хоромъ:

На вершинѣ его не ростетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ...

и слушаютъ, какъ эхо далеко разноситъ по горамъ стройные звуки.

Въ 5 часовъ вечера будимъ кучеровъ и ѣдемъ обратно. Небесныя явленія въ сумрачномъ вечерѣ еще привлекательнѣе. Подъ горою тѣни отъ облаковъ. Надъ моремъ нити дождя, будто вдали, въ туманѣ, пролеты гигантскаго моста протянулись надъ неизмѣримымъ воднымъ пространствомъ.

Спускаемся ниже. Въ Учанъ-Су, около изящнаго домика среди сосенъ—партія туристовъ. Дымокъ курится изъ трубы. Около ограды, среди вѣковыхъ деревьевъ—осѣдланныя лошади. Обстановка помѣщичьей усадьбы на Сѣверѣ. Еще ниже, уже почти

надъ самой Ливадіей, въ сторонѣ дороги мальчики—школьники читаютъ интересную книжку съ картинками, кажется религіознаго содержанія. Лица оживленныя, глаза блестятъ... Вблизи отъ нихъ нашъ ямщикъ, зазѣвавшись на открывающійся подъ ногами видъ Ялты, едва не раздавилъ старуху. Такихъ старухъ нѣтъ въ нашемъ краю: страшная, худая, почти совсѣмъ высохшая. Завидя еще издали устремившійся на нее экипажъ, она быстро отскочила въ сторону, злобно сверкнула чорными глазами на нашего кучера, хотѣла что то сказать, но нашъ экипажъ уже скрылся за поворотомъ. Еще нѣсколько зигзаговъ—и въ сторонѣ блестящіе золоченые орлы на Ливадійской дорогѣ, заборъ съ колючками; за нимъ роскошные цвѣтники и парки; затѣмъ три версты пути среди строеній и дачъ, очень оживленныхъ по случаю сегодняшняго праздника, и наконецъ мы опять въ Ялтѣ.

Время еще сравнительно раннее, но запыленный костюмъ нашъ рѣшительно не позволяетъ выйти на улицу. На этотъ разъ мы очень напоминаемъ мельниковъ или лабазниковъ, только что возвратившихся изъ мучнаго амбара. Счастье наше, что никто здѣсь насъ не знаетъ.

По возвращеніи въ Ялту, навѣдываемся въ почтамтѣ о корреспонденціи, присланной на наше имя, но часъ поздній, да и наружность у насъ не внушительная: не выдаютъ намъ нашихъ писемъ, просятъ завтра придти.

30 іюня. Послѣ обычнаго купанья, посѣтили главный подвалъ въ Масандрѣ и Никитскій садъ. На этотъ разъ участвовали въ путешествіи не всѣ, а только тѣ, кто чувствовалъ себя здоровымъ, и ѣхали уже не въ экипажахъ горнаго клуба, а на отдѣльныхъ извозчикахъ, подъ зонтами.

Винный подвалъ—это громадное сѣрое зданіе изъ дикаго камня, половиной своей утвержденное въ горной скалѣ. Обстановка торжественная: надъ главнымъ входомъ императорскій гербъ и громадные часы. На первый разъ мы чувствовали себя нѣсколько неловко въ новомъ мѣстѣ, но, на наше счастье, встрѣтили здѣсь земляка „изъ духовныхъ“, теперь винодѣла, который не только разсѣялъ наше смущеніе, но и во всѣхъ подробностяхъ ознакомилъ насъ съ производствомъ удѣльныхъ винъ. За продолженіе

полутора часа нашего пребыванія въ подвалѣ винодѣлъ прочелъ намъ цѣлую большую лекцію съ иллюстраціями по своей спеціальности. Сначала онъ показалъ намъ комнаты, гдѣ окисляется вино въ бочкахъ, затѣмъ провелъ по безконечнымъ, темнымъ корридорамъ, гдѣ по обѣ стороны, въ шкафахъ хранится вино въ бутылкахъ и, наконецъ, предъ выходомъ предложилъ усталымъ туристамъ пробу лучшихъ винъ. Длинную лекцію читанную среди бочекъ и въ тоннели при свѣтѣ эдиссоновской лампочки мы запомнили только въ общихъ чертахъ, именно. Существуютъ три періода въ выдѣлкѣ вина: прессованіе винограда (съ конца августа по начало октября), стадія бурнаго броженія (пять—десять дней для красныхъ винъ и пятнадцать для бѣлыхъ), слѣдующая непосредственно за прессованіемъ, и выдерживаніе слитаго вина въ тепломъ помѣщеніи до весны слѣдующаго года. По веснѣ вино переносится въ тоннели и выдерживается, смотря по качеству, самое меньшее—полгода, самое большее—десятки лѣтъ. Для каждаго сорта вина есть свой возрастъ, далѣе котораго оно уже не будетъ улучшаться. Качество вина зависитъ отъ сорта винограда: въ годы хорошаго урожая бываетъ лучшее (такимъ былъ 1892 годъ), въ годы плохаго—худшее. По нашей просьбѣ, винодѣлъ продолжилъ свою лекцію сообщеніемъ свѣдѣній о выработкѣ когора. Говорилъ, что за ту цѣну, которую платятъ по церквамъ, нѣтъ возможности доставлять натуральное виноградное вино, которое стоитъ по самой дешевой расцѣнкѣ не менѣе 80 коп. бутылка. Нашъ же когоръ, стоющій 30 коп., выдѣлывается изъ чихиря, который покупаютъ въ Дербентѣ и сдабриваютъ сахаромъ, черникой и глицериномъ.

Особенно интересное впечатлѣніе производятъ помѣщенія подвала. Во всѣхъ комнатахъ и тоннеляхъ электрическое освѣщеніе, искусственная вентиляція, приспособленія для урегулированія температуры воздуха. Въ самый жаркій лѣтній и въ самый холодный зимній день въ помѣщеніяхъ, гдѣ выдерживается вино, температура колеблется не болѣе какъ на два градуса. Оказывается, вино—вещь чрезвычайно капризная: не выноситъ ни грязи, ни затхлаго воздуха, ни искусственнаго нагрѣванія. Въ первыхъ двухъ случаяхъ портится, въ послѣднемъ „умираетъ“.

Изъ главнаго подвала нашъ путь лежалъ въ Никитскій садъ. На этотъ разъ мы крайне жалѣли о томъ, что осмотръ самаго интереснаго мѣста въ Крыму пришлось отложить на послѣднихъ полдня. Наслаждаясь поэзіей и удовольствіями свободныхъ туристовъ, мы „за деревьями лѣсу не видали“.

Никитскій садъ —это цѣлая школа ботаники. Здѣсь собрано все, что при благопріятныхъ условіяхъ и внимательномъ, по правиламъ науки, уходѣ можетъ расти во всѣхъ странахъ свѣта на данной широтѣ. Ученикъ земледѣльческаго училища, сопровождавшій насъ при обозрѣніи сада, еще болѣе, чѣмъ винодѣлъ въ своей области, удивлялъ насъ жизненностью своихъ разсказовъ. Всѣ деревья у него точно живые. И если вино у винодѣла можетъ капризничать, развиваться и умирать, если броненосецъ у моряка имѣетъ свое сердце и артеріи, то здѣсь, въ саду, еще большимъ количествомъ чисто человѣческихъ способностей обладаютъ деревья. Есть среди нихъ веселые, скучные, тоскующіе по родной почвѣ, есть „недотроги“, есть сердитые и добрые, красивые и безобразные. Ученикъ, показывавшій намъ садъ, ходилъ среди нихъ какъ хорошій учитель въ школѣ и рекомендовалъ своихъ питомцевъ, разсказывая біографію каждаго, а о нѣкоторыхъ даже сообщилъ археологическія свѣдѣнія. „Вотъ это, говорилъ онъ намъ показывая на громадное дерево съ листьями, похожими на акацію, съ большими стручками и острыми комочками Reditschia trianactus—Іерусалимскій тернъ или Христовъ тернъ, изъ котораго сплетенъ вѣнокъ Спасителю; это—Cercis seliquastrum Іудино дерево, на которомъ удавился Іуда Предатель; это—лейкоранская акація, которая свертываетъ на ночь свои листочки; это земляничникъ, который зимой бываетъ съ красной корой, лѣтомъ съ бѣлой; ядовитый суммахъ, котораго достаточно одного зерна, чтобы умерло животное; боярышникъ, который страшно разростается: „посадишь—такъ никакого забора не надо“. Дальше—лавры, маслина, пробковый дубъ, грецкій орѣшникъ, барвинокъ, о которомъ пѣсня поется, затѣмъ десятки видовъ хвойныхъ деревьевъ и наконецъ, близко къ выходу изъ сада, гигантская аллея громадныхъ темныхъ кипарисовъ. Точно великаны, они охраняютъ входъ. Спѣшно познакомившись съ друзьями ученика, мы уже готовы

были проститься съ нимъ, но онъ удержалъ насъ предложеніемъ показать свою любимицу. Заинтересованные предложеніемъ, мы отправились въ оранжерею. Здѣсь, въ уютномъ уголкѣ, въ небольшомъ ящикѣ растетъ мимоза, самая скромная изъ растеній сада. Дунулъ на нее слегка садовникъ, и она сразу же стыдливо опустила книзу свои листочки Мы невольно всѣ засмѣялись.

Больше смотрѣть нечего. Просимъ на прощанье рекомендовать намъ какія-нибудь комнатныя растенія. Садовникъ указываетъ араукарію (самое красивое изъ хвойныхъ), камелію, азалію, латанію, pelargonium и dracena. Вспомнили и очень пожалѣли на этотъ разъ, что нѣтъ съ нами нашего „естественника“; для него это бы цѣлый университетъ. Итакъ, мы за продолженіе часа времени побывали въ Китаѣ, Японіи, въ Сѣверной Америкѣ, подъ тропиками. Рядомъ съ этой энциклопедіей растеній, почти подъ ногами у насъ, за высокими деревьями плещется море. Благодатное мѣсто! Говорятъ, здѣсь температура никогда не понижается ниже нуля, даже въ то время, когда на горахъ бываетъ 25° R.

По возвращеніи изъ Никитскаго сада и послѣ обѣда побывали почти во всѣхъ городскихъ магазинахъ: покупали раковины, холодильники *), пояса и прочія мелочи, которыми славится Ялта. Потомъ собираемся въ дорогу и принимаемъ многочисленныхъ трактирныхъ завсегдатаевъ: половыхъ, швейцаровъ, разсыльныхъ, которые такъ любятъ сопровождать путешественниковъ и которые такъ услужливы бываютъ при отъѣздѣ.

Около 6-ти часовъ получили извѣстіе, что идетъ пароходъ. Спѣшно отправляемъ вещи, спѣшно идемъ къ молу и послѣдній разъ усердно молимся въ приморской часовнѣ. Пароходъ – „Великая Княгиня Ксенія“ —тоже одинъ изъ лучшихъ. На молѣ — таже обстановка, что и въ первый нашъ пріѣздъ. Масса пассажировъ сходитъ по лѣстницѣ на гранитную набережную. Толпа зѣвакъ сопровождаетъ ихъ взорами. Кривой швейцаръ изъ нашего трактира, въ фуражкѣ съ золотымъ околышемъ, нюхаетъ воздухъ, закрываетъ свой единственный глазъ, поднимаетъ носъ кверху и теноромъ, достойнымъ хорошаго пѣвчаго, тянетъ:

*) Кувшинъ, въ которомъ вода можетъ оставаться холодною даже въ самый жаркій день.

— Гррр—андъ Отель.

Затѣмъ пережидаетъ минутъ пять и снова:

— Ррр—андъ Отель.

Потомъ, какъ-то совершенно неожиданно бросается вслѣдъ за барыней и шепчетъ ей на ухо обычные свои комплименты по адресу отеля. Та идетъ и не обращаетъ вниманія. Чичероне опять возвращается на мѣсто, вытягиваетъ руки по швамъ, поднимаетъ носъ кверху и снова кричитъ:

— Гррандъ Отель!

Моментъ—и мелкота прошла. Медленно сходятъ съ парохода важныя лица. Полицейскіе вытягиваются предъ ними въ струнку, зазывальщики разступаются въ стороны, пароходская прислуга провожаетъ ихъ благодарными взорами. Идутъ не спѣша, обдуманно, какъ будто каждый шагъ ихъ—дѣло государственной важности. Отступаемъ шагъ назадъ и даемъ имъ дорогу.

Но вотъ уже мы и на пароходѣ. Послѣдній часъ нашего пребыванія въ Ялтѣ. Вечеръ сумрачный, облака низко повисли надъ горами; дождикъ накрапаетъ. Вспоминается такой же вечеръ въ Соловкахъ... Немного грустно на душѣ, чего-то жаль. А еще за день передъ тѣмъ хотѣлось скорѣе покончить оффиціальныя посѣщенія интересныхъ и неинтересныхъ мѣстъ, вызванныя исключительнымъ мотивомъ, что „всѣ тамъ бываютъ“. Жаль этого маленькаго городка, такъ уютно раскинувшагося по берегу моря, жаль этихъ горъ, что высоко дымятся надъ утонувшими въ зелени домиками. Хорошо бы, не спѣша, отдыхая отъ трудовъ и заботъ, провести здѣсь лѣтомъ недѣлю, мѣсяцъ... когда знаешь, что никто не придетъ за тобой торопить на какое нибудь дѣло, когда не боишься опоздать... Какъ милы, какъ безконечно привлекательны были бы эти горы, если бы не постоянно стоящая за нами добродушная фигура „о. благочиннаго“, всегда волнующагося, всюду спѣшащаго и заставляющаго другихъ спѣшить. А не спѣшить нельзя. И такъ вся жизнь, все стремишься куда-то, ѣдешь, спѣшишь вдаль... и скоро-ли *доѣдешь?*..

На пароходъ пришли наши землячки по Самарѣ. Мирно бесѣдуемъ съ ними въ ожиданіи отъѣзда и любуемся вечерней па-

норамой города. Ялта въ этотъ моментъ положительно красавица. Она только что „умылась“. Смотрите, какъ ярко блеститъ на закатѣ пятиглавый соборъ, какъ привѣтливо выглядываютъ изъ за зелени домики и виноградники на склонѣ горы. На пароходѣ во всю силу работаетъ лебедка и слышатся окрики: „верни по малу“. Горы темнѣютъ, почти ежеминутно мѣняя свой цвѣтъ. Облака поднялись выше, заходящее солнце золотитъ край нависшей надъ горами тучи. Прямо предъ нами цѣлый лѣсъ мелкихъ парусныхъ судовъ около каменной набережной, маленькій пароходъ, бѣлая лодка съ двумя гребцами... Темнѣетъ. На набережной зажгли огонь въ одномъ изъ магазиновъ. Привѣтливо горитъ онъ надъ волнами моря. За нимъ другой, третій мерцаютъ среди зелени, то пропадая, то загораясь вновь. А горы еще темнѣе, а вечеръ еще сумрачнѣе... Совсѣмъ стемнѣло. Цѣлая цѣпь огней зажглась на берегу и отражается въ зеркальной поверхности моря. Тихимъ, мерцающимъ блескомъ брилліантовъ свѣтитъ рядъ электрическихъ огней на гранитной набережной. По мѣстамъ появляются огни въ горахъ, среди зелени, точно они въ глубинѣ пещеры. На лѣво—зажгли огонь въ Ливадійскомъ дворцѣ...

Одинъ за другимъ раздаются дикіе свистки парохода; прощаемся и тихо отходимъ отъ пристани. Городъ еще красивѣе: точно ожерелье изъ разноцвѣтныхъ драгоцѣнныхъ камней окружаетъ его со стороны моря: синеватые огни электричества чередуются съ желтыми и красными огнями фонарей. Нѣсколько вправо — огни въ Гурзуфѣ. Картина положительно чарующая.

НА ОБРАТНОМЪ ПУТИ.

1 іюля. Проснулись въ Оеодосіи. Проводили одного изъ спутниковъ въ Москву и отправились осматривать городъ. Въ проэктѣ было посѣтить картинную галлерею Айвазовскаго, но такъ какъ часъ былъ слишкомъ ранній, то ограничились прогулкой по пустыннымъ улицамъ, побывали на паперти двухъ церквей, посмотрѣли какъ метутъ улицы экипажемъ - щеткой, выкупались въ ключевой водѣ недалеко отъ мола и возвратились на пароходъ

Въ двѣнадцать часовъ пароходъ подходилъ къ Керченскому

проливу. Во время пятичасовой остановки обѣдали въ трюмѣ, ежеминутно рискуя поплатиться жизнью. Надъ самымъ нашимъ столомъ лебедка вытаскивала на воздухъ мѣшки и ящики,—маленькая оплошность – и они могли сорваться и попасть намъ въ голову. Послѣ обѣда набѣжала туча и помѣшала намъ поѣхать осмотрѣть городъ. Такъ мы на этотъ разъ и остались относительно Керчи съ единственнымъ свѣдѣніемъ, что Аркадій Несчастливцевъ *) ѣхалъ изъ Керчи искать счастья въ Вологду. Въ концѣ остановки дождь пересталъ, и *положилъ Господь радугу* на горизонтѣ Азовскаго моря. Впечатлѣній никакихъ. Поглупѣли мы всѣ до неузнаваемости. Кое-кто пробовалъ говорить: ничего не выходитъ: одни нечленораздѣльные звуки. Одежда наша за время дороги ассимилировалась цвѣту морской воды: ряса о. духовника изъ сѣрой сдѣлалась зеленою и настолько пропылилась, что можно на ней писать литтеры на память грядущимъ поколѣніямъ. Чтобы „убить время“ пьемъ чай. Обстановка убогая: на пять пьющихъ три стакана, одинъ изъ нихъ съ отбитымъ краемъ, такъ что наливать его можно только до половины. На столѣ лежитъ старое „Новое Время“ и черствая булка, которую пора сдать въ музей за ея долголѣтіе. Одновременно съ нами пьютъ изъ нашихъ стакановъ громадныя Черноморскія мухи. Въ воздухѣ висятъ десятки мѣшковъ, которые подняла, но не успѣла еще опустить лебедка. Передъ трюмомъ стоитъ оборванный матросъ, и размахивая рукою какъ вѣеромъ, даетъ сигналы: „майна“ (пущай на низъ), „вира“ (кверху), „по малу“. Одинъ изъ пьющихъ чай разсказываетъ какъ буфетчица обсчитала его на горячей водѣ: за полную сумму налила полчайника и, когда у ней потребовали полный, сказала: „зачѣмъ вамъ полный-то: вы все равно прольете“... Все равно какъ если вамъ нужно пудъ муки, а вамъ отвѣсили бы полпуда, жалѣя васъ, что тяжело нести.

Въ перспективѣ Азовское море. Масса чаекъ „пѣшкомъ ходятъ“ по морскимъ волнамъ. Впереди бѣлоснѣжные маяки, дымящіеся пароходы и отдаленныя селенія. Скучное мѣсто, голое, безжизненное.

*) „Лѣсъ“ Островскаго.

Въ половинѣ седьмаго, черезъ полчаса послѣ срока, пароходъ „Бабушка“ возвратился съ пассажирами, уѣхавшими на берегъ, просвистѣлъ старушечьимъ голосомъ три раза и ушелъ обратно въ Керчь. Вслѣдъ за нимъ дико завылъ и нашъ пароходъ и медленно снялся съ мѣста.

Къ „о. благочинному“ подходитъ проходимецъ и предлагаетъ ему купить очки.

Наши шутливо спрашиваютъ его:

— Вы оптикъ?

— Да, оптикъ, отвѣчаетъ онъ съ увѣренностью.

И врачъ по глазнымъ болѣзнямъ?—продолжаютъ острить.

— Нѣтъ, но глазныя болѣзни прекрасно понимаю: достаточно посмотрѣть на ваши глаза, чтобы сказать, какой номеръ очковъ, выпуклые, вогнутые и т. д... Я вамъ дамъ очки... будутъ черные какъ уголь, и будете видѣть въ нихъ такъ пріятно, что будете говорить, что они стоятъ тысячу рублей.

— А какая цѣна?

— Три съ полтиной!..

На пароходѣ всѣ злые. Команда безпрестанно ругается и перегоняетъ насъ съ мѣста на мѣсто. „Дядя В.“ и пессимистъ больные лежатъ въ трюмѣ. Обоихъ ихъ во снѣ „жиды утѣсняютъ“. Къ ихъ же компаніи присоединяется и „о. благочинный“, но всѣми мѣрами скрываетъ отъ постороннихъ, что ему нездоровится.

Выбрались въ открытое мѣсто. *И Господь воздвиже вѣтръ великій на морѣ* (Іон. I, 4). Корабль бросаетъ изъ стороны въ сторону. Наученные въ Соловкахъ, на этотъ разъ поспѣшили прибѣгнуть къ спасительному средству – скорѣе залегли спать.

Въ поздній ночной часъ приходилъ помощникъ капитана и отбиралъ билеты. Наши билеты оказались *у батюшки*. Немало издѣвательствъ вызвало это слово; помощникъ склонялъ его по всѣмъ падежамъ.

2 іюля. Новороссійскъ. Только что разсвѣтало, когда нашъ пароходъ вошелъ въ тихій портъ, окруженный высокими горами со всѣхъ трехъ сторонъ. Не заѣзжая въ городъ, спѣшимъ къ вокзалу желѣзной дороги и, послѣ обычныхъ томительныхъ ожи-

даній, ѣдемъ между возвышеніями Сѣверо-Западнаго Кавказа, въ виду темнѣющихъ вдали горныхъ вершинъ. Одна за другою минуемъ двѣ тоннели и затѣмъ выбираемся на вольный просторъ. По обѣ стороны пути зелснѣетъ степь, время отъ времени попадаются селенія, затерявшіяся среди необозримой равнины полей и луговъ. Вскорѣ послѣ Кубани станція Тихорѣцкая. Во время продолжительной остановки собираемся партіей и идемъ осматривать станицу. Около вокзала оживленіе чрезвычайное: партіи косцовъ, отправляющихся на заработки, пассажиры, мелочныя торговки ягодами и въ сторонѣ дороги нищіе слѣпцы. Слышатся ихъ причитанія: „Благодѣтели Божіи, подайте милостиночку святую, подайте отъ всего сердца, желанные, не ради нашего прошенія, а ради души своей спасенія, отъ своихъ рученекъ рабочихъ, отъ своихъ глазочекъ пресвѣтлыхъ“... „Отцы наши, мамочки, православные христіане, благодѣтели Божіи, подайте вы милостиночку святую, ради своей душечки, тѣла спасенія, за свое здравіе. Бога молимъ“...

За Тихорѣцкой дорога еще однообразнѣе...

Вечеромъ руководители ведутъ продолжительный и оживленный споръ о значеніи русской литературы въ пониманіи пастырскаго идеала. Ночью—пересадка въ другой поѣздъ: мостъ сломался. Бранятся отчаянно кондуктора и пассажиры.

3 іюля. Проснулись въ 7 часовъ утра, и опять неудача: сломалась паропроводная труба у локомотива. Сидимъ нѣсколько часовъ въ открытой степи. Спутники наши, студенты — путейцы пытаются привязать проволоку къ телеграфу и дать знать на станцію о случившемся несчастьи, но и аппаратъ отказывается служить. Пишемъ депешу: „Я, 337 верста, порча паровоза, прошу выслать новый“ и посылаемъ ее съ водовозомъ—попутчикомъ. Пассажиры разбрелись по степи. Мы пошли съ о. духовникомъ впередъ поѣзда и сдѣлали привалъ на ближайшемъ мосту. О. духовникъ взялъ съ собою на память часть этого моста: двѣ гнилушки отъ устоевъ, на которыхъ утвержденъ путь. Приносимъ ихъ къ поѣзду и спрашиваемъ кондуктора: Это знаете что?

— Гнилое дерево, отвѣчаетъ кондукторъ.

Вашъ мостъ, говоримъ мы. Какъ думаете? Проѣдемъ?

— Проѣдемъ, говоритъ спокойно кондукторъ: прежде ѣздили и теперь проѣдемъ *).

И дѣйствительно, проѣхали.

Въ тотъ же день къ вечеру пріѣхали въ Сарепту. Скоро Волга. Въ воздухѣ чувствуется свѣжесть, напоминающая близость большой рѣки.

Передъ Царицынымъ — еще испытаніе. На желѣзно-дорожномъ мосту предъ городомъ едва не полетѣли мы, вмѣстѣ съ поѣздомъ, въ оврагъ, но и тутъ Богъ спасъ: тоже „проѣхали".

Въ городъ прибыли съ опозданіемъ: имѣли намѣреніе прокатиться на лучшемъ пароходѣ Волжскаго Общества „Императрица Александра", но пароходъ ушелъ за часъ раньше нашего пріѣзда.

Вечеръ провели на городской набережной слушая музыку, зѣвая на гуляющихъ по бульвару горожанъ и созерцая красоты родимой рѣки. Какая полноводная она здѣсь: отъ берега до берега версты три будетъ.

Около девяти часовъ вечера пришелъ снизу Самолетскій пароходъ „Александръ Грибоѣдовъ", и мы, въ послѣдній разъ собравъ свои вещи, расположились на ночлегъ уже „подъ родной крышей". Теперь вполнѣ можно было сказать словами Антилеонта: „Товарищи! Мнѣ надоѣло уже укладываться, шагать, бѣжать, стоять на караулѣ... Хотѣлось бы ѣхать, растянувшись, какъ Одиссей, и прибыть въ Элладу спящимъ". **) Такъ почти и случилось. Сразу же послѣ отъѣзда изъ Царицына у пишущаго эти строки началась лихорадка и держала его въ полубезсознательномъ состояніи почти до самой Самары. За весь этотъ двух суточный переѣздъ только и помню грозу надъ темными берегами Волги, позднимъ вечеромъ *4 іюля*, да во время пароксизма — разныхъ не-

*) Послѣ, въ Самарѣ, случился курьезъ съ этими гильзушками. О. духовникъ какъ то, показывая собравшимся гостямъ вещи, привезенныя изъ путешествія, досталъ и „остатки моста", тщательно завернутые въ бѣлую бумагу. Всѣ думали, что это остатки какого нибудь памятника старины и очень были разочарованы, когда узнали, что мнимая святыня — часть моста Владикавказской желѣзной дороги.

**) Ачаз. V. I, 2.

бывалой величины и формы звѣрей, нападавшихъ на меня со всѣхъ сторонъ.

Утромъ *6 іюля* въ послѣдній разъ всѣ участвовавшіе въ экскурсіи собрались около борта парохода и съ нетерпѣніемъ ждали, скоро-ли изъ за волжскихъ береговъ покажется высокая колокольня Самарскаго собора. Замѣтно всѣ стосковались по родинѣ. Это былъ послѣдній общій интересъ участниковъ экскурсіи. Черезъ полчаса, уже въ виду города, каждый спѣшилъ собрать свои вещи, а черезъ часъ, сойдя на пристань, всѣ разошлись въ разныя стороны.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прошло болѣе полугода послѣ нашей поѣздки. Обычнымъ порядкомъ идутъ учебные дни: уроки смѣняются „занятными часами“ и „занятные часы“ уроками. Не за горами и экзамены... А все кажется, что чего—то не хватаетъ въ учебномъ курсѣ, все вспоминаются тѣ простыя занятія безъ часовъ и минутъ, которыя велись въ вагонѣ желѣзнодорожнаго поѣзда, или на Днѣпровскомъ пароходѣ, или въ Кіевскихъ соборахъ, или вблизи мощей Святителя Черниговскаго и Кіевопечерскихъ подвижниковъ или, наконецъ, на Братскомъ кладбищѣ и Малаховомъ курганѣ. Какъ скоро и совершенно безъ труда усвоялись *тѣ* уроки! И какъ долго, думаю, они продержатся въ памяти! Здѣсь, въ классѣ, сколько бы разъ ни повторялъ свои объясненія, все равно — пробьетъ звонокъ, пройдетъ экзаменъ, будетъ конченъ школьный курсъ и— все забудется, что когда то учено было. А тотъ урокъ никогда не забудется. И не только не забудется, но, съ теченіемъ времени, и улучшится въ своемъ качествѣ, и увеличится въ своемъ объемѣ и силѣ впечатлѣнія. Пройдетъ много лѣтъ со времени Кіевской поѣздки. Уже отцами и дѣдами будутъ „участники путешествія“, а все еще не перестанутъ твердить они на разные лады свой старинный урокъ. Живо рисуетъ мое воображеніе далекое будущее.

Поздній вечеръ. Буранъ на улицѣ. Въ домѣ сельскаго священника одиноко лампада горитъ предъ образами, топится печь.

По стѣнамъ развѣшены картины временъ юности: фотографическіе снимки южной поѣздки. Отецъ, вмѣсто матери, уѣхавшей въ городъ, укачиваетъ младшаго сына. Давно забылъ или, можетъ быть, никогда не зналъ онъ никакой колыбельной пѣсни. А малютка не спитъ безъ убаюкиванья. Блуждая задумчивымъ взоромъ, взглядываетъ отецъ на стѣны дома и совершенно безсознательно—тихо, въ полголоса начинаетъ пѣть... „про Москву, про Астрахань, про Кіевъ, про Казань“. Чутко вслушиваются старшія дѣти въ пѣсню и—стоитъ уснуть младшему брату, какъ сразу же начинаютъ разспрашивать отца о томъ, что онъ пѣлъ надъ колыбелью. Оживится отецъ и далеко за полночь затянется задушевная бесѣда. А еще чрезъ много лѣтъ, вспомнится *юношѣ* разсказъ старика—отца и, кто знаетъ, быть можетъ найдетъ себѣ воплощеніе въ ученой, глубоко продуманной и сердечно написанной диссертаціи на тему, подсказанную воспоминаніемъ дѣтства...

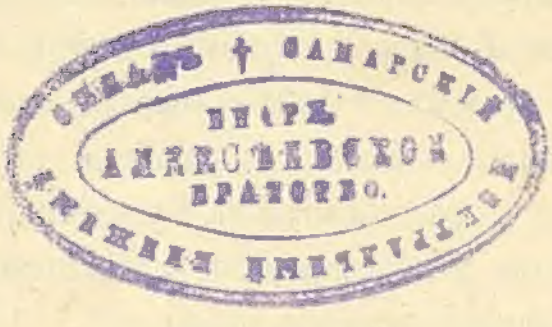
Но не одной только быстротѣ воспріятія и живучести воспоминаній содѣйствуетъ путешествіе, нѣтъ: еще больше, еще всестороннѣе его *воспитательное* вліяніе во всѣхъ областяхъ, начиная съ внѣшней дисциплины и кончая развитіемъ лучшихъ душевныхъ настроеній. Въ обычное учебное время какъ много тратится энергіи на то, чтобы сдерживать въ должныхъ границахъ „порывы юности“. Но зато какъ мало нужно было ея нашимъ юношамъ во время поѣздки. На людяхъ—ли, или наединѣ сами съ собою, во время остановки, всѣ они вели себя такъ, какъ не научилъ бы ихъ себя вести и самый строгій „режимъ“. Да и что значитъ даже самая образцовая дисциплина по сравненію съ тою, которую создаетъ впечатлѣніе береговъ Днѣпра, Аскольдовой могилы, пещеръ, Владимірскаго собора—съ одной стороны, и съ другой—неописуемыхъ по своей красотѣ видовъ моря, высокихъ горъ и цвѣтущихъ виноградниковъ?..

Затѣмъ. У насъ такъ часто говорятъ о необходимости сохраненія въ ученикахъ религіознаго и патріотическаго настроенія и все еще держатся убѣжденія, что можно уберечь юношество, затворивъ двери въ міръ и закрывъ всѣ входы и выходы, откуда могло бы проникнуть въ школьный монастырь мірское тлетвор-

ное вліяніе. Великая въ этомъ ошибка. Вліяніе проникаетъ „чрезъ заборы, чрезъ окна, даже чрезъ скважины стѣнъ“. Не достигаются результаты путемъ отрицательнымъ... Но попробуйте для той же цѣли употребить другой путь, вмѣсто „сохраненія“ попробуйте *создать* настроеніе, и васъ удивятъ результаты, вами полученные. Самаго безпокойнаго, неугомоннаго юношу, если онъ еще не совсѣмъ испорченъ, проведите вы по всей русской землѣ—отъ края до края, – у гробницъ предковъ прочитайте ему лекцію о великихъ людяхъ, до смерти стоявшихъ за благо родины, покажите ему, затѣмъ, путь христіанства отъ Корсуня къ Кіеву, и Москвѣ, и Соловкамъ; побывайте съ нимъ при благолѣпныхъ столичныхъ службахъ—и соборныхъ, и монастырскихъ—съ хорошимъ хоромъ пѣвчихъ, съ истовымъ соблюденіемъ церковныхъ обычаевъ, и—мы увѣрены—онъ скажетъ тоже, что и послы Кіевскіе: „мы забыли, на небѣ или на землѣ стоимъ“... Ужъ если пословъ, закаленныхъ въ бояхъ, молившихся о томъ, чтобы „Перунъ далъ булатный мечъ“, *)—если ихъ задѣло за сердце великолѣпіе храма и истовая церковная служба,— ихъ, привыкшихъ къ боямъ и убійствамъ, то ужели она не зажжетъ Божьей искры въ добрыхъ нашихъ юношахъ и ужели не научитъ ихъ всей душой любить вѣру православную и Русь святую?..

Вѣримъ, что и здѣсь дерево дастъ хорошіе плоды, если къ нему будутъ привиты *живыя силы*.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ этомъ дневникѣ. Вчера принесли мнѣ послѣднюю корректуру. Началъ читать—и сердце кровью облилось: стыдно стало за свою малограмотную рукопись... Но чѣмъ дальше я вчитывался въ знакомыя строки и страницы, тѣмъ больше и больше уходили изъ сознанія грамматическія и стилистическія ошибки, смѣняясь живыми впечатлѣніями, и тѣмъ все дороже и дороже становилась мнѣ моя повѣсть. Жаль стало исправлять или уничтожать написанное. Такъ иногда бываетъ съ состарѣвшимся и много уже испытавшимъ человѣкомъ. Найдетъ онъ вдругъ, среди старинныхъ бумагъ, глупое, малограмотное

*) Опера „Руслан и Людмила“.

письмо временъ юности, покраснѣетъ, застыдится написанныхъ когда-то съ увлеченіемъ строкъ и готовъ уже будетъ уничтожить ихъ Но... жаль ему станетъ,—серьезному, умному, корректному человѣку жаль станетъ давно минувшей глупой, несдержанной, безтактной молодости. Жаль и мнѣ своего дневника. Вѣдь это тоже — часть моей жизни, моей лучшей жизни. Кто знаетъ, можетъ быть доживу до той поры, когда *нечьмъ* уже будетъ жить, кромѣ прошлаго. И тогда сослужатъ свою службу эти дорогія воспоминанія.